ՀԱՅԿ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՋԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 16

ԱՐՏԱՇԱՏ

I

Բ. Ն. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ

1970—1977 ԹԹ. ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԻ ՀԻՄՆԱԿԱՆ
ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ
1982

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 16

АРТАШАТ

I

Б. Н. АРАКЕЛЯН

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК
1970—1977 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1982

ББК 63.4(2Ар)
А79

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армянской ССР

Ответственный редактор кандидат исторических наук Г. А. ТИРАЦЯН

Аракелян, Б. Н.
А—79 Основные результаты раскопок, 1970—1977 гг. /Отв. ред. Г. А. Тирацян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1982. 71 с., 46 л. илл. (Археол. раскопки в Армении. АН АрмССР, Ин-т археологии и этнографии; № 16, Арташат I).

Книга знакомит читателя с основными результатами раскопок знаменитой столицы древней Армении—Арташата, проведенных в 1970—1977 гг.

Открытые при раскопках памятники и археологический материал являются реликвиями цветущей в эпоху античности многогранной культуры армянского народа и первоклассным источником ее истории.

Предлагаемая книга рассчитана как на специалистов—историков и археологов, так и на широкий круг читателей.

А $\frac{0507000000}{703(02)—82}$ 10—82

ББК 63.4(2Ар)
902.6(С4 Ј)

© Издательство АН Армянской ССР. 1982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические раскопки в Арташате давно стали необходимостью. Арташат в течение пяти столетий являлся столицей древней Армении, крупнейшим экономическим и культурным центром страны. Исключительная важность раскопок Арташата обусловлена и другим обстоятельством — малой изученностью городов и вообще культуры древней Армении. Археологические раскопки ведутся в Армении более ста лет, однако они охватывали в основном эпоху бронзы, Урарту, средние века. Другие эпохи оставались вне поля зрения археологов. Наиболее крупный пробел относится к периоду, последовавшему падению урартского государства в начале VI в. до н. э. и продолжавшемуся почти девятьсот лет—до зарождения феодализма в Армении и обращения армян в христианство.

VI в. до н. э.—III в. н. э. были наиболее значительным временем в истории древней Армении. К началу этого периода (VI—III вв.) относится завершение этногенеза армян и становление армянского народа, а вместе с этим формирование общеармянской культуры, имевшее место на основе векового процесса возникновения общностей и консолидации локальных, разрозненных культур армянских племен. Если армянское государство после падения Урарту оказалось подвластной Мидии, затем Ахеменидскому Ирану и не было долго-

вечным, то позднее возникает единое и прочное армянское государство, которое достигает значительной экономической, политической и военной мощи при Арташесе I (189—160 до н. э.) и Тигране II (95—56 до н. э.). Заметно высокого уровня достигает также материальная и духовная культура армянского народа. Однако материальная культура этой важной исторической эпохи, дошедшая до нас отдельными случайными памятниками, была почти неизвестной и неизученной. Раскопки древнего Вагаршапата, предпринятые в 1931 г., были прекращены в том же году.

Систематическое археологическое изучение памятников древнего периода истории армянского народа началось раскопками крепости Гарни, предпринятыми в 1949 г. Создание самостоятельного Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР в 1959 г. позволило расширить археологическую работу и проводить ее более планомерно. В 1962 г. начались систематические раскопки древнего Армавира—столицы царства армянских Ервандитов, возникшей на месте урартского города Аргиштихинили. Раскопки как Гарни, так и древнего Армавира оказались весьма результативными и успешно продолжаются. Вместе с тем известно, что Армавир потерял значение не только столицы, но и крупного города еще во II в. до н. э. после основания Ервандашата и Арташата. Раскопки Армавира дают нам материал урартского времени и эллинистической эпохи до II в. до и. э. Раскопками крепости Гарни выявляются памятники и археологический материал главным образом I—III вв. н. э. и более позднего времени.

Таким образом, древнеармянская культура II—I вв. до н. э. периода могущества армянского государства, когда она могла приобрести эллинистический облик и достигнуть своего расцвета, оставалась неизвестной.

II—I вв. до н. э. явились также временем высокого расцвета столицы Арташат, где лучше всего могли скрещиваться вековые культурные традиции с новыми веяниями и эллинистическим направлением. Стало очевидным, что восстановление сравнительно целостной исторической картины культуры древней Армении было невозможно без выявления того, что скрывалось под пластами земли давно исчезнувшего города. Раскопки в Арташате стали неотложной задачей, и случай помог приступить к работе. В 1967 г. на территории города были найдены латинские надписи, базы от колонн, фрагменты разноцветной обмазки зданий и керамические черепки античного времени.

После подготовительной работы археологическая экспедиция Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР в 1970 г. приступила к раскопкам Арташата. Первые два года раскопки велись армавирской и арташатской совместной экспедицией, руководимой Б. Н. Аракеляном, заместителем которого был Г. А. Тирацян, зав. отрядом—Ж. Д. Хачатрян, который с 1973 г. стал заместителем руководителя экспедиции.

Развалины Арташата находятся в плодородной Араратской долине, где интенсивная сельскохозяйственная работа начинается с ранней весны и не прекращается до декабря. Поэтому экспедиции приходилось использовать рабочую силу преимущественно школьников старших классов, во время их летних каникул.

1. Фрагменты стенной росписи: а. верхняя часть (карниз). б. другие фрагменты.

Fragments of wall painting: a. upper part, b. other fragments.

Развалины Арташата лежат на левом берегу р. Аракс, напротив горы Арарат. Цитадель и центральные кварталы города находились на девяти холмах, носящих название Хор-вирап, по имени монастыря, возведенного на одном из холмов. Раскопки городища начались в ноябре 1970 г. и носили, скорее, разведывательный характер. Работа велась в основном на втором (по нумерации экспедиции), самом большом и высоком холме, отчасти и на первом холме, на котором во второй же день работы, при осмотре территории города, были найдены 26 золотых листьев от венца.

В следующем году экспедиция сочла целесообразным сосредоточить работу на первом, крайнем северном, холме. После завершения раскопок этого холма летом 1973 г. работа была перенесена на восьмой, юго-западный холм, выходящий к берегам р. Аракс. Частично раскопан также седьмой, высокий и скалистый холм и полностью четвертый, самый маленький холм, имевший узловое значение для внутренних коммуникаций города. Равнина, лежащая перед холмами, составляет пашни местного населения, обрабатываемые в течение многих веков. Вследствие этого следы городских кварталов сравнены с землей и почти не заметны. Экспедиции удалось выяснить, что к северо-востоку от холмов находился один из кварталов города, где имелись здания с черепичным перекрытием и стенными росписями. Отряд экспедиции во главе с Ж. Д. Хачатряном в 1971 г. вел раскопки могильников города на равнине в значительном отдалении от холмов. Открывается интересная картина погребальных обрядов, обнаружен значительный археологический материал, который стал предметом исследования Ж. Д. Хачатряна[1]. Экспедиция в 1970, 1971, 1974, 1976, 1977 гг. работала только летом, продолжительностью в 2—2,5 месяца, а в 1972, 1973, 1975 гг.—по два сезона—летом и осенью. Начиная с 1973 г. работа сосредоточена на восьмом холме, где она продолжается несколько лет, а раскопки города, хотя бы основной части ее территории—задача не одного поколения археологов.

Состав Арташатской археологической экспедиции имеет свой костяк, который со временем несколько изменился. В работе экспедиции в разные годы принял участие целый ряд ученых, во многом способствовавших успеху экспедиции. Ниже приводится список участников экспедиции за 1970—1977 гг. работы:

Аракелян Бабкен Николаевич (1970—1977), Тирацян Геворк Аргашесович, кандидат исторических наук (1970, 1971, 1972), Хачатрян Жорес Давидович, кандидат исторических наук (1970—1977), Тер-Мартиросов Феликс Иванович, младший научный сотрудник (1970—1975), Канецян Аминия Гургеновна, архитектор (1970—1977), Караханян Григор Оганесович, кандидат исторических наук (1970, 1972, 1973), Карапетян Инесса Ашотовна (1972), Ханзадян Эмма Вагинаковна, кандидат исторических наук (1970, 1972), Кркяшарян Симон Мисакович, кандидат исторических наук (1975, 1976, 1977), Зардарян Мкртыч Оганесович (1972—1977), Зинджирджян Васил Карапетович (1972, 1973), Пичикян Игорь Рубенович, кандидат исторических наук (1975), Казаросян Арпине Амбарцумовна (1976—1977), Акопян Арам Мушегович (1977), Манукян Асмик Бабкеновна (1977) и другие.

[1] Арташат, II, *Ж. Д. Хачатрян,* Античные некрополи (раскопки 1971—1977 гг.), Ереван, 1981.

Фотографическую работу экспедиции выполняли: Шагинян Абрам Назаретович (первые три года), Жамкочян Григор Карапетович, отдельные годы также Немрут, Акопян Рафик Восканович, Амалян Арам Андраникович.

В работе экспедиции принимало участие также много практикантов из высших учебных заведений Еревана и два практиканта из Москвы.

Можно сказать, что раскопки Арташата стали школой подготовки научных кадров, где повысили свои знания и мастерство археолога, приобрели опыт и знания молодые кадры, а некоторые из них получили «крещение» археолога именно в Арташате.

Арташатская археологическая экспедиция может с удовлетворением отметить, что раскопки первых восьми лет вполне оправдали ее надежды, а впереди еще много задач, работы и ожиданий.

АРТАШАТ—СТОЛИЦА

«Возник большой и очень красивый город, которому царь дал свое имя и провозгласил его столицей Армении».

Плутарх

Арташат был основан в 180—170 гг. до н. э. и провозглашен столицей Армении, но он был не первой ее столицей. За 400 лет до того армянский народ, вступивший в завершающий период своего этнического формирования, создал свою государственность. Однако соседние с Арменией государства были сильнее, и Мидия установила свое господство над армянским царством, возникшим в VI в., после падения Урарту.

Велико было стремление к свободе, и армяне восстали против иноземного владычества. Об этом сохранилось интересное сообщение Ксенофонта:

— Почему нынче ты ни подати не платишь, ни войска не поставляешь и начал строить укрепления?—укоряет армянского царя грозный неприятель, усматривавший в силе свое право господствовать над другими.

— Я, — ответил царь, — стремился к свободе, так как предпочитал и самому быть свободным и детям своим оставить свободу[1].

Но свобода не была приобретена.

Мидийское царство оказалось

[1] *Xenophontis.* Cyropaedia, III, I. 10.

недолговечным, в 550 г. оно уступило место иранской державе Ахеменидов. Согласно некоторым сообщениям летописцев, армяне оказали содействие основателю нового государства Киру в надежде облегчить свое положение. Однако Кир, победив, удвоил налоги и подати, взымаемые с Армении.

Воспользовавшись междоусобицей вызванной борьбой за иранский престол, армяне в 522—521 гг. до н. э. подняли восстание, на этот раз против владычества Ахсменидов. Упорная борьба, ход которой довольно обстоятельно запечатлен в Бехистунской надписи Дария I, не принесла независимости стране. Упрочившись на ахеменидском престоле, Дарий I в 520 г. упразднил царскую власть Армении и включил страну в состав сатрапств Ахеменидской державы.

Мощь соседних держав, разумеется, оказалась не вечной, а стремление к свободе у армянского народа было непреодолимо.

Позднее, когда ослабевшая Ахеменидская держава потерпела крушение под ударами войск Александра Македонского, на Армянском нагорье возникли новые государственные образования—Великая Армения, Софена и Малая Армения. Этому способствовал распад империи Александра Македонского после его смерти в 323 г. до и. э. Правда, возникшее на довольно обширных территориях Ближнего Востока Селевкидское государство с центром в Сирии также пыталось подчинить Армению. На короткий период это ему удалось, но все же Армения смогла отстоять свою независимость. Страна постепенно начинает приобщаться к эллинистическому миру и вступает в новую эпоху весьма значительного социально-экономического, политического и культурного развития. Возникают новые города—Арсамосата и Аркатнакерт в Софене, Камах в Малой Армении, Армавир, Ервандашат, Ервандакерт в Великой Армении. В городах развиваются ремесленное производство и торговля. Чтобы способствовать торговле, цари Софены, расположенной в юго-западной части Армянского нагорья, по соседству с селевкидским государством и Каппадокией, еще в середине III в. до н. э. стали чеканить монеты.

В числе армянских государственных образований наиболее значительным было царство Ервандидов (Ервандуниев), охватывавшее основную часть страны—Великую Армению. Столица этого царства город Армавир, возникший на месте крупного урартского города Аргиштихинили, находился в Араратской долине, на левом берегу реки Аракс. Окруженная плодородными нивами, виноградниками и фруктовыми садами столица процветала. Торговыми дорогами она была связана с соседними странами древнего мира. Армения вступила на путь исторического прогресса. Однако цари династии Ервандуни не смогли окончательно объединить Армению в единое государство, и в конце III в. до н. э. Селевкиды подчинили Армению своей власти. Их владычество оказалось весьма кратковременным. Против Селевкидов выступила грозная сила—Рим, ставшая мировой державой. В 190 г. до н. э. римские легионы вступили в Малую Азию, нанеся тяжелое поражение селевкидскому царю Антиоху III. Армения к этому времени управлялась местными вельможами Арташесом (Артаксии) и Зарехом (Зариадр), назначенными селевкидским царем стратегами (наместниками) Великой Армении и Софены. Воспользовавшись поражением Селевкидов, армяне в 189 г. до н. э. подняли восстание про-

2а. Фрагменты стенной росписи; б. Тарелка из лазурита.
a. Fragments of wall painting; b. Plate from lapis lazuli.

тив иноземного владычества и возглавлявшие восстание стратеги были провозглашены царями: Арташес—Великой Армении, а Зарех —Софены. Таким образом, царство Арташесидов фактически стало наследником царства Ервандидов Великой Армении.

Царь Великой Армении Арташес I (189—160), упрочив свою власть, воссоединил периферийные области страны, осуществил земельные и административные реформы. При нем были объединены почти все армянские земли, за исключением Софены и части Малой Армении. Он фактически явился основателем единого, этнически однородного и прочного армянского государства. При Арташесе I были созданы благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства, большое внимание было уделено градостроительству. В этот период Армения переживала весьма значительный экономический и культурный подъем.

Мовсес Хоренаци, ссылаясь на неизвестные нам источники, а также на дошедшие до него, т. е. до V века, предания, сообщает: «Говорят, что при Арташесе не было клочка невозделанной земли в Армении, ни на горах, ни на долинах. Таково было благоденствие земли нашей»[2].

Процветающей стране нужна была новая столица, тем более, что прежняя столица Армавир еще при Ервандидах уступила свое место новой столице Ервандашату. Последняя же не могла стать резиденцией Арташеса не только потому, что, находилась на окраине плодородной Араратской долины, но и потому, что зажатая в ущелье среди гор, в стороне от торговых магистралей, она не имела перспектив стать столицей большого государства.

Основание новой столицы было необходимо как в политическом, династическом, так и экономическом отношениях.

Новая столица была построена в Араратской долине, на левом берегу реки Аракс, напротив величественного Арарата. Она стала объединяющим центром страны, и средоточием экономической, политической и культурной жизни довольно крупного государства в восточном регионе древнего мира. Основание Арташата явилось венцом строительной деятельности Арташеса I.

Находясь в плодородной, густонаселенной Араратской долине, на перекрестках торговых дорог, Арташат стал одним из наиболее значительных и известных городов эллинистического Востока. Не случайно, что об основании Арташата, о его величии и красоте оставлены интересные сведения летописцами и созданы предания, отголоски которых дошли до V в. н. э. Выдающийся географ древнего мира Страбон, говоря о городах Армении, в частности об Арташате, сообщает: «Артаксата не далеко от равнины Араксены, это благоустроенный город и столица страны. Она расположена на схожем с полуостровом выступе, а перед ее степами кругом проходит река за исключением пространства на перешейке, которое огорожено рвом и частоколом»[3].

Известный греческий историк II в. н. э. Плутарх повествует, что для основания Арташата выбрали «местность чрезвычайно удачно расположенную и красивую, но лежавшую в запустении». Говоря о строительстве города, он заключает: «Возник большой и очень краси-

[2] *Мовсес Хоренаци.* История Армении, кн. II, гл. 56.

[3] *Страбон.* География в 17 книгах, М., 1964, кн. XI, 14, 6, стр. 489.

вый город, которому царь дал свое имя и провозгласил его столицей Армении»[4].

Как Страбон, так и Плутарх приводят предание о том, что в выборе места, а также в предварительной наметке строительства Арташата принял участие знаменитый карфагенский полководец Ганнибал и что царь Арташес попросил его взять на себя надзор над строительством.

Однако эти сведения вряд ли соответствуют действительности и, скорее, являются преданием, отражающим факт выбора весьма удобного места для города, продуманное его планирование и благоустроенность.

Основание новой столицы, которая в дальнейшем сыграла большую роль в жизни страны, было событием исторического значения. Этим можно объяснить, что семь столетий спустя отец армянской историографии Мовсес Хоренаци в своей знаменитой книге «История Армении» приводит подробные сведения о строительстве Арташата, а также старинные предания, связанные с основанием города. Он пишет: «Арташес отправляется на то место, где сливаются Ерасх и Мецамор; тут полюбился ему холм, на котором строит город и называет его по своему имени Арташатом. Ерасх помогает ему сосновым лесом; вот почему скоро и без особенного труда, построив город, сооружает в нем храм, и из Багарана переносит туда изображение Артемиды и все кумиры отцов своих[5]; но изображение Аполлона ставит за городом, недалеко от большой дороги. Он выводит из города Еруанда пленных евреев, переведенных туда из Армавира, и поселяет в Арташате. Также все украшения города Еруанда, перенесенные туда из Армавира, равно и им самим сделанные, переводит в Арташат; и наконец, что важнее всего, назначает его местопребыванием царя»[6].

Находясь в богатой сельскохозяйственной округе, Арташат быстро растет и превращается в крупнейший центр ремесленного производства и международной торговли, играющий большую роль в экономической и культурной жизни Армении. Велико было также административно-политическое значение Арташата. Он стал сердцем страны и играл роль столицы—объединяющего центра всех армянских земель—на протяжении почти 500 лет.

Арташат имел ту же историческую судьбу, которая стала уделом армянского народа в древности. Эта судьба, наряду со значительными успехами и прогрессом в общественно-экономической, политической и культурной жизни, принесла стране и ее столице постоянные заботы и огромные трудности в борьбе за сохранение независимости Армении. За расцветом столицы последовали разрушения, разорения, падение, возрождение из пепла и вновь падение, уже окончательное.

Вторгнувшиеся в Армению в 69 г. до н. э. римские легионы во главе с Лукуллом захватили и ограбили вторую столицу Армении—Тигранакерт. Лукулл считал Арташат центром противоборствующего Риму государства—армянским Карфагеном и угрожал удостоить его

---

[4] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в трех томах, т. II, М., 1963, XXXI, стр. 199.

[5] Под «кумирами отцов своих» следует понимать идолы или изваяния предков царя.

[6] *Мовсес Хоренаци.* История Армении, кн. 2, гл. 49.

судьбы Карфагена—сравнять с землей. Но по пути к Арташату войска Лукулла были разгромлены Тиграном II. Спустя некоторое время Тигран потерпел поражение от Помпея, но римский полководец в 66 г. до н. э. вступил на Арташатскую землю не в целях ее захвата, а для мирных переговоров. Тигран, очевидно считая лучше не доводить дело до катастрофы, предложил мир. Он вынужден был отказаться от завоеванных им стран, но армянское государство сохранилось в своих естественных границах.

События 60-х гг. в политической жизни Ближнего Востока—победа римлян над Иудеей в 63 г., захват ими Сирии в 64 г. и объявление ее римской провинцией, падение в 66 г. сильного понтийского царства Митридата VI Евпатора, поражение Тиграна II привели к усилению римской экспансии на Востоке, теперь уже против их вчерашней союзницы Парфии.

Весьма характерен циничный ответ Помпея послам парфянского царя Фраата III по поводу нарушения римскими войсками сферы влияния парфян в Северной Месопотамии, заявившего, что господство Рима простирается так же далеко, как и его право.

Последствия экспансионистской политики Рима на Востоке вскоре должны были отразиться и на Армении. В начале правления сына и преемника Тиграна—Артавазда II (55—34) один из членов первого римского триумвирата Марк Лициний Красс, став проконсулом Сирии, собирался покорить Восток, вплоть до Бактрии. Артавазд II, согласно договору Тиграна II с Помпеем, должен был оказать Крассу помощь войсками. В целях предотвращения возможного вторжения парфянских войск в Армению, а может быть, предугадав отказ тщеславного римского полководца, он предложил Крассу поход против Парфии совершить через Армению. Но Красс отверг предложение Артавазда и, без согласия римского сената начал свой поход через пустынные просторы Северной Месопотамии. Артавазд, сознавая последствия успеха римского оружия для судеб Армении, заключил союз с парфянским царем Ородом II, закрепив его брачными узами своей сестры с парфянским царевичем. К этому времени римская армия потерпела большое поражение в битве у месопотамского города Карры. Погибло до 20 тысяч римских воинов, погиб и сам Красс. В столице Армении продолжались торжества, когда сюда была доставлена отрубленная голова Красса. Трагический актер Язон из Фралл, исполнявший роль Агавы в пьесе «Вакханки» Еврипида, схватил голову Красса и, впав в состояние вакхического экстаза, начал декламировать стихи:

> Мы несем с гор в свой дом недавно сорванный плющ,
> Добычу счастливой охоты...[7]

Так, голова Красса, некогда одержавшего победу над Спартаком и собиравшегося покорить Восток, стала жалким предметом при представлении «Вакханок» Еврипида в Арташатском дворце Артавазда II.

Но судьба предала и Артавазда. Армянский царь пал не на поле брани, а стал жертвой вероломства Марка Антония, в руки которого перешли бразды правления Востоком. Историки сообщают, что после

[7] *Плутарх Красос,* XXXIII.

вероломного пленения Артавазда в 34 г. римляне, сломив сопротивление старшего сына Артавазда—Артаксия (Арташеса), провозглашенного царем Армении, ворвались в Арташат и, захватив семью Артавазда, увели в Александрию, где Артавазд был казнен. Армения и ее столица Арташат подверглись ограблению[8]. Но царь Арташес II (33—20 гг. до н. э.) вновь отстоял независимость страны.

Однако столице предстояли новые суровые испытания и страшные бедствия. Римские войска во главе с Домицием Корбулоном прошли через Армению с огнем и мечом и осенью 58 г. подошли к Арташату. Тиридат, брат парфянского царя Вологеза I, назначенный царем Армении, после слабого сопротивления удалился в Атропатену и римляне заняли Арташат. Весной следующего года под натиском армянских и союзных парфянских войск они вынуждены были оставить город, однако перед своим отступлением римляне до основания разрушили и сожгли Арташат. Повествуя об этих событиях, известный римский историк Корнелий Тацит сообщает, что после ухода Тиридата Корбулон посылает войско для осады Арташата, «однако,—пишет Тацит,—горожане, добровольно открыв ворота, отдали себя и свое имущество на усмотрение победителей, и это спасло их от истребления; что же касается Артаксаты, то, подожженная нами, она была разрушена до основания и сравнена с землей, ибо из-за протяженности городских укреплений удержать ее за собою без сильного гарнизона мы не могли, а малочисленность нашего войска не позволяла выделить такой гарнизон и вместе с тем продолжать войну; покинуть же ее целую и невредимую без всякой охраны означало бы, что мы не сумеем извлечь для себя из овладения ею ни пользы, ни славы»[9].

Совершив это злодеяние, римские войска отошли на юго-запад Армянского нагорья. Здесь, на южном берегу р. Арацани, недалеко от местечка Рандея, они потерпели поражение от подоспевшей армии парфянского царя Вологеза и армянских отрядов. Согласно заключенному между Парфией и Римом договору, в Армении была утверждена династия Аршакидов. Основатель новой династии Тиридат I в 60—70-х годах восстанавливает город Арташат, который и после этого долгое время был столицей Армении.

Римляне, однако, не отказались от намерения покорить Армению и превратить ее в римскую провинцию.

В обширные планы восточного похода императора Траяна, возомнившего себя новым Александром Македонским, входило также завоевание Армении. Во время похода Траяна в 114—116 гг. Армения и ее столица Арташат были захвачены римскими войсками, однако вспыхнувшие против римлян восстания в Армении, Северной Месопотамии и Осроене заставили их в 117 году уйти из Парфии и Армении.

В 163 г. римские войска вновь оказались у стен Арташата. Осажденный город был взят. Римляне были намерены осуществить то, что фактически им не удалось в свое время Траяну—объявить Армению римской провинцией. Против них, однако, вновь поднимается армян-

---

[8] *Страбон*, XI, 14, 15, *Плутарх*, L, 2.

[9] *Cornelius Tacitus*. Annales, XIII, 41. Перевод соч. в двух томах, т. 1, Анналы. Л., 1969, стр. 243.

ский народ и судя по всему, центром восстания становится Арташат, который частично был разрушен римлянами.

В 164 г. столица Армении из Арташата была перенесена в Вагаршапат, получившего второе греческое название—Кайнеполис. Однако и после этого Арташат сохранил значение первой столицы страны.

В продолжительный период времени, начиная с 60-х годов I в. до н. э. вплоть до конца II века Армении и ее столице в основном угрожал Рим. Армянские Аршакиды с момента прихода к власти (60-е годы I в. н. э.), отстаивая независимость страны, обычно вступали в союз с Парфией, где правили родственные им Аршакиды. Но вскоре положение резко изменилось. Римская империя клонилась к упадку, а в Иране пало Парфянское царство и в 226—27 гг. к власти пришли Сасаниды. Они стремились восстановить былую мощь древнего Иранского государства, и это им в значительной мере удалось.

Вместо римско-парфянского противоборства на Востоке возникает римско-сасанидское, при этом чаша весов постепенно клонится в пользу Сасанидов. Отныне грозная опасность Армении шла со стороны непосредственного соседа—Ирана.

Ослабевшая Римская империя вовсе не отказалась от идеи захвата Армении, но порой вынужденно искала союза с ней, вернее старалась привлечь ее на свою сторону в качестве своего младшего партнера для борьбы против Сасанидов.

Такое положение было чревато серьезной опасностью для Армении, а ее столицу ожидали новые тяжкие испытания.

По сообщениям Мовсеса Хоренаци, к этому времени вокруг города образовались болота, воздух стал нездоровым и ввиду этого, царь Хосров Котак (332—338 гг.) перенес свой двор несколько к северу и воздвиг дворец на холме, именуемом Двин[10]. Вокруг холма в IV—V вв. возник известный одноименный город Двин, ставший в дальнейшем крупнейшим городским центром средневековой Армении. Судя по сведениям источников, Арташат и после этого оставался крупнейшим городом, но перестал быть резиденцией армянских царей. Но вскоре над городом вновь нависла страшная опасность.

В 360-х годах в Армению вторгается армия грозного сасанидского царя Шапура II, нанесшая огромный ущерб всей стране. Особенно пострадали города, которые были разграблены, разрушены, а их население было угнано в Иран. Сокрушительный удар был нанесен и Арташату. Армянский историк Фавстос Бузанд сообщает, что персидские войска «пришли к большому городу Арташату, взяли его, разрушили стены, забрали хранившиеся там сокровища и всех жителей города увели в плен. Из города Арташата увели в плен девять тысяч семейств евреев, которых привел в плен из Палестинской страны царь Тигран Аршакуни, и сорок тысяч семейств армян, которых увели (в плен) из города Арташата. Из городских строений деревянные подожгли, каменные стерли, так и стену; все здания города разрушили до основания, камня на камне не оставили, город лишив всех жителей, превратили в безлюдную пустыню»[11].

Как бы ни были преувеличены приведенные автором цифры, они

---

[10] *Мовсес Хоренаци*, кн. III, гл. 8.

[11] «История Армении Фавстоса Бузанда», Ереван, 1953, стр. 133.

показывают, что Арташат в 60-х годах IV в. все еще был крупным городом.

После разорения Шапуром II Арташата последний фактически потерял значение крупного города, и если в кодексе Юстиниана в императорском эдикте 408—409 гг. Арташат, наряду с Низибином в Северной Месопотамии и Калиникумом на Евфрате, числится одним из пунктов международной торговли[12], то такое значение он сохранил по старой традиции и благодаря тому, что находился на перекрестке дорог.

В VII веке на месте некогда большого и цветущего города сохранилась крепость и небольшое поселение, жители которого занимались изготовлением армянской пурпурной краски—кошенили, получаемой из особых червей, и окраской ею тканей. Арабский историк Баладзори в связи с событиями VII в. называет Арташат «селением ал кирмиз»—красной кошенили.

В дальнейшем Арташат исчезает с исторической арены. Сохранилась только его былая слава, как в анналах истории, так и в памяти народа.

Известно, что на том холме, где некогда возвышались дворцы, находился также Хор-вирап (глубокая яма)—каземат, куда бросали смертников. С этой ямой связана интересная легенда, отражающая обращение армян в христианство. Царь Тиридат III, в бытность его язычником, бросает в Хор-вирап одного из своих приближенных—Григория, за то, что тот отказался поклоняться божествам языческого пантеона Армении, так как тайно исповедовал христианскую веру[13]. Царь Тиридат преследовал также христианских проповедниц, перешедших в другую столицу Армении—Вагаршапат из Восточной Римской империи. Они были убиты. После этого, согласно легенде, Тиридат обрел облик животного—у него появилась голова свиньи. Сестре царя Хосровидухт снится, что прежний облик царю возвратить может только Григорий, который за 13 лет до этого был сброшен в Хор-вирап. Григорий оказался жив благодаря некой старушке, которая ежедневно опускала в яму пищу и воду. Его извлекли из Хор-вирапа, и, согласно легенде, Григорий поставил условие—человеческий облик царю возвратится лишь после того, как он и народ его страны примут христианство, а сам царь на своей спине притащит камни для строительства гробниц над могилами святых мучениц в Вагаршапате. Чудотворство, конечно, свершилось. Легенда отражает факт насаждения христианской веры в Армении Тиридатом и Григорием в 301—303 гг. Григорий стал первым главой армянской христианской церкви и получил прозвище Лусаворич (Просветитель).

Яма Хор-вирап сохранилась до наших дней на юго-восточном холме хорвирапской группы холмов. В пору раннего христианства здесь была построена церковь, позднее, в XIII в., на этом холме возникает монастырский комплекс Хор-вирап с высшей школой, руководимой

---

[12] Cod. Justin, IV, 63, 4; *Я. А. Манандян.* О торговле и городах в связи с международной торговлей древних времен. Ереван, 1930, стр. 85.

[13] Легенда сохранилась у ряда летописцев, но основной источник «История Армении» Агафангела.

одним из крупнейших ученых и проповедников средневековой Армении—Варданом Великим, или Аревелци.

В настоящее время не сохранилось следов ни церкви раннехристианского времени, ни монастыря XIII века. На их месте ныне стоит возведенный в XVII в. комплекс монастыря Хор-вирап, состоящий из главной церкви Богородицы, церкви св. Григория Просветителя на яме Хор-вирап и жилых хозяйственных помещений, примыкающих к ограде комплекса с ее внутренней стороны (табл. I).

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ТЕРРИТОРИЯ АРТАШАТА

Где же находятся руины древнего Арташата, этого «большого и очень красивого города»? Разгромленный город постепенно превратился в развалины, еще в IV—VII вв., а сохранившиеся на его месте крепость и поселение были оставлены населением и окончательно заброшены где-то в VII—VIII вв. Строительные камни из развалин города вывозились населением в течение веков в строительных целях, а также на сельские кладбища. То, что оставалось на месте, покрывалось толстым слоем земли. Долгое время неизвестно было даже местоположение Арташата. Казалось, что наличие монастыря Хорвирап подсказывало место древнего города, однако вводили в заблуждение река Мецамор, а также название Арташат или Ардашар, приписываемые другим местностям. Выше было приведено сообщение Мовсеса Хоренаци о том, что «Арташат находился там, где сливались Ерсах (Аракс) и Мецамор». Летописцы сообщают также, что в город ввели с юга мост Таперакан, перекинутый через реку Аракс, а с севера Мецаморский мост—на одноименной реке, а через этот мост магистральная дорога вела в город Вагаршапат. Нынче река Мецамор сливается с рекой Касах и вместе с ней впадает в Аракс на несколько десятков километров западнее Хор-вирапа, и вообще с северной стороны хорвирапских холмов река не протекает. Казалось, резонно искать Арташат в районе, где сливаются Мецамор с Араксом.

Европейские путешественники и местные ученые, в том числе крупный историк и знаток исторической географии и памятников древней Армении Гевонд Алишан, перепутали развалины крупного средневекового города Двина с Арташатом, тем более, что рядом с развалинами Двина находилось селение Арташат (ныне Верин Арташат). В 1899 г. здесь, в цитадели города, производил разведочные раскопки Н. Я. Марр. Однако весьма ограниченный объем раскопок не позволил ему установить, находились ли здесь развалины Арташата или Двина.

Собственно говоря, этим и ограничились поиски развалин Арташата.

Для установления местонахождения Арташата следовало знать, что Мецамор сильно изменил свое русло, и вести более тщательные археологические наблюдения на холмах Хор-вирапа.

Мецамор буквально означает большая топь, болото, в данном случае широкая болотистая река, однако в наши дни Мецамор представляет собой лишь заболоченный ручей. В чем же секрет?

Оказывается, в древности Мецамор в самом деле был большой рекой, так как вбирал в себе воды нескольких рек—собственно Мецамора, Касаха, Раздана (Зангу) и Азата. Река несла свои обильные воды через Араратскую долину и сливалась с Араксом возле Арташата, огибая его с северо-восточной стороны, а город простирался на холмах Хор-вирапа и на равнине, т. е. на треугольнике между холмами и двумя реками.

Позднее течение рек изменилось, и в настоящее время реки Азат и Раздан впадают в Аракс каждая отдельно, протекая по новым руслам в значительном расстоянии от Арташата, а Мецамор впадает в Аракс, соединяясь только с рекой Касах, не в районе Арташата, а недалеко от Эчмиадзина.

Это было установлено геолого-географическими исследованиями, наряду с этим были предприняты более обстоятельные археологические наблюдения на холмах Хор-вирапа. В конце 20-х—начале 30-х годов уже стало ясно, что древняя столица Армении Арташат была расположена на хорвирапских холмах и на равнине перед ними, на левом берегу реки Аракс, перед величественной горой Арарат, возвышающейся на правом берегу реки (табл. II).

Вопрос о местоположении Арташата казался решенным, хотя сомнения еще не были полностью преодолены. Надо было приступить к раскопкам Арташата. Это диктовалось прежде всего интересами исторической науки.

Дело в том, что долгое время ни одно из городищ или поселений древней (античной) Армении не становилось предметом археологического исследования. Предпринятые в 1931 г. раскопки старого Вагаршапата носили ограниченный характер и в дальнейшем не были продолжены. Только в 1949 г. начались раскопки древнеармянской крепости Гарни, а в 1962 г.—древнего Армавира, также расположенного на Араратской долине, в западной ее части. Раскопки этих двух объектов, хронологически не полностью охватывали весь древний период истории Армении и, несмотря на их результативность, не могли разрешить ряд кардинальных проблем культурно-исторического порядка. Армавир возник на месте урартского города Аргиштихинили как столица древней Армении и уступил затем эту роль Арташату. Раскопки Армавира были предприняты для получения материалов, освещающих переход культурного развития дравней Армении от урартского периода к раннеармянскому (VI—IV вв.) и от последнего к эллинистическому периоду истории страны, а также для выяснения, по мере возможности, уровня развития армянской культуры в VI—II вв. до н. э.

Раскопками Гарни были выявлены памятники и археологический материал, относящиеся в основном к I—III вв. н. э. и к средним векам. Как бы значительны ни были результаты раскопок Армавира и Гарни, они не позволяли восстановить сравнительно стройную картину развития материальной культуры древней Армении и тем более выяснить закономерности ее последовательного роста, начиная с VI в.

до н. э. и до IV в. н. э., т. е. почти за тысячелетний период. Ограниченные масштабы раскопок Гарни и Армавира не могли достаточно четко раскрыть пути развития культуры древней Армении, ее многогранность и разнообразие, ее связи с культурами соседних стран древнего мира. Археологическое изучение Арташата—столицы и самого значительного и долговечного города древней Армении обещали во многом восполнить указанные пробелы, предоставить ученым достоверные данные о древнем градостроительстве, архитектуре, выявить памятники искусства, богатый археологический материал, раскрывающий характер и уровень развития материального производства, культуры, быта населения древней Армении, а также ее культурно-экономические связи с окружающим миром. Археологи Армении были уверены, что раскопки Арташата, вместе с археологическими исследованиями других объектов, относящихся к различным этапам древнего периода истории армянского народа, позволят разрешить целый ряд культурно-исторических проблем и раскрыть более широкую картину развития культуры этой эпохи. Раскопки Арташата стали неотложной необходимостью.

В 1967 г. при строительстве водопроводной линии на окраине селения Покр Веди, расположенного вблизи хорвирапских холмов, были открыты латинские надписи—эпитафия солдата I Италийского легиона (табл. III) и большая надпись, оставленная в 116 году от имени римского императора Траяна. В этой надписи, высеченной крупными буквами на пяти плитах общей длиной в 8,5 м и высотой 0,8 м, перечисляются титулы императора и сообщается, что тут было возведено какое-то сооружение IV скифским легионом (табл. IV)[14].

Римляне намерены были укрепиться в Армении, однако известно, что в следующем, 117 г. они вынуждены были уйти из поднявшейся против них страны.

Рядом с надписями были обнаружены две базы колонн из известняка, но не на прежнем месте, фрагмент пола из известкового раствора с примесью толченой черепицы или кирпича, зернотерки и фрагменты керамики античного времени. Что же было построено IV скифским легионом—воинский лагерь, кладбище или и то и другое, или какое-либо иное сооружение? Без соответствующих раскопок ответить на этот вопрос трудно.

Ближе к хорвирапским холмам на расстоянии 400—450 м к востоку от них нами были замечены следы одного из городских кварталов. На вспаханном поле было найдено множество фрагментов античной черепицы, разноцветной обмазки стен зданий, а также фрагменты карниза малых размеров из известкового раствора, служившего для внутренней отделки помещений и каменного карниза.

Находка латинских надписей и выявление следов одного из городских кварталов послужили поводом для более детального осмотра территории городища и стимулировали ученых приступить к давно

---

[14] См. *Б. Н. Аракелян.* Латинские надписи из столицы Арташат. «Историко-философск. журнал», 1976, № 4, стр. 302—311; *его же.* Латинские надписи из столицы древней Армении Арташата. «Вестник древней истории» (ВДИ), 1971, № 4, стр. 114—118.

задуманным раскопкам некогда прославленной столицы древней Армении.

Перед началом раскопок экспедиция ознакомилась со всеми письменными и устными сведениями об Арташате. Начиная с 1967 г. велось обследование местности, а в 1970 г. в течение нескольких дней экспедиция, переходя с холма на холм и с них на простирающуюся вокруг равнину, искала следы города и собирала подъемный материал с поверхности земли, чтобы на его основании составить предварительное представление о местности, кварталах, о времени или продолжительности жизни в городе и выбрать участок для раскопок. Выяснилось, что город был раскинут на всех девяти холмах Хор-вирапа, три из которых сравнительно большие, а остальные уступают им своими размерами. Все холмы соединены друг с другом и образуют единую группу, огороженную крепостными стенами. Следы строений заметны также на двух холмах, отстоящих от основной группы холмов метров на 500—600 к юго-востоку. Городские кварталы простирались на равнине перед холмами. К югу они доходили до реки и до нынешнего селения Лусарат. В восточном направлении следы города заметны в пашнях соседнего селения Нор Кянк, а к северу—в пашнях селения Покр Веди. Западнее от холмов следы жилья не обнаружены, так как местность здесь заболочена, сохранились только земляные валы. Аналогичные валы имеются также на северной, восточной и южной сторонах холмов. От подножья центрального и самого большого холма тянется вал к холму с монастырским комплексом. В настоящее время на этом валу и рядом с ним находится старое и ныне действующее кладбище.

Археологические наблюдения и находки позволяют предварительно подтвердить, что Арташат был гораздо более крупным городом, чем можно было представить на основании сведений письменных источников.

Раскопки древнего Арташата были начаты археологической экспедицией Института археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР в 1970 г. и будут продолжены в течение многих десятилетий. Результаты первых лет работы более чем удовлетворительны и весьма обнадеживающи.

ОСТАТКИ КРЕПОСТНЫХ СТЕН И ЗДАНИЙ

Наблюдениями установлено, что все хорвирапские холмы были огорожены крепостными стенами. Каждый холм имел свои стены, однако они не являлись отдельными укреплениями, а соединялись друг с другом. Для этого на седловинах между холмами возведены двойные параллельные линии стен, образующие узкие проходы, которые защищались мощными башнями. Таким образом, стены всех холмов, соединяясь, образовывали единую весьма обширную и мощную оборонительную систему. Вполне понятно, почему Тацит говорит о значительной протяженности городских укреплений Арташата, для удержания которых нужен был сильный гарнизон[15]. Следы крепост-

[15] *Tacitus* Annales, XIII, 41.

3а. Золотые серьги с женской головой; б. Золотые листочки от венца.

a. Golden rings with female head; b. Golden leaves from a wreathe.

ных стен видны на всех холмах (табл. V), хотя местами они не сохранились; выветрились и разрушились даже скалы, над которыми были возведены стены. Строительным материалом для стен служили местные камни красноватой, твердой породы, но выветривающиеся, а также местный серый мрамор, обильно имеющийся на холмах. Камни в кладке использованы в рваном или грубо обработанном виде (табл. VI). Каменными блоками были выложены фундаменты и нижние части стен, поверх которых, вероятно, имелась (может быть, не всюду) кладка из сырцового кирпича, следы которого обнаружены на северном 1-м (нумерация экспедиции) и 2-м, самом большом, холмах.

Крепостная стена искусно приспособлена к рельефу местности, она не всегда составляет прямую линию, сворачивая наружу, то внутрь, образует уступы и выступы, углы, подобные башням или контрфорсам, позволявшие защитникам города наносить удары по подходящему к стенам неприятелю как с фронта, так и с флангов. На углах холмов, седловинах между ними и на местах, удобных для штурма стен врагом, возведены мощные башни, образующие в плане 3/4 круга.

На северо-восточном склоне 2-го, самого большого и высокого холма при раскопках в первый же год (1970) были открыты параллельные линии крепостных стен. От наружной более древней стены сохранились хорошо отесанные камни фундаментов или нижних рядов кладки с плотно расположенными контрфорсами и угловыми круглыми (3/4 круга) башнями. Внутренняя линия стены возведена гораздо позже, параллельно первой, и между ними оставлен весьма узкий проход в 40—70 см. Внутренняя, или вторая стена сохранилась на высоте 2—3 м. Она сложена из местных рваных камней. В ее кладке местами встречаются хорошо обработанные камни (в том числе часть пилястры из известняка), взятые в развалинах уже разрушенных старых зданий.

При раскопках этой части крепостной стены экспедицию ожидал сюрприз—были обнаружены фрагменты огромных урартских карасов (пифосов), глиняных светильников и других видов керамики, хорошо известных из раскопок урартских городов Эребуни, Тейшебаини, расположенных в черте города Еревана, а также из раскопок Аргиштихинили—Армавира. На 1-м холме под вымощенным необработанными камнями полом II в. до н. э. была найдена урартская печать с изображениями жрецов или богов, к сожалению, сильно стертыми.

Значит, урарты находились и в восточной части Араратской долины. Это отнюдь не было неожиданностью. Урарты, владея Араратской равниной и получая большие доходы от ее пашен и виноградников, не могли оставить без внимания ее восточную часть. А если учесть, что урартские надписи обнаружены возле города Маку, в нескольких пунктах южного Азербайджана, на севере же они известны с юго-восточного побережья озера Севан и недавно урартская надпись была найдена среди развалин церкви Танаат в Сюнике (Зангезуре), то нет сомнения, что урарты побывали на территории, лежащей между этими пунктами—в пределах Нахичеванской автономной республики и восточнее ее.

Не подлежит сомнению, что поселение на хорвирапских холмах существовало еще в урартские времена, не исключено, что урарты

построили здесь и крепость, но мы остерегаемся отнести первоначальную стену на 2-м холме к урартским временам, тем более, что она открыта пока на небольшом участке и кладка ее заметно отличается от кладки типично урартских крепостных стен.

Независимо от наличия остатков крепостных стен разного времени, стены, возведенные при основании Арташата, построены весьма искусно, с полным учетом рельефа местности и согласно требованиям военно-фортификационного искусства древних времен.

Крепостные стены Арташата, как правило, возведены на склонах холмов, и для предотвращения сползания их фундаменты снаружи укреплены рядами мелкого галечника в прочном глиняном растворе (табл. VII).

Трудно сказать, имел ли в виду Корнелий Тацит, говоря о большой протяженности крепостных стен Арташата, только стены, возведенные на холмах, или стены были также на равнине; Страбон же сообщает, что перед стенами города «кругом проходит река, за исключением пространства на перешейке». Значит, стена окаймляла город почти со всех сторон. Толщина крепостной стены на холмах не одинаковая, в разных участках она колеблется от 2,20 м до 4,40 м.

Опытный глаз археолога мог заметить следы крепостной стены и фундаментов зданий почти на всех холмах Хор-Вирапа еще до раскопок. Следы строений были замечены также кое-где на равнине к югу и к востоку от холмов. Однако только развертыванием раскопок можно было выяснить характер строений, их особенности и строительные принципы, а также выявить фактический материал для освещения ряда вопросов, относящихся к жизни, быту, культуре населения города.

РАСКОПКИ НА ХОЛМАХ ВНУТРИ КРЕПОСТНЫХ СТЕН

Начатые в 1970 г. раскопки носили скорее разведывательный характер. Они велись на 1-м и 2-м холмах. На 1-м холме работа ограничилась открытием небольшого участка остатков крепостной стены и фундамента одного помещения. На 2-м холме, как указывалось выше, были открыты остатки крепостной стены на северо-восточном склоне холма, протяженностью более ста метров, при этом в восточной части открыты две линии стен—более древняя с контрфорсами и параллельная ей внутренняя стена более позднего времени.

При раскопках было обнаружено большое количество археологического материала.

В следующем, 1971 г. раскопки были сосредоточены на 1-м холме, и хотя они носили ограниченный характер, но увенчались большим успехом. Выявилась значительная часть крепостной стены, окружившей холм, жилые помещения, мастерские кузнецов-оружейников, был обнаружен клад серебряных монет Тиграна II, состоящий из 28 монет, великолепная мраморная статуя позднеэллинистического времени и богатый археологический материал.

Раскопки были заметно расширены в 1972—1973 гг., когда экспедиции были выделены значительные средства, полученные по договору от геологоразведочного производственного треста Управления цветных металлов. Это позволило завершить раскопки на 1-м холме в 1973 гг., и приступить к раскопкам 8-го холма. Работы 1972—1973 гг. на первом холме оказались весьма результативными. Были открыты остатки крепостной стены вокруг холма с руинами мощных круглых башен и входа в крепость, часть перехода ко 2-му холму, несколько десятков жилых помещений и мастерских кузнецов-оружейников, богатый и разнообразный археологический материал, клад серебряных монет соседних с Арменией эллинистических государств, ряд замечательных произведений прикладного искусства, в том числе художественные изделия из серебра, камня и глины (расписная керамика).

Крепостная стена 1-го холма имеет форму неправильного треугольника. Помимо уступов и выступов, образующих нечто в роде контрфорсов в юго-восточном и северо-западном углах холма, построены мощные круглые башни диаметром в 9—13 м. Третья башня помещена между ними в северо-восточной выступающей части треугольника. Вход находится в северо-западном углу холма и надежно защищен вышеуказанной круглой башней, с одной стороны, и прямоугольной башней—с другой.

С юго-западного угла холма стены параллельно спускаются на седловину, соединяющую первый холм с соседним 2-м холмом. В самой низкой части между двумя холмами проход сужается и защищается двумя мощными башнями. Расходясь по склонам 2-го холма, стены прохода соединяются с крепостной стеной этого холма, однако для безопасности вход 2-го холма поставлен не прямо перед проходом, а гораздо левее, чтобы подходящий к холму неприятель оказался перед стеной и попал под удары ее защитников.

Со всех сторон треугольника стен 1-го холма примыкают помещения-жилища воинов и мастерские, образующие ряды строений. С северо-восточной и северо-западной стороны холма ряды построек отделены от зданий, расположенных на вершине холма, узкими улицами-проходами, которые соединяются друг с другом под прямым углом. Это облегчало движение и переход воинов с одного участка крепостной стены на другой. Из этих улочек были оставлены проходы между помещениями для подхода воинов к башням и контрфорсам стены. Жилые помещения и мастерские, примыкавшие к юго-восточной стене холма, непосредственно выходили к дворику на вершине холма. Совершенно очевидно, что холм застраивался по единой планировке, искусно приспособленной к площади и рельефу холма. При раскопках постепенно выявились два культурных слоя и четко прослеживались два строительных периода. После того как строения первого периода были разрушены, холм заново застраивался по прежней планировке, только улочки-проходы были слегка перемещены ближе к крепостной стене.

Все здания построены из местного грубо обработанного неотесанного камня, на глиняном растворе (табл. VIII), вероятно, с глиняной же обмазкой, так как следы известковой обмазки на этом холме не обнаружены. Помещения, примыкающие к крепостным стенам, прямо-

угольны. По плану, строительным особенностям и размерам они в основном схожи и, несомненно, служили жилищами для воинов гарнизона (табл. IX). Сравнительно лучше сохранились жилища северо-восточной стороны холма, здесь стены жилищ имеют высоту от 2-х до 2,60 м. В одном из помещений оказались две небольшие базы из известняка для деревянных колонн. Археологические наблюдения и многочисленные находки металлических предметов, в основном оружия, позволяют подтвердить, что наряду с жилищами воинов находились также мастерские кузнецов-оружейников для производства наконечников стрел, копий, дротиков и других видов оружия из железа. Обычный тип мастерских—прямоугольные помещения с соответствующими приспособлениями—очагом-горном и другими удобствами.

Но были и более крупные мастерские «типового» характера. Две такие мастерские открыты в западной части холма. Они аналогичны по плану и состоят из трех отделений—небольшое помещение для горна, основное помещение для работы и примыкающий к первому помещению коридор, видимо, для хранения топлива—угля. Разница между двумя мастерскими состоит лишь в небольшом отклонении в размерах их отделов (табл. X).

Помещения, расположенные глубже к дворику и отделенные улочками от жилищ и мастерских, примыкающих к крепостным стенам, также построены по единому плану и имеют общие стены. Прямоугольные помещения здесь несколько больших размеров. В одном из помещений были поставлены карасы (большие пифосы), в которых хранилась нефть (мазут).

По всему видно, что этот холм, расположенный в самой северной части общей группы холмов, имел военно-оборонительное назначение и был заселен воинами и их семействами (табл. XI).

Все строения этого холма были разрушены и преданы огню дважды. Следы пожара заметны почти повсеместно. Часть зданий имела черепичную кровлю, а большая часть—плоские перекрытия с применением тростникового настила на бревнах для поддерживания земли и глиняной обмазки. При раскопках в обоих слоях развалившихся зданий были четко заметны остатки обгорелых тростников. Плоское перекрытие зданий с применением тростника возникло на Древнем Востоке еще в незапамятные времена и традиционно сохранилось почти до наших дней.

Когда же несчастье постигло Арташат? Когда впервые город был разрушен и сожжен врагом? Тут возможны две версии: или это произошло на стыке II—I вв. до н. э., когда в Армению вторгались парфяне, отняли у нее «семьдесят долин» и в качестве заложника увели царевича Армении, будущего царя Тиграна II, либо в 34 г. до н. э. римскими войсками, когда вероломно был пленен Артавазд II Марком Антонием. Нам кажется более вероятной первая версия—Арташат мог быть частично разрушен парфянами, когда в пору их могущества Митридат II (123—88 гг. до н. э.) вел завоевательные войны с соседними странами, в том числе с Арменией. Восточные походы Антония довольно подробно описаны античными авторами. Известно, что после пленения Артавазда II Армения была объявлена завоеванной страной. Страна, в частности ее храмы, были ограблены, находящаяся в главном храме богини Анаит ее золотая статуя

была разделена на части и увезена. Вместе с тем нет никаких сведений об ущербе, нанесенном Арташату.

Что касается времени и обстоятельств разрушения Арташата во второй раз, то это, как было указано выше, произошло весною 59 г. н. э., когда в страну вторглись римские войска во главе с Корбулоном. Тогда, по сообщениям Тацита, город был полностью разрушен и предан огню. Как показали раскопки, жизнь на 1-м холме в дальнейшем не возобновилась.

Летом 1973 г., завершив раскопки на 1-м холме, расположенном на северо-восточном конце группы холмов, экспедиция приступила к раскопкам 8-го холма, находящегося в юго-западном конце холмов, ближе к реке Аракс, почти на ее берегу.

Здесь также были открыты остатки крепостной стены по северо-западному краю холма, улицы, идущие параллельно стене, множество жилищ и других сооружений, составляющие единые ряды.

В отличие от 1-го холма здесь прослеживаются следы не двух, а четырех строительных слоев; судя по ним и по обнаруженному археологическому материалу 8-й холм застраивался в первой половине II в. до н. э. при основании столицы и жизнь на нем продолжалась до IV в. н. э. Таким образом, открытые раскопками на этом холме как архитектурные памятники, так и археологический материал относятся к различным этапам жизни города с момента его основания и до гибели, иными словами, отражают развитие материальной культуры на протяжении более чем пяти столетий. В этом отношении раскопки данного холма представляют большой научный интерес.

Застройка 8-го холма осуществлена по аналогичным с 1-м холмом принципам. Улицы здесь прямые параллельные, выходящие на них стены зданий составляют единую линию. Здания расположены между улицами и, примыкая друг к другу, образуют прямые ряды. Поздние наслоения второго и последующих строительных периодов местами нарушают четкость планировки квартала, хотя в целом она сохраняет прежние черты (табл. XII).

На первой улице, во втором ряду зданий, были открыты развалины бани (табл. XIII), обслуживавшей нужды населения этого квартала. Баня состоит из трех отделов и имеет гипокауст, т. е. систему отопления из-под пола. Стойками для верхнего пола здесь служат не круглые кирпичи, как это имеет место в бане, открытой в древнеармянской крепости Гарни, а гончарные четырехгранные трубы, прямоугольного сечения с прямоугольными оконцами на обеих противоположных гранях[1] для проникновения горячего воздуха (табл. XIV). Разница в высоте стоек (33 и 38,5 см) показывает, что гипокауст имелся в двух отделениях бани. При раскопках обнаружены также большие кирпичи, которые, будучи разложены на стойках, образовали верхний пол. Баня открыта в третьем строительном слое и имеет простую конструкцию, характерную для античных бань; следов худо-

[1] Круглые кирпичи от строек гипокауста в Арташате найдены как на холме № 8, так и на других участках городища, но не на своих местах. Гончарные трубы—стойки гипокауста были использованы также в одном из отделений бани в Гарни, как и в античной бане в древнем Вагаршапате, только они были не четырехгранными, а круглыми.

жественной отделки аподитериума (мозаичного пола как в Гарни) не обнаружено. Баня построена, вероятно, в III в. н. э. и такой датировке не противоречат обнаруженные в развалинах бани и вокруг них керамические изделия и другой археологический материал. Недалеко от бани, за второй улицей в третьем ряду строения, была открыта цистерна для воды, состоящая из трех отделов—одного большого и двух маленьких (табл. XV). Стены цистерны сделаны из известкового раствора и имеют толщину 6—8 см, в середине которых были вставлены тростинки, которые истлели и на их местах остались только вертикальные отверстия. Пол цистерны вымощен обожженными кирпичами. Цистерна не имела связи ни с баней и ни с каким-либо производством. Надо полагать, что в столь тщательно построенной цистерне хранили питьевую воду.

При раскопках 1974—1977 гг. на восьмом холме были открыты третья улица и четвертый ряд здания (табл. XVI—XVII). По всему видно, что холм застраивался по единому плану (табл. XVIII).

Отряд Арташатской археологической экспедиции во главе с Ж. Д. Хачатряном вел раскопки на соседнем 7-м холме, где также открыты следы крепостной стены, для возведения которой на крутом склоне этого довольно высокого холма были вырезаны в скалах широкие ступени. На холме открыты стены ряда строений, принадлежащих различным строительным слоям в хронологических рамках античного времени, обнаружена также керамика IV тысячелетия.

В 1975 г. были произведены разведочные раскопки на равнине, расположенной на 400—450 м к востоку от холмов. Были открыты следы строений—карнизы внешней и внутренней отделки зданий из известняка, а также из известкового раствора, масса кровельной черепицы и крашеной обмазки помещений. Обмазка интересна как богатой гаммой красок, так и характером оформления. Обмазка известковая, прочная, толщиной в 2—2,5 см; на верхней поверхности наложен тонкий слой измельченной извести или гипса и сверху нанесены краски. В основном применены красная, желтая, синяя, зеленая, сургучно-коричневая, белая (под мрамор) краски и их полутона, всего 11—12 цветов и оттенков (цветн. табл. 1). Следует отметить, что эти краски и гамма их сочетаний внешне соответствуют краскам стенных росписей памятников античных городов Рима (в частности, Помпеи) и северного Причерноморья (Пантикапей, Ольвия, Керч[2], Фанагория[3]). Преобладает красная краска со своими оттенками от темно-красного до светло-розового. Большинство красок на штукатурке держится весьма прочно. Обмазка с помощью достаточно широких и глубоких выемов сегментирована и образует прямоугольные, треугольные и других форм геометрические фигуры, покрашенные в разные цвета и тона (цветн. табл. 2а). Этим они сходятся с первым помпеянским стилем[4]. На

[2] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 118—119, 125. Альбом, табл. XXV_2, XXXVIII.

[3] *В. Д. Блаватский,* Фанагорийская степная роспись. МИА, 57, 1956, стр. 168—170.

[4] М. И. Ростовцев, указывая распространенность стенных росписей первого помпеянского стиля в античном мире, отмечает его своеобразное выражение на Востоке (указ. работа, стр. 126).

многих из них встречаются также разноцветные тонкие линии и геометрические узоры, однако в материале из разведочных траншей не обнаружено растительных мотивов или фигур животных, птиц и людей. Обмазка, окрашенная в основном в красный, черный, белый под мрамор цвета, обнаружена также в помещениях 8-го холма. Экспедиция не теряет надежды, что при развертывании раскопок на данном участке или в других частях города будут обнаружены более значительные следы античной стенной росписи.

В 1976 г. экспедиция вела раскопки на 4-м, самом маленьком холме, который находится в середине системы холмов. К северу и северо-востоку от него находятся 1, 2 и 3-й холмы, а к югу и юго-западу—5, 6, 7, 8 и 9-й холмы. Крепостные стены построены так, что для перехода от первой группы холмов ко второй надо было непременно пройти через 4-й холм. Раскопки показали, что строители города воспользовались этим обстоятельством весьма искусно и умело превратили 4-й холм в важный узел внутренних коммуникаций. Холм обнесен мощной стеной, а для перехода от 3-го холма к соседним 5-му и 7-му холмам оставлен узкий проход шириной всего 1,60 м.

Перед проходом с северной его стороны имеется низкая платформа, а с южной стороны—площадка, охваченная со всех сторон стенами. На западном углу холма, над ложбиной возведена большая круглая башня, напротив которой стояла такая же башня, господствующая над ложбиной, со стороны соседнего 7-го холма. Таким образом, 4-й холм являлся мощным военно-фортификационным узлом внутри города (табл. XIX).

На самом большом и высоком холме без раскопок можно заметить остатки стен множества зданий из местного красноватого рваного камня. Вместе с тем на обширной площади этого холма разбросаны мелкие и большие осколки из известняка. Это позволяет полагать, что на этом холме были стены и здания, возведенные из чисто тесаного известняка, каменоломни которого находятся на расстоянии 13—15 км от хорвирапских холмов. Имеются признаки, подтверждающие наличие на холме зданий из известняка—были обнаружены база колонны и фрагмент от карниза с хорошей профилировкой, характерной для античного времени. Монументальные сооружения из известняка, вероятно, имелись также на вершине холма, где заметны отдельные камни из известняка античной крепостной стены, а на склоне холма были найдены части карниза из известкового раствора довольно больших размеров.

На вершине холма сохранились стены небольшой раннесредневековой крепости, с мощной бутовой частью из мелкого рваного камня в известковом растворе, облицованные грубо обработанным местным камнем. В этой небольшой раннесредневековой крепости фактически сохранились последние признаки жизни некогда большого и цветущего города.

По всему видно, что в Арташате было много монументальных зданий и сооружений из чисто тесаного известняка, в том числе и зданий, украшенных колоннами. Об этом свидетельствуют обнаруженные в разных частях городища, на античных и поздних кладбищах и в соседних селениях значительное количество баз от колонн (табл. XX) и камней кладки из чисто тесаного известняка, иногда со сле-

дами скрепления железом и свинцом, т. е. с признаками техники, характерной для античного времени. Найдены также фусты от колонн хорошей обработки (табл. XXI). Некоторые из них были вывезены из развалин города в расположенное неподалеку селение Арарат, чтобы использовать при строительстве в XIX веке церковного здания, и в настоящее время лежат вокруг церкви, а отдельные части колонн поставлены снаружи церкви. Они явно античные, о чем свидетельствуют также сделанные на них в древности отверстия для скрепления железными штырями. Аналогичные фусты колонн, только более тонкие, и фрагменты баз обнаружены в селении Азатаван нынешнего Арташатского района. Они сделаны из мелкозернистого известняка, добываемого в каменоломне, расположенной возле нынешнего городка Арарат, камни при хорошей обработке напоминают мрамор (табл. XXII—XXIII).

Здания внутри имели архитектурную отделку в виде небольших, профилированных карнизов из известкового раствора. Обнаружены также карнизы из известкового раствора больших размеров, которые вряд ли могли применяться внутри здании. В таком случае эти карнизы наружные и могли быть использованы в наружных галереях и перистильных дворах (табл. XXIV).

Рядовые здания, особенно жилища, имели плоское перекрытие с традиционным применением тростника и сучьев, настланных на бревнах для поддержания земли и глиняной обмазки, а монументальные здания—дворцы, храмы, общественные здания, дома знати были перекрыты черепичной кровлей, о чем свидетельствуют находимые повсеместно на территории города черепицы-солены (табл. XXV) и калиптеры (табл. XXVI), иногда окрашенные в красный цвет. Судя по формам и другим особенностям черепиц они появились с момента основания Арташата и применялись в строительстве за весь период существования города. Черепичная кровля в Армении впервые появляется в раннеэллинистическую эпоху и продолжает бытовать веками вплоть до IX—X вв. н. э.

Арташат имел систему водоснабжения. Оросительную воду брали из рек, при этом удобнее было использовать воды Мецамора, чем Аракса, а питьевая вода доставлялась по водопроводу, построенному из гончарных труб, образцы которых от магистральных и боковых линий найдены на холмах и в обжигательной печи, открытой на 8-м холме (табл. XXVII). Неизвестно откуда питьевая вода была приведена в город, так как воды Аракса или Мецамора не могли быть подняты на холмы Арташата. Вероятнее всего, что ее брали в районе Гарни.

После проведенных за последние годы археологических работ на территории древнего Арташата сообщения античных авторов Страбона и Плутарха о благоустроенности, величии и красоте столицы древней Армении становятся более реальными, ощутимыми и приобретают особый смысл.

Дома традиционного местного облика, построенные из красноватого рваного камня, особенно белокаменные монументальные здания, украшенные колоннами и перекрытые черепичными кровлями, представляли собой яркую и красочную картину под южным солнцем. Интерьеры зданий были украшены архитектурным убранством и стен-

4а. Расписная чаша и тарелки; б. Рыбная тарелка, расписная.
a. Painted bowl and plates; b. Painted fish plate.

ной росписью. Наконец, единая планировка, искусное сочетание кварталов улиц, площадей и строений с рельефом холмов и равнины, наличие коммунальных удобств (водопровод, бани и проч.)—не являлось ли все это основой для столь высокого отзыва о градостроительных достоинствах столицы древней Армении?

СРЕДСТВА ОБОРОНЫ, ОРУЖИЕ

Находясь между реками Аракс и Мецамор, у их слияния, Арташат был защищен мощными водными рубежами. Мост Таперакан, перекинутый через Аракс находился перед городом и, вероятно, на него выходили одни из главных ворот города. Через этот мост магистральная дорога шла на юго-запад и соединяла Арташат с Тигранакертом.

У мецаморского моста дорога разветвлялась: в северо-западном направлении она вела к древнему Вагаршапату, а в юго-восточном направлении—в Иран. Эти дороги имели как военно-стратегическое, так и торгово-экономическое значение.

Защищенный водными преградами, Арташат, как мы видели выше, имел обширную и мощную оборонительную систему, состоявшую из крепостных стен, валов и рва, заполнявшегося водой.

Наряду с этим защитники города пользовались всеми доступными в те отдаленные времена средствами—луками, дротиками, катапультами, пращами, а также горючей смесью. При раскопках на 1-м холме, у стен, как снаружи, так и с внутренней стороны, кроме мелкого галечника, применявшегося для скрепления фундаментов стен, найдено множество каменных ядер от катапульт (табл. XXVIII), а также мелкие круглые камни от пращей. Более крупные и совершенно круглые ядра были обнаружены также в помещениях, примыкающих к стене.

На осадные машины врага бросались также горящие снаряды из нефти (мазута) или горючей смеси, следы которых обнаружены в нескольких местах у стен, а также в карасах (пифосах) в одном из внутренних помещений первого холма. В связи с этим небезынтересно сообщение римского историка Диона Касия (155—235) о защите, правда, не Арташата, а Тигранакерта. Когда войска Лукулла осадили Тигранакерт,—повествует историк,—защитники города «нанесли им большой урон стрелами и забрасыванием осадных машин нефтью. Этот воспламеняющийся состав сжигает все, к чему прилипает и ничем нельзя его потушить»[1].

Против конницы проникшего в город противника применялись трех- или четырехконечные железные шипы с острыми концами, которые разбрасывали на улицы города, чтобы воспрепятствовать продвижению конницы. При раскопках такие шипы были обнаружены в мастерских кузнецов-оружейников вместе с наконечниками стрел и другими изделиями. Железные наконечники стрел обнаружены не только в мастерских кузнецов-оружейников, но и в жилищах воинов (табл. XXIX).

[1] *Հովսեպոս Ֆլավիոս, Դիոն Կասիոս Քարգմ. Ս. Մ. Կրկյաշարյանի, Երևան 1976, էջ 126։*

Большое количество (около 1700 штук) стрел с железными наконечниками было найдено в середине северо-восточной улицы-прохода. Они были положены здесь, видимо, для того, чтобы воины легко пользовались ими в борьбе против штурмующего стены неприятеля. Во время пожара черенки стрел сгорели, а железные наконечники образовали большую кучу (табл. XXX).

На первом холме обнаружено около 3000 наконечников стрел местного производства. Они разнообразны как по размерам и формам, так и по назначению. Среди них имеются трехперые, с острыми, торчащими назад краями; четырехгранные квадратные или прямоугольные в сечении, двухперые с центральными жилками, овальные в сечении, кругловатые с короткими, острыми концами, длинные остроконечные (для поражения щитов или брони воинов противника) и прочего типа. Эти стрелы найдены во втором строительном слое с явными следами пожара, от которого погиб город весной 59 г. и. э. Таким образом, детальное изучение этих хорошо датированных наконечников местного производства, среди которых имеются и традиционные и новые формы, представляет большой интерес.

При раскопках обнаружены также железные наконечники копий, дротиков, мечи, кинжалы, ножи и другие предметы (табл. XXXI—XXXIII).

Кроме оружия для поражения врага, существовало также защитное оружие—доспехи, щиты, шлемы, панцири, предназначенные для защиты воинов.

При раскопках античных городищ и крепостей не обнаружены ни цельные латы, ни их следы, в то время как следы панциря встречаются. В Арташате найдены остатки железного пластинчатого панциря. Мелкие пластинки скреплены друг с другом бронзовыми гвоздиками.

При раскопках найдены бронзовые и медные пластинки круглой, несколько вогнутой формы. Надо полагать, что это бляхи или части панциря, которые могли быть прикреплены на рубашке из кожи или грубой материи, или же это умбоны от щитов. Найдены также продолговатые, расширяющиеся с одного конца железные платинки, которые, по всей вероятности, служили для защиты головы боевых коней.

ОРУДИЯ ТРУДА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

В Арташате обнаружены различные орудия труда и изделия из камня, которые в древности применялись в хозяйстве и в быту населения. Широкое применение имели каменные мельничные приспособления—зернотерки и жернова. С их помощью производился помол зерна для получения муки и различных круп, имевших широкое применение в быту населения Армении и всего Ближнего Востока.

Каменные зернотерки имели весьма длительную историю. Наиболее простые зернотерки изготовлялись обычно из крупнозернистого или пористого базальта и состояли из нижнего большого, слегка вогнутого камня и из верхнего ладьевидного или овальной формы камня меньшего размера. Зерно терли, двигая верхний камень обеими руками. Такая зернотерка бытовала в течение тысячелетий,

вплоть до конца I тысячелетия до н. э. Эволюция зернотерок, какой бы она медленной ни была, в конце концов привела к созданию жернова. Нам довелось еще при раскопках древнеармянской крепости Гарни обнаружить зернотерки, отражающие эту эволюцию вплоть до появления жерновов[1]. Множество зернотерок переходных форм обнаружено также и в древнем Армавире, а также в Арташате.

В IV—III вв. на верхнем камне зернотерок делается выемка для скрепления горизонтального деревянного рычага, что позволяло увеличить размеры зернотерок и приводить в движение камень одной рукой (табл. XXXIV). Заметное облегчение труда одновременно привело к лучшему размолу зерна. В дальнейшем в середине верхнего камня стали проделывать сквозную щель или отверстие овальной формы, через которое подавалось зерно. Камни зернотерок стали еще крупнее, получили квадратную форму со слегка закругленными углами. Однако зернотерку можно было двигать влево и вправо в пределах меньше полукруга. Для увеличения дуги движения до 180° рычаг был заменен рукояткой, которая прикреплялась к краю верхнего камня, но еще не вертикально, а косо. Такая зернотерка переходной формы также была найдена при раскопках в Гарни. Наконец, камни приобрели форму правильного круга, на нижнем камне была установлена ось, на которую надевался верхний камень, в середине которого проделывалось уже круглое отверстие, а рукоятка прикреплялась к краю верхнего камня вертикально. Теперь можно было вращать верхний камень вокруг оси. Таким образом, возникло новое, высокопроизводительное орудие для размола зерна—жернов (табл. XXXV—XXXVI).

Все указанные перемены и переходы произошли в эллинистическую эпоху, и жернов появился, вероятно, во II—I вв. до н. э. Это ознаменовало большой прогресс, можно сказать, переворот в мельничном деле и открыло пути для дальнейшего его усовершенствования. Вскоре наряду с ручным способом для вращения жерновов стали применять животных, в частности ослов, а для более крупных жерновов—мулов. В дальнейшем вращающийся вокруг своей оси жернов стал реальной предпосылкой для появления водяной мельницы, но для этого понадобились еще столетия.

При раскопках крепости Гарни, древнего Армавира и Арташата обнаружено множество зернотерок, отражающих все вышеуказанные переходы. Найдены также жернова античного времени. Жернова, вращающиеся с помощью животных, еще в античности нашли применение в горнорудном деле. Такие большие жернова с хорошо отработанной рабочей поверхностью обнаружены в золоторудных месторождениях Армении—в Зоде, Амзачимане и Меградзоре. Они довольно массивные, предназначены для измельчения золотоносной руды для последующей промывки и отделения золота.

Известно, что жернова применялись как в античную эпоху, так и в средних веках, дошли они и до наших дней. Вместе с тем жернова античного времени можно легко отличить от жерновов последующих

[1] *Ж. Д. Хачатрян.* Возникновение жернова в Армении. «Историко-филологический журнал», 1964, № 1.

времен. Нижние камни античных жерновов имеют выпуклую поверхность, а верхние, соответственно—выемчатую форму.

Подобно зернотеркам весьма древнее происхождение имеют также каменные ступки. Первоначально люди пользовались ступками маленьких размеров. В дальнейшем их размеры увеличились, а производительность повысилась. При раскопках античных городов и поселений Армении, в частности в Арташате, наряду с маленькими ступками обнаружены также весьма большие—для стационарного пользования (табл. XXXVII). В древнем Армавире и в других поселениях встречаются ступки, выбитые в скалах возле жилищ. Ступки имели довольно широкое функциональное назначение как в быту, так и на промыслах. Ими производили шелушение и толчение зерна, соли, глины в керамическом производстве, минеральных красителей, измельчение руды в горнорудном деле и т. д. В древнем Армавире и и Арташате найдены небольшие ступки, изготовленные из твердой кристаллической породы—гранодиорита (табл. XXXVIII). Надо полагать, что такие ступки имели особое назначение и применялись для изготовления различных лекарств из минеральных веществ, трав, кореньев, семян, а также для изготовления священных напитков.

Из камня делались и другие хозяйственные приспособления: чаны, вазы различных размеров и форм, чаши, миски, тарелки и прочее (табл. XXXIX).

Чаны, большая воронка, вазы-полутрубы, связанные с производством пива и растительного масла, обнаружены при раскопках урартского города Тейшебаини (VII в. до и. э.).

Приспособления для давления винограда—тарапаны античного времени найдены в Армавире, Гарни и Двине, а чаны в Арташате.

При раскопках в Гарни, Армавире и Арташате обнаружены также каменные вазы, миски и тарелки. Более ранние их образцы, относящиеся к VI—III вв., в основном повторяют урартские формы, но в эллинистический период они видоизменяются. Встречаются вазы и миски как круглой, так и ладьевидной, овальной формы, со сливом на борту, с выступами-ручками с обеих или четырех сторон. Для изготовления ваз, чаш и мисок кроме базальта стали использовать также известняк, мрамор и другие породы камня. Немало образцов таких сосудов обнаружено в Арташате (табл. XL).

Особо тщательно и с высоким мастерством изготовлены вазы на высоких ножках. Для них подбирались камни особой породы—серпентин (змеевик), порфир, порфирит, разноцветные конгломераты.

Прототипом для них служили глиняные вазы, встречавшиеся в странах Древнего Востока и на территории Армении в урартское время. Множество изящных каменных ваз на высокой ножке обнаружено в столице Ахеменидов—Персеполе[2].

Подобные вазы и их фрагменты в Армении, кроме Арташата, найдены также в Армавире, Гехадире, Ацаване, на берегу озера Севан и в других местах. Для них характерна сравнительно низкая ножка, в отличие от персепольских ваз, имеющих довольно высокую ножку. Найденные в Арташате, Армавире и других местах фрагменты

[2] *E. Schmidt*, Persepolis II, Chicago, 1957, pl. 57—58.

ваз из серпентина (змеевика), порфирита имеют хорошо профилированные, выступающие наружу борта и тщательно отполированы. Эти особенности присущи вазам более позднего времени—III—I вв. до н. э. Характерно, что найденные в Арташате экземпляры относятся ко II—I вв. до н. э. Форма, материал и искусная обработка этих ваз позволяют полагать, что они являлись парадно-культовыми сосудами, нашедшими применение в дворцах и домах знати и имущего населения городов, а также в храмах.

На первом холме в Арташате была обнаружена великолепная тарелка из темно-синего, со светлыми прожилками лазурита (цветн. табл. 2б). Она тщательно отполирована, венчик имеет изящную профилировку и украшен золотыми стержнями, вдетыми в заранее просверленные отверстия. На тыловой части тарелки помещена арамейская надпись (в одну строку). К сожалению, тарелка сохранилась не целиком и смысл надписи остается нераскрытым (табл. XLI).

Кстати, найдена также ложка из смальты сургучно-красного цвета, с арамейской надписью, которая, как и в первом случае, читается не ясно из-за нехватки частей ложки. В Арташате найден и фрагмент штукатурки жилища с нацарапанными на нем арамейскими буквами (граффиты). Найденные в Арташате изделия с арамейскими надписями, вероятно, привозные, но в связи с этим следует отметить: во-первых, известно, что арамейский язык в древней Армении имел применение наряду с греческим, о чем свидетельствуют найденные в северной Армении стелы с арамейскими надписями Арташеса I (189—160 гг. до н. э.), а также открытая раскопками в Гарни арамейская надпись с именем сына царя Вагарша, вероятно, царя Хосрова (198—216 гг. н. э.). Во-вторых, в городах древней Армении наряду с армянами жило определенное число иноязычного населения, переселенное в Армению Тиграном II. Известно, что в их среде было также население, говорящее на арамейском языке.

При раскопках на 2-м холме обнаружено несколько изящных сосудов типа так называемых алабастр изготовленных из мрамора. Ясно видно, что при их обработке мастер пользовался также сверлом. Нет сомнения, что это привозные изделия и, по всей вероятности, происходят из сиро-месопотамского культурного круга (табл. XLII).

В древности были известны точильные камни Армении, которые были предметом экспорта в Рим. Точильные камни применялись для точения не только орудий труда, но и оружия. Закрепленные на вращающих кругах, они использовались также для шлифовки и выведения разных орнаментов на стеклянных изделиях. Не случайно, что точильные камни—обычные находки при раскопках античных памятников. Часто они обнаруживаются в сильно изношенном виде, каковые найдены и в Арташате.

Обычными являются также каменные лощила, широко применяемые в керамическом производстве античного времени.

Из различных камней изготовлялись и мелкие изделия. Например, из мергелей, яшмы, горных шпатов, мрамора делались головки веретен, застежки для одежды и прочее. Сердолик, агат, халцедон, гишера и другие полудрагоценные камни широко использовались для изготовления бус, гемм печатей и для оправления ими украшений из драгоценных металлов.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

Выше отмечалось, что в Арташате были открыты мастерские кузнецов-оружейников, в которых наряду с различными видами оружия, мастера производили также орудия труда и другие предметы из железа, хотя они обнаружены пока в ограниченном количестве.

Найдено два железных топора плохой сохранности, тесло, мотыга, серп, нож садовника с изогнутым концом, бронзовый молоточек ювелира, гвозди.

Обнаруженные при раскопках медные, бронзовые, серебряные, золотые изделия свидетельствуют о высоком уровне металлообработки. Находки разнообразных по форме и величине тигелей для плавки цветных металлов на 1-м и 8-м холмах свидетельствуют о наличии мастерских медников, золотых и серебряных дел мастеров. Найдены части медных чаш и других сосудов. В одном случае к борту медной чаши была прикреплена довольно своеобразная по стилизации и с длинным тонким хвостом фигурка гиппокампа, хорошо известная из греческой мифологии. Своеобразием отличается бронзовый браслет (один конец отломан), украшенный головкой дракона местного восточного образца (табл. XLIII). Большой интерес представляет как по своим художественным достоинствам, так и по мифологическому содержанию бронзовая статуэтка, найденная в Арташате случайно. Она оформлена в виде высокого ступенчатого постамента, увенчанного головой оленя, на которой сидит орел (табл. XLIV). Такая композиция связана с обширными циклами древневосточных и древнеармянских мифологических представлений о солнце и тепле, о луне и влаге, считавшихся основными источниками жизни[1]. Аналогичная фигура хранится и в Государственном историческом музее Армении, в Ереване; к сожалению, место ее находки неизвестно.

Редкой находкой является литой бронзовый астрагал (бабка) по типу овечьих, известно что они применялись при играх, а также имели культово-вотивное назначение и часто встречаются в погребениях.

Раскопками в Арташате выявлены высокохудожественные изделия также из благородных металлов. Значительным произведением прикладного искусства является серебряная статуэтка козла. Она литая: ноги и рога козла вставные. Небольшая, но мощная фигура козла выполнена в основном реалистично, с известной стилизацией, повышающей ее художественную выразительность (табл. XLV). Она отличается от известных в ахеменидском Иране фигур козлов тем, что сочетает местные черты с эллинистическими. Не случайно, что более близкая параллель арташатской статуэтке имеет западное происхождение и найдена в Валахии[2].

Из серебра отлиты также ручки больших ваз или других сосудов. Одна из ручек своим нижним концом, оформленным в виде раскрывшегося цветочка, прикреплялась к борту вазы, а верхним поднима-

---

[1] См. *Б. Н. Аракелян.* Очерки по истории и искусству древней Армении. Ереван, 1976, стр. 79, табл. XCIV.

[2] Monumenta Greaca et Romana, vol. V. Greek minor Arts, fig. 1, Leiden, 1967 p. 10, pl. 33, fig. 97.

лась над бортом. Этот конец завершается детской крылатой фигуркой широко известного в греко-римской мифологии Эрота или Амура. Фигурка выступает как бы из раскрытого цветочка. Довольно выпукло, пластично даны формы детского тела. Статуэтка Эрота оформлена в соответствии с характерными для него особенностями (табл. XLVI).

Другая ручка прикреплялась к сосуду горизонтально и изображала стилизованного гиппокампа—морского конька, также хорошо известного в греческой мифологии. Ее дугообразная часть изображает рыбу и покрыта чешуей (табл. XLVII).

Для придания большей выразительности этой менее пластичной фигуре мастер покрыл ее позолотой, причем не аппликацией (наложением тонкого листа золота), а амальгамой. Отлиты ли эти фигурки на месте или, скорее, привезены извне—можно будет окончательно выяснить результатами дальнейших раскопок и тщательным их изучением.

Как бы то ни было, роскошные серебряные сосуды с украшениями Эрота и гиппокампа вполне соответствовали вкусу и художественным потребностям верхушки городского населения Арташата и находили применение в его быту, как парадные сосуды, или же они могли быть принесены в дар одному из храмов Арташата и применялись при отправлении культовых обрядов. Важно то, что они являлись изделиями эллинистической культуры и искусства, пустивших корни в армянской действительности.

Вышеуказанный бронзовый предмет с головой дракончика на сохранившемся конце явно отличается от предыдущих двух фигур. Ему свойственны черты, характерные для местной восточной культуры.

Блестящими произведениями ювелирного искусства являются золотые серьги, обнаруженные в 1975 году в одном из арташатских погребений. Мастерски выполненный витой круг серьги завершается женской головкой с повязкой-диадемой; волосы переданы в виде мелких рельефных листьев, а в верхней части головки имеются шаровидные выступы. Перед нами, вероятно, изображение головы богини плодородия. Головы на обеих серьгах одинаковы и достаточно выразительны. Они являются произведениями эллинистического искусства (цветн. табл. 3а).

Арташатские серьги составляют точную аналогию серебряным серьгам, найденным в Дура-Европосе[3] (Сирия), откуда они, по всей вероятности и привезены. Этот тип серег восходит к раннеэллинистическим образцам, изображающим спутницу Диониса, а также головы животных. Видно, что позднее они получили другое осмысление. В облике богини заметны черты восточного эллинизма, и можно полагать, что в данном случае мы имеем обобщенный образ эллинизированной переднеазиатской богини плодородия, а к этому кругу относилась также богиня Анаит.

В погребении, где оказались арташатские серьги, обнаружены и другие золотые предметы, связанные с погребальным обрядом, распространенным в ряде стран древнего мира. Речь идет о погребаль-

---

[3] *N. P. Toll.* The Excavations at Dara—Europos. Preliminary Report of the ninth Season of work 1935—1936, part II. The Necropolis, p. 118—119, fig. 51 B.

ном нагубнике и листьях сельдерея. Существовал обычай—свежим сельдереем (греч. σελινον) украшались могилы, а золотые листья сельдерея клались в погребения. У греков существовала поговорка: σελίνου δεῖται —он нуждается в сельдерее, т. е. дни его сочтены (табл. XLVIII).

В погребении найдены также медные монеты Тиграна II (95—56) и парфянского царя Митридата III (57—55), которые позволяют датировать погребения I в. до н. э.

Ввиду необычности для Армении погребения с нагубником и листьями сельдерея, предполагается, что открытое в Арташате единственное в этом роде погребение принадлежит иноземцу[4].

Весьма интересная находка была сделана экспедицией на второй день первого же года (1970) работы—был обнаружен золотой венец, состоящий из 22-х тонких листьев типа виноградных, или скорее платановых с глубокими разрезами и мелкими зубцами, и из четырех листьев типа оливковых. Они весьма тонкие, сильно измяты, но, видно, на них выведены жилки листьев (цветн. табл. 3б). Были ли они положены в богатое погребение, венчали голову статуи или же только что были изготовлены в мастерской? Трудно сказать с уверенностью. Скорее всего этот венец также был связан с погребальным обрядом. Однако ясно—листья венца оказались в руках похитителя, были сжаты в обоих его кулаках и превращены в комок, в каком виде и были обнаружены на 1-м холме, в одном из помещений, почти на поверхности земли—на глубине 5—10 см.

При раскопках в Арташате найдены и другие предметы из благородных металлов—серебряная ложечка, подвеска в виде полумесяца или подковы, а также небольшие бруски—заготовки серебра, золотая пластина, которые вместе с обнаруженными тигелями и металлическими шлаками свидетельствуют о наличии в Арташате ремесла серебряных и золотых дел мастеров. Обнаруженные в Арташате металлические изделия и украшения отражают весьма характерные явления в истории культуры древней Армении. Часть из них, видоизменяясь, продолжает развивать вековые традиции местной, в корне народной культуры; другая часть с достаточной яркостью свидетельствует о том, сколь глубокие корни пустила и какого высокого уровня достигла в Армении местная эллинистическая культура в эпоху античности.

КЕРАМИКА

При раскопках археологических объектов-городищ, поселений, крепостей, некрополей больше всего обнаруживается керамика. Такое изобилие керамики среди выявляемого раскопками археологического материала не случайно, так как керамические изделия широко применялись и играли исключительную роль в хозяйстве и быту населения. Ряд видов керамики нашел применение также в строительном деле.

[4] *Жорес Хачатрян.* Уникальное погребение позднеэллинистического времени. «Вестник АН АрмССР», 1977, № 1, стр. 55—63.

5а,б. Фрагменты расписных сосудов.
a. b. Fragments of painted pottery.

Сказанное всецело относится и к Арташату. Раскопки показали, что в Арташате существовало массовое производство керамики.

Из видов строительной керамики было обнаружено большое количество черепиц, характерных для античного времени и показывающих эволюцию форм и особенностей этого вида керамики в первых веках нашей эры. Обожженный кирпич обнаружен в ограниченном количестве; экспедиции пока известен единственный случай кладки стен из кирпича. Но кирпич применялся в конструкции и гипокауста (системы отопления из-под пола) бань; при этом круглые и прямоугольные кирпичи использовались для стоек, на которые опирался настил верхнего пола из кирпичей квадратной или прямоугольной формы.

В качестве стоек или опор верхнего пола бани, открытой на 8-м холме, использованы, как указывалось выше, четырехгранные керамические трубы с прямоугольными отверстиями на противоположных гранях для проникновения горячего воздуха. Кроме настила верхнего пола бани, кирпичи квадратной формы использовались также в днище цистерн для воды, открытых на 8-м холме. Производились гончарные трубы для водопровода.

При осмотре 6-го холма были найдены четырехгранные трубы, которые с помощью уступа на одном конце соединялись друг с другом и служили, вероятно, для строительства дымохода.

Наиболее массовый характер имело производство керамических изделий бытового и хозяйственного назначения. Эти изделия отличаются большим разнообразием как по типологии, применению, так и по формам и методам отделки.

Встречаются керамические сосуды и другие изделия разной формы, величины и назначения, начиная от маленьких светильников до огромных карасов для хранения вина и зерна; кувшины, сосуды для хранения жидких и сыпучих продуктов, солений; кухонная посуда, различные чаши, миски, кубки, горшки, вазы, погребальные пифосы, саркофаги, ритуальные сосуды и прочее.

Прежде всего следует отметить, что керамические изделия бытового назначения изготовлялись в основном на гончарном круге (табл. XLIX). Если во II—I вв. лепная керамика все еще занимала заметное место, то в I—III вв. ее количество сильно уменьшается. Иначе говоря, производство керамики осуществлялось не доморощенным способом, а в городских мастерских квалифицированными гончарами, и было рассчитано главным образом на рынок, т. е. в значительной мере носило характер мелкотоварного производства. Об этом говорит исключительное разнообразие видов керамики, ее форм и способов отделки, высокое качество изделий. Конечно, все это можно объяснить опытом и традициями производства и отделки керамических изделий, накопленными веками, которые были значительно обогащены в античную эпоху.

Мастера-гончары в соответствии с производимыми видами изделий подбирали разные по качеству и цвету глины, тщательно обрабатывали и подготавливали их к производству, так как от этого зависело качество черепка, его прочность или хрупкость, степень водонепроницаемости и проч.

Изучение черепков арташатских керамических изделий показыва-

ет. что применялись как измельченные, отмученные, мелкозернистые, так и грубообработанные глины с примесью крупнозернистого песка. По цвету встречаются черепки темного, серого, желтого, розового, кирпично-красного, а также белого цвета.

После сушки готовых изделий, до обжига осуществлялось их лощение каменными лощилами, поверхность сосудов покрывалась цветными охрами (ангобом) и снова производилось лощение. Особенно широко применялось лощение во II—I вв. до н. э.

Украшение керамических изделий орнаментальными мотивами производилось различными способами, но для античного периода наиболее характерной и эффективной была роспись.

Лощеная поверхность изделий, имевшая обычно цветной фон, расписывалась различными орнаментальными мотивами с применением одного или двух-трех красителей.

Роспись керамических изделий—явление не новое. Люди стали применять ее в различных странах еще в IV—III тысячелетиях до н. э. и не отказались от нее и в последующие времена—вплоть до наших дней. Однако постоянно изменялись как техника производства и отделка керамических изделий, так и украшающие их орнаментальные мотивы. Изменилась их форма, стилизация, композиция, выразительность, а также содержание мотивов, в соответствии с реальными и иррациональными представлениями, художественным восприятием и вкусами людей разных эпох.

Применяя эти положения к развитию художественной, в частности, крашеной или расписной керамики в Армении, можно сказать, что аборигенные племена Армянского нагорья знали художественную, в том числе и расписную керамику примерно пять тысяч лет назад. Однако развитие крашеной керамики шло неравномерно. В III тысячелетии она имела весьма слабое проявление, а в первой половине II тысячелетия получила широкое распространение и проявилась богатыми формами и мотивами. Наряду с геометрическими узорами, появились фигуры птиц и животных. Во второй половине II тысячелетия изделия крашеной керамики встречаются изредка. В период существования в Армении урартского государства (IX—начало VI вв. до н. э.) расписная керамика появляется спорадически, отличается ограниченностью мотивов, в то время как в соседних странах, в частности, в Малой Азии (во Фригии), производство расписной керамики достигает высокого уровня.

Новый подъем расписной керамики в Армении начинается в раннеармянскую эпоху (VI—IV вв. до н. э.), а расцвет происходит в эллинистическую эпоху (III—I вв. до н. э.).

Наряду с богатыми геометрическими мотивами появляются и стилизованные растительные рисунки, изредка также фигуры животных[1].

Однако этот расцвет продолжался не долго. В I в. н. э. расписная керамика в Армении переживает упадок и в дальнейшем изредка появляется на отдельных предметах в лишенных мастерства грубых формах.

[1] *Г. А. Тирацян.* О расписной керамике древней Армении. «Историко-филологический журнал», 1965, № 3, стр. 265—280; *Ж. Д. Хачатрян.* Некоторые образцы найденной в Армении расписной керамики. «Историко-филологический журнал» 1966, № 1, стр. 253—260 (на арм. яз.).

Производство расписной керамики в Армении в эллинистическую эпоху—значительное явление в развитии культуры и искусства. Роспись керамики становится важной областью народного художественного творчества и занимает заметное место в прикладном искусстве древней Армении (цвети. табл. 4а,б).

Обнаруженная в Арташате расписная керамика относится к двум последним векам ее расцвета (II—I вв. до н. э.) а также отражает ее последующий упадок и исчезновение.

Орнаментальные мотивы на арташатской расписной керамике также преимущественно геометрического характера и довольно разнообразны. Преобладают полоски, опоясывающие сосуды, концентрические круги, волнообразные линии, но встречаются также радиальные, дугообразные, точечные орнаменты. Довольно выразительны также растительные орнаменты в виде веточек, листьев, розеток, которые подчас стилизованы до такой степени, что приближаются к геометрическим орнаментам.

Роспись встречается как одноцветная на светлом, розовом или красном фоне сосудов, так и полихромная с разноцветными красителями. Преобладают красные, черные и темно-коричневые краски.

Росписью украшены сосуды весьма различного типа—чаши, миски, кубки, тарелки, кувшины, графины, большие сосуды-карасы (пифосы) и другие изделия (цвети. табл. 5а,б).

Перед исследователем возникает важный вопрос: каким образом возникла и развивалась расписная керамика в Армении в эллинистическую эпоху. Где можно искать ее истоки и откуда появился целый ряд ранее неизвестных в Армении орнаментальных мотивов?

Выше было указано, что расписная керамика в Армении имела длительную историю развития, следовательно, нет сомнения, что местные вековые традиции сыграли значительную роль в новом подъеме и развитии расписной керамики в эллинистическую эпоху. Вместе с тем выше была отмечена также неравномерность развития расписной керамики в Армении. Если в первой половине I тысячелетия до н. э. расписная керамика в Армении встречается в весьма ограниченных масштабах и почти не играет роли в художественном оформлении керамики, то в Иране, на Ближнем Востоке, в восточном бассейне Средиземного моря и в Малой Азии расписная керамика имела довольно широкое распространение и продолжала развиваться. Появляются новые формы керамических изделий и новые или видоизмененные орнаментальные мотивы на них, которые привели к формированию характерного облика и определенного стиля эллинистической эпохи III—I вв. (цвети. табл. 6а,б).

Армения не была оторвана от соседних стран и не оставалась безучастной к культурному развитию эпохи эллинизма. Она находилась в довольно тесном контакте со странами Ближнего Востока, восточного бассейна Средиземного моря, ионического мира Малой Азии и, общаясь с ними, переняла немало элементов их культуры. Усвоив перенятое, она на основе вековых традиций и новых веяний творила свою самобытную культуру эпохи эллинизма.

Этим путем шло развитие также расписной керамики Армении в VI—IV, особенно в III—I вв. до н. э.

Приятно выглядят также нерасписные сосуды, так как в боль-

шинстве случаев они покрывались тонким цветным слоем (ангобом) или обмазкой и, благодаря лощению, имеют гладко-блестящую поверхность светлого, красного, розового, коричневого, светло-коричневого, желтого, матово-светлого, черного тонов (табл. L).

Для эпохи эллинизма характерно чувство красоты, стремление искать и находить во всем совершенные красивые формы. Это нашло свое выражение также в области керамического производства. Вырабатывались изящные формы изделий, разнообразные красивые формы придавались деталям сосудов—венчикам, ручкам, ножкам и другим частям. В эту эпоху наряду с традиционными видами изделий, были выработаны и нашли широкое распространение в различных странах эллинистического мира целый ряд характерных и своеобразных видов и форм керамических изделий (табл. LI—LII).

Многие из них, как, например, амфоры, пелики, кратеры и кратерски, килики, скифосы, расписные тарелки-пинаки, рыбницы—блюда для рыб, лагиносы, арибаллы, лекифы, амфориски, так называемые мегарские чаши, веретенообразные флаконы были новостью для стран эллинистического Востока. Некоторые виды изделий, как-то: чаши-фиалы, кубки, застольные кувшины-ойнохои, так называемые алабастры, аски, кувшины с носиком, фляги, коробки-пиксиды, восходят к древневосточным, урартским прообразцам, но подвергались видоизменению, приобрели характерные для эллинистической эпохи облик и особенности (LIII—LVI).

Нами было указано на эти виды сосудов и их названия не только потому, что они характерны для керамического производства данной эпохи и имели широкое распространение в странах эллинистического мира, но и потому, что аналогичные сосуды обнаружены и в Армении, при раскопках Гарни, Армавира, Арташата и других археологических объектов и, что важно, они местного производства. Таким образом, наряду с другими многочисленными фактами, эти керамические изделия знаменуют возникновение и развитие в Армении культуры, называемой эллинистической.

Вместе с тем раскопки показывают, что множество видов керамических изделий по типу, формам и особенностям отделки продолжают повторять сугубо местные традиции и развивать их дальше. Сказанное относится прежде всего к хозяйственной и значительной части бытовой, особенно кухонной керамике. К их числу принадлежат, например, различные чаны, большие вазы, карасы, почти вся кухонная керамика, горшки, различные сосуды для хранения продуктов и солений, маслобойки, миски, светильники, большинство кувшинов, чаш, кубков и прочее (табл. LVII). Таким образом, как во всей культуре Армении античной эпохи, так и в керамическом производстве довольно четко прослеживается наличие двух основных линий—традиционно местной и эллинистическо-античной.

Художественная керамика представлена пифосами, кувшинами, ойнохойами, флягами для воды, вина, различными чашами и фиалами, тарелками и проч., которые предназначались для торжественной и обычной трапезы в основном имущего населения. Часть этих сосудов применялась, вероятно, также при отправлении обрядов в храмах при празднествах и похоронах. Этим можно объяснить, например, то, что находки сосудов и их фрагментов в погребениях—явление обычное.

Во многих помещениях на 1-м и 8-м холмах обнаружены печи. Большинство из них отличается от горнов и печей мастерских, и имело хозяйственно-бытовое назначение. Любопытно, что в ряде случаев в качестве печей использованы карасы или большие сосуды, вышедшие из употребления или обложены их черепками, хотя имеются также печи, специально построенные из глины.

При раскопках древнего Армавира и Арташата обнаружено множество фрагментов поливной керамики, которые покрыты глазурью голубого, зеленовато-голубого или бирюзового цвета (LVIII). Образцы поливной керамики античного времени обнаружены также в крепости Гарни и в Сисианской гробнице I в. до н. э. Поливная керамика, открытая при раскопках, довольно разнообразна, среди изделий встречаются чаши, миски, тарелки, фляги и сосуды типа небольших амфор. Небольшой кубок-малочник со светлой поливой найден в Гарни, а фляги с зеленовато-голубой поливой—в сисианской гробнице I в. до н. э.

Известно, что поливная цветная глазурь возникла и нашла применение на Древнем Востоке—в Египте и Месопотамии. Искусство производства поливной керамики из Месопотамии было перенято Ираном. Хорошо известны великолепные глазурованные панно дворца Ахеменидов в Сузах, с изображениями воинов, так называемых «бессмертных», львов и фантастических животных.

Поливная керамика производилась также в античной Греции. В Египте глазурью покрывались изделия из белой песчаной массы, известные под названием египетских фаянсов.

В эллинистическую эпоху начинает распространяться цветная свинцовая глазурь. В это время, как и позднее, в I—III вв. н. э., цветная глазурь применяется в производстве керамических изделий различного типа во многих странах античного мира, в частности в Египте, Сирии, Месопотамии, в парфянском Иране.

Поливная керамика из соседних стран проникает в Армению, первоначально в виде импортных изделий, а с первых веков нашей эры производство налаживается также в городах Армении (цветн. табл. 7б).

Характерно, что образцы поливной керамики местного производства повторяют основные виды и формы изделий, привезенных из Сирии и Месопотамии, в частности из таких крупных центров, какими были Дура-Европос и Селевкия на Тигре. Вместе с тем в Арташате обнаружены также чаши, миски, тарелки и другие сосуды местного производства, которые отличаются самобытными формами и особенностями, не известными в других ближневосточных центрах производства поливной керамики[2].

Масса разнообразной керамической продукции обнаружена повсюду, в частности, на 8-м холме, на котором был расположен один из ремесленных кварталов столицы и не случайно, что здесь была открыта и гончарная мастерская с обжигательной печью античного типа[3] (табл. LIX—LX).

[2] *Ж. Д. Хачатрян.* Античная поливная керамика Армении. «Историко-филологический журнал», 1977, № 3, стр. 183—194.

[3] *Ф. И. Тер-Мартиросов.* Античные печи из раскопок Арташата. «Вестник АН АрмССР», 1975, № 7, стр. 70—84.

В Арташате раскрыто и изучается значительное количество погребений II—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э. В них обнаружено немалое количество погребального инвентаря, в том числе керамических изделий. Они представляют большой интерес как по видам и формам, так и по особенностям отделки.

Отметим, что покойников в Арташате хоронили не только в грунтовых погребениях и в каменных ящиках, но и в глиняных карасах и саркофагах, как трупоположением, так и трупосожжением. При этом совершались определенные обряды, как традиционные, так и характерные для эллинистической эпохи[4].

При раскопках некрополя старого Вагаршапата были открыты саркофаги различного типа, в том числе овальной формы, закрытых до груди покойника. Открытые в Арташате глиняные саркофаги относятся к обычному типу удлиненных и суживающихся к одному концу саркофагов, которые закрывались глиняной же плоской крышкой (табл. LXI).

В Арташате встречаются также небольшие саркофаги так называемого ванночного типа для погребения детей и подростков. Они аналогичны ваночным погребениям, открытыми в Азербайджанской ССР.

Погребения к карасах имеют ближневосточное происхождение, где они встречаются издревле. По данным раскопок Аргиштихинили, захоронения в карасах в Армении встречаются еще в позднеурартское время[5]. Саркофаги в Армении получили распространение несколько позже и встречаются начиная с IV—III вв. до н. э. Обычай погребения в карасах и глиняных саркофагах в Армении исчезает после IV в. н. э.

СКУЛЬПТУРА

Раскопки в Арташате в 1971 г., как было указано выше, увенчались блестящими успехами—была открыта женская мраморная статуя великолепной работы. Она находилась в одной из помещений центральной части 1-го холма, на глубине 0,70 м от поверхности.

У этой статуи не хватает головы, правой руки и части левой руки. Имеет высоту 57 см (без головы) и стоит на весьма низком постаменте. Статуя принадлежит к особой группе одетых женских фигур античного времени. Тончайший хитон, затянутый узким поясом под грудью, не скрывает красоты женского тела. Гиматий перекинутый на левую руку, спускается к постаменту, образуя крупные вертикальные складки, другим концом, охватывая бедра фигуры, падает к ее ногам пышными складками. Хитон на спине образует тонкие вертикальные складки (табл. LXII).

Голова и правая рука не отбиты, так как они были прикреплены к туловищу при помощи железных штырей. Правая рука была под-

---

[4] См. Арташат II, *Ж. Д. Хачатрян.* Античные некрополи (раскопки 1971—1977 гг.). Ереван, 1981.

[5] *А. Мартиросян.* Аргиштихинили. Ереван, 1974, стр. 51, 55. Гарни V; *Ж. Д. Хачатрян.* Гарни V. Античный некрополь. Ереван, 1976, стр. 24.

пята вверх и, вероятно, держала над головой какой-то предмет. Левое плечо заметно опущено и обнажено, так как с него спадает тонкий хитон. Судя по косому срезу нижней части шеи, голова фигуры была поднята кверху. Левая нога вытянута, а правая слегка согнута в колене. Все это придавало фигуре нежность и изящество, характерные изваяниям Афродиты (цвети. табл. 7а).

Стилистические особенности арташатской статуи характеризуют ее как одно из немногочисленных позднеэллинистических скульптурных изображений молодых девушек, ваятели которых претендовали на воспроизведение тончайших по работе и изящных по выразительности классических форм скульптур гениального греческого ваятеля Праксителя и его школы. Две статуи этой группы найдены на острове Родос и хранятся в Британском музее[1] в Лондоне, еще две статуи хранятся в Национальном музее в Афинах, одна из коих найдена в Афинах, а другая—в Малой Азии—в Вифинии[2]. Последняя, самая поздняя по времени, уступает остальным также по художественным достоинствам. По мнению специалистов, данная группа статуй изображает Артемиду или, скорее, Афродиту и не лишена характерных черт скульптуры островов Эгейского моря и Малой Азии[3]. Такие статуи ставились в храмах, но ими украшали также дворцы и сады.

Найденная в столице древней Армении статуя, пятая в указанной группе, была названа экспедицией «Афродита Арташатская». Она стилистически близка к афинской статуе, но превосходит ее, как и найденную в Вифинии статую, по художественной выразительности и мастерству исполнения. Тонкие изящные формы, подчеркнуто красивая осанка придают арташатской статуе нежность и известную манерность, характерные для позднеэллинистической скульптуры[4]. Таким образом, арташатская женская мраморная статуя по ее стилистическим особенностям является значительным художественным произведением позднеэллинистической скульптуры конца II—начала I вв. до н. э.

В Арташате имелись и другие более значительные мраморные, а также бронзовые статуи, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и находки их фрагментов. Недалеко от нашей статуи, в одной из соседних комнат внутренних строений первого холма, были найдены два фрагмента другой мраморной статуи; один из них представляет собой часть низкого постамента, на который опирается нога с приподнятой пятой, что свидетельствует о динамичности фигуры. Малые размеры этих фрагментов показывают, что они принадлежали статуе, которая была размерами меньше «Афродиты Арташатской» (табл. LXIII). На другом холме с поверхности земли был по-

---

[1] *M. Bieber.* The Sculpture of the Hellenistic age. New York, 1955, p. 144, fig. 609, 610; *J. Marcade.* Au Musee de Delos. Etude Sur la Sculpture Hellenisique en ronde bosse decouverte dans l'ile Paris, 1969, tad. XXXII—XXXV; *R. Horn.* Stehende weibliche Gewandstatuen der Hellenistischen plastik (Romische Mitteilungen, 1931. Erganzungsheft II, S. 89—90

[2] *M. Bieber.* Указ. работы, стр. 166, фиг. 710—712.

[3] Там же, стр. 165.

[4] *L. Alscher.* Griechische Plastik, Bd. IV. Hellenismus, Berlin, 1957, Fig. 59, S., 107, 129—131.

добран очень маленький фрагмент головы большой бронзовой статуи.

У Мовсеса Хоренаци сохранились сведения о ввозе в Армению Арташесом I и Тиграном II целого ряда античных статуй из Малой Азии и Греции. По сообщениям историка, это были статуи Зевса, Афины, Артемиды, Афродиты, Аполлона, Геракла, Гефеста, которые были сопоставлены с божествами армянского пантеона и поставлены в храмах страны[5].

В частности, сообщается, что литые из бронзы и позолоченные статуи Артемиды и Аполлона были поставлены в первой столице Армении—Армавире, так как Артемида была сопоставлена с Анаит, а Аполлон—с Тиром. Далее указывается, что эти статуи из Армавира были переведены в специально построенный культовый город Багаран, а после строительства Арташата были перевезены оттуда в новую столицу Армении; статуя Артемиды—Анаит была поставлена в арташатском храме Анаит, а статуя Аполлона—Тира была поставлена на дороге вблизи Арташата[6], в местности Еразамойн, так как этому божеству приписывались функции прорицателя (еразацойц, ераза-han)[7] и покровителя письменности, учения и науки[8]. Анаит являлась богиней плодородия, покровительницей всей страны и столицы Арташат.

Кроме статуи Анаит в Арташат были привезены из Багарана также статуи-идолы предков армянских царей. Все эти статуи, по сообщению Мовсеса Хоренаци, были уничтожены сыном Шапура I Ормиздом-Арташиром, назначенным царем Армении[9] (261—278). Но и после этого в храмах Анаит и Тира стояли их статуи, которые были разгромлены царем Тиридатом III и Григорием Просветителем в 301—303 гг., при обращении армян в христианство[10].

Надеемся, что при дальнейших раскопках в Арташате будут обнаружены новые скульптурные памятники или их фрагменты.

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ

В античном мире широкое распространение получила и достигла высокого развития коропластика—искусство производства терракотовых статуэток. Последние изготовлялись из глины с помощью форм и после обжига часто окрашивались красными, розовыми, голубыми и другими красками.

Статуэтки изображали божества, героев, воинов, мифологические существа, бытовые и другие сюжеты, животных и пр. Имелись как одиночные, так и групповые статуэтки[1].

---

[5] *Мовсес Хоренаци*, кн. II, гл. I.

[6] См. там же, гл. 49.

[7] *Ераз* по-армянски означает сон, сновидение, а *сразhан*—прорицатель сновидения.

[8] *Агафангел.* История Армении, Тифлис, 1909, стр. 404.

[9] *Мовсес Хоренаци*, кн. II, гл .77.

[10] *Агафангел.* История Армении, стр. 204—205.

[1] *F. Winter*, Die antike Terrakoten, Bd. I—III, Berlin, 1903; *W. Ingen.* Figurines from Seleucia on the Tigris, London, 1939.

6а,б). Орнаментальные мотивы расписных сосудов.
a, b. Ornamental motifs of painted pottery.

Терракотовые статуэтки, будучи произведениями прикладного искусства, одновременно имели культовое, вотивное, а также бытовое назначение. Они стояли в жилищах, подносились храмам и святилищам, где они иногда собирались в большом количестве, клались в погребения. Этим и объясняется их распространенность.

Глиняные статуэтки в Армении изготовлялись (лепным способом без применения форм) с глубокой древности—еще в IV—III тысячелетиях. Однако коропластика городов древней Армении не имела с ними генетической связи и являлась одним из выражений культурного развития страны в античное время. Вполне закономерно, что терракотовые статуэтки, обнаруженные в Армении, близки к произведениям коропластики греко-эллинистического мира—как по способу изготовления, типологии, так и по назначению и стилю, хотя часть из них отличается самобытностью.

До недавнего времени терракотовые статуэтки, за исключением одной случайной находки, в Армении обнаружены не были. Первая статуэтка появилась при раскопках Гарни; еще несколько экземпляров было обнаружено в древнем Армавире. В настоящее время этот пробел заметно восполняется раскопками Арташата. Уже найдено несколько десятков терракотовых статуэток, довольно разнообразных как по форме, так и по содержанию. Все они местного производства, что видно как по их стилистическим особенностям, так и по глине, которая идентична глине других керамических изделий Арташата (цевтн. табл. 8).

Арташатские терракоты по мастерству выполнения уступают лучшим образцам греко-римского мира, однако выделяются ярко выраженными самобытными чертами. Наиболее характерными для Арташата являются женские статуэтки, а среди них изображение матери с ребенком в своеобразной композиции. Мать сидит ап face, в спокойно торжественной позе с накинутым на голову покрывалом, спускающимся па спину, а голый ребенок, опираясь о грудь матери, стоит с ее правой стороны, спиной к зрителю. Найдены как цельные образцы таких статуэток, так и их фрагменты (табл. LXIV). Надо полагать, что арташатские статуэтки этой композиции попали и в другие города и поселения страны, о чем свидетельствует находка такой статуэтки в древнем Армавире и в руинах селища возле городка Спитак в северо-восточной части Армении.

Встречается также другая композиция матери и ребенка. Мать изображена в сидячей позе—кормит ребенка, держа его на коленях. Мастерски выполненный и довольно выразительный образец такой статуэтки найден при раскопках в древнем Армавире, а арташатские статуэтки аналогичной композиции, к сожалению, фрагментарны. Стилистические особенности и стратиграфические данные позволяют полагать, что статуэтки этой композиции являются наиболее ранними произведениями коропластики древней Армении и их можно отнести ко II—I вв. до и. э.

Изображение матери с ребенком было одним из излюбленных мотивов в коропластике античного мира и встречается во многих странах. Как правило, в этой композиции изображались богини, связанные с культом матери и плодородия—Малоазийская Кибела, гре-

ческая Артемида, ирано-армянская Анаит, а также богиня любви—Афродита. Анаит была наиболее почитаемой в Мидии и Персии богиней, но, по свидетельству Страбона, «культ Анаит у армян превосходит другие. Ее храмы были возведены в разных местностях Армении, в частности в Эклесене»[2].

Выше было указано, что в Арташате также имелся храм богини Анаит, в котором стояла ее литая из бронзы и позолоченная статуя, привезенная, по сообщению Мовсеса Хоренаци, из Малой Азии[3].

Из армянских источников также видно, что богиня Анаит пользовалась в Армении исключительными почестями. Армянские историки V в. называют Анаит «великой госпожой», «славой и кормилицей рода нашего..., матерью благоразумия, благодетельницей всех людей»[4], «дарительницей жизни и хранительницей страны нашей—Армении»[5].

В главном храме Анаит в местности Ерез, на берегу Евфрата, в провинции Эклесена была поставлена ее золотая статуя, поэтому, видимо, Анаит именовалась «Злотородной», «Золотой праматерью»[6].

Анаит была также покровительницей столицы Арташат. Исходя из всего этого можно с уверенностью сказать, что обнаруженные в Арташате статуэтки матери с ребенком изображают богиню Анаит. Им свойственны торжественная статичность и самобытность.

Ряд статуэток, найденных в Арташате, изображает женщин, играющих на музыкальных инструментах—на кифаре и лютне.

Играющие на кифаре женщины изображены в гладкой длинной одежде в большинстве случаев обработаны грубо, хотя встречаются также достаточно изящные и выразительные образцы статуэток. Играющие на лютне одеты легко, а в одном случае по сохранившемуся торсу видно, что женщина прижала лютню к голой груди (табл. LXV).

Изображение женщин, играющих на музыкальных инструментах, в частности на кифаре, явление обычное. В данном случае достойно внимания, что аналогичные статуэтки женщин, играющих на лютне, встречаются на эллинистическом Востоке и хорошо известны из Селевкии[7].

Надо полагать, что статуэтки женщин, играющих на музыкальных инструментах, изображают муз, хотя не исключается, что среди них есть статуэтка женщин-музыкантов обычного бытового характера.

Среди арташатских терракотовых статуэток встречаются также несколько экземпляров с изображениями Афродиты и другие женские статуэтки. Афродита, сопоставленная с богиней любви армянского пантеона Астхик, изображена снимающей одежду перед купанием. Согнувшись, она снимает сандали. Фигура богини стройна, пропорциональна, довольно изящна, с оттенком манерности. Заметно стремление мастеров к подражанию классическим формам позднеэллинис-

---

[2] *Strabo*, XI, 14, 16.

[3] *Мовсес Хоренаци*, кн. II, гл. 12.

[4] *Агафангел*. История Армении, стр. 31.

[5] Там же, стр. 38.

[6] Там же, стр. 422.

[7] *W. Jngen*. Указ. работа, Cataloque, № 546, 555, pl. XXXVIII, 275, 278.

тических произведений скульптуры, хотя статуэтки не лишены также местных черт (табл. LXVI)[8].

Не менее значительными произведениями коропластики древней Армении являются статуэтки, изображающие воинов. По мастерству исполнения стилизации и выразительности особо выделяются статуэтки всадников (табл. LXVII).

Статуэтки известного в античном мире образца, изображающие мчащегося галопом всадника с развевающимся на ветру плащом, разнообразны как по форме, так и по уровню мастерства исполнения. Наряду с плоскостным менее выразительным образом всадника в остроконечном головном уборе, имеются довольно пластические изображения как боевого коня, так и всадника. К сожалению, головы, как правило, отбиты или же сильно потерты. Несмотря на это, они явно сближаются с лучшими образцами статуэток всадников эллинистического Востока (табл. LXVIII).

Довольно торжественно, эффектно и выразительно выглядят статуэтки всадников, боевые кони которых, стоящие на дыбах, установлены на постаменте. Детально показаны уздечка и другие ремни сбруи, украшенные кружками, очевидно, имитирующими металлические бляхи (табл. LXIX). Всадники изображены в напряжении. Видно, что они носили остроконечный головной убор. Плохая сохранность не позволяет установить, были ли они в шлеме. Тем не менее достойны внимания образ, так и одеяние и вооружение армянского всадника античной эпохи. Эти вопросы будут уточнены по мере накопления соответствующего материала и обнаружения цельных статуэток всадников.

Две статуэтки всадников из Арташата совершенно другого облика. Конь стоит в торжественной статичности с приподнятой передней ногой. Надо полагать, что подобные статуэтки имели культовое назначение[9]. Помимо всадников встречаются также статуэтки пеших воинов, а в одном случае, возможно, вельможи.

В древнем Армавире, как и в Арташате, найдены также статуэтки, вернее, фрагменты пеших воинов, которые, спустившись на колено, вероятно готовятся пустить стрелу[10].

В 1977 г. в Арташате была найдена верхняя часть статуэтки, изображающей бородатого мужчину, вероятно, воина с поднятыми над головой сомкнутыми вместе руками в позе торжественной клятвы. Фигура своеобразна и довольно выразительна (табл. LXX). Для изучения облика, одеяния и вооружения лучников заметный интерес представляют изображения армянских воинов-лучников на медальонах, отчеканенных римлянами по случаю захвата ими Армении.

От общего характера и самобытного стиля арташатских статуэток явно отличается статуэтка, изображающая сидящего старика. Круглая голова, тупой нос, бородатое лицо, плотная фигура с ярко

---

[8] *Ж. Л. Хачатрян.* Античная коропластика Армении. «Вестник АН АрмССР», 1977, № 5, стр. 43—45; *его же.* Об античной коропластике Армении, ВДИ, 1979, № 3,стр. 87—103.

[9] Там же,

[10] *Г. А. Тирацян.* Раскопки Армавира. «Вестник АН АрмССР», 1952, № 2, стр. 40.

выраженной мускулатурой на груди и животе старика, который правой рукой обнимал какой-то предмет, возможно, сосуд или мех с вином, передают характерный образ Силена (табл. LXXI).

Статуэтка сделана на месте из арташатской глины и была покрашена в розовый цвет, следы которого сохранились, но она типологически и по стилю выпадает из всей группы арташатских статуэток. Надо полагать, что она изготовлена в форме или привезенной извне, или же в форме, снятой с привезенной статуэтки. Как бы то ни было, одно бесспорно—терракотовые статуэтки эллинистического облика соответствовали потребностям и вкусу городского населения Армении (табл. LXXII), тем более что в городах страны, в том числе и в Арташате, имелась заметная прослойка населения, переселенного в I в. до н. э. из эллинистических городов Каппадокии, Адиабены, Сирии и других стран.

Что касается времени изготовления терракотовых статуэток, обнаруженных в Армении, то их наиболее ранние образцы, найденные в древнем Армавире, может быть и отдельные статуэтки из Арташата, относятся к II—I вв. до н. э. Основная же часть открытых в Арташате статуэток находит свое место в хронологических рамках I—II вв., а некоторые доходят до III в. н. э. Они обнаружены в культурных слоях вместе с другими изделиями этого времени. Весьма характерно, что на первом холме, где жизнь прервалась в середине I в. н. э., терракотовые статуэтки не найдены.

Обнаруженные в значительном количестве терракотовые статуэтки при раскопках городов древней Армении не оставляет сомнений в возникновении в Армении коропластики античного облика, произведения которой отличаются самобытностью. В самом деле, только некоторые образцы (статуэтки Силена, Афродиты и др.) имеют четко выраженный западный облик, большинству же статуэток свойственны отчетливо выступающие местные самобытные черты. Они являются довольно характерными, яркими и значительными памятниками эллинистического направления в прикладном искусстве древней Армении.

СТЕКЛО

Стеклянные бусы в Армении производились давно и встречаются в погребениях эпохи бронзы II тысячелетия до н. э. Производство стеклянных сосудов налаживается гораздо позже—в эпоху эллинизма. Первые сосуды, в основном чаши, небольшие тарелки, изготовлялись в специальных формах способом штамповки. Как правило они толстостенные, непрозрачные, по фактуре похожи на стеклянную смальту и обычно окрашены с помощью металлических окисей. В Арташате найдены фрагменты архаического стекла голубого, серо-зеленого, бирюзового и коричневого цветов. Найдены также фрагменты толстого цветного стекла, украшенные позолотой под верхним слоем.

Производство выдувного стекла в античном мире, как известно, начинается на рубеже старого и нового летосчислений в странах юго-восточного побережья Средиземноморья.

Значительное количество выдувных стеклянных изделий античного времени обнаружено в старом Вагаршапате, в крепости Гарни, где их найдено особенно много и в других поселениях древней Армении. Они в основном привозные и импортировались из Сирии, Месопотамии, Египта, но имеются также склянки местного производства, которые повторяют основные формы изделий других стран, хотя имеются изделия с характерными местными особенностями как по их форме, так и по отделке[1].

Производство выдувных стеклянных изделий в Армении начинается не ранее второй половины I в. н. э., чем можно объяснить полное отсутствие следов выдувного стекла на 1-м холме, на котором жизнь не возобновлялась после разрушений, учиненных Корбулоном весною 59 г. н. э.

Выдувные стеклянные изделия в Арташате обнаружены на седьмом и восьмом холмах, где жизнь продолжалась до IV в., и в погребениях II—IV вв. (табл. LXXIII). Их количество пока ограничено; наряду с привозными склянками имеются также сосуды местного производства (LXXIV).

Привозное сирийское стекло представлено несколькими образцами (табл. LXXV). Найдены также образцы так называемого финикийского стекла. Флаконы местного производства аналогичны таким же местным изделиям, известным из раскопок Вагаршапата и Гарни. Мастерские стеклодувов античного времени пока не обнаружены, но можно надеяться, что этот пробел восполнится дальнейшими раскопками городов античного времени.

В арташатских погребениях обнаружены также стеклянные бусы, в том числе золотого цвета, т. е. бусы с позолоченной поверхностью, покрытой тонким слоем прозрачного стекла.

Известно, что в Иране, Малой Азии и соседних странах в V—III вв. распространяются так называемые многогранные печати, на которых вырезались сцены единоборства всадника с пешим воином, а также другие сцены, фигуры воинов, животных и зверей[2]. Ранние образцы многогранных печатей изготовлялись из камня, в частности из лазурита, несколько позднее также из стекла, которому придавали цвет лазурита. Подобные печати нашли применение и в Армении и были найдены в разных частях страны[3]. Многогранная печать из темно-синего стекла с изображением лошади была найдена в одном из помещений на 1-м холме и может быть датирована не позднее II в. до н. э. Она изготовлена, вероятно, на месте.

Во время раскопок в Арташате найден интересный предмет, имеющий форму глаза довольно больших размеров. Центральный круг сделан из стекла, белок—из мрамора. Трудно сказать—вставной ли

---

[1] *Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян.* Стекло древней Армении, Ереван, 1969; *Ж. Д. Хачатрян.* О стекле древней Армении, «Вестник АН АрмССР», 1967, № 1; *его же.* Арташат II. Ереван, 1981, стр. 155—168.

[2] *A. Furtwängler.* Die antike Gemmen Leipzig—Berlin, 1900, т. 1, табл. XI, т. III, стр. 116—123.

[3] *Ж. Хачатрян.* Найденные в Армении многогранные печати. «Историко-филологический журнал», № 1, 1965, стр. 271—277; *Б. Н. Аракелян.* Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976, стр. 31—35.

это глаз для скульптурного памятника, или же он имел культово-магическое значение.

В Арташате встречаются также изделия из кости. Орудия труда, бытовые и культовые изделия из кости изготовлялись еще в древнейшие времена.

Находки костяных изделий пока редки. Встречаются не до конца обработанные фрагменты кости, хорошо обработанная трубочка, рукоятки ножен, фрагмент привозной чаши из слоновой кости и другие незначительные фрагменты.

В древности широко были распространены астрагалы-бабки (овцы и свиньи), которым в древнейшие времена приписывалось культово-магическое значение, позднее они служили преимущественно игрушками. Астрагалы в Арташате обнаруживаются как в культурных слоях, так и в погребениях. Порой они частично обработаны. Любопытно, что в одном из помещений был найден астрагал, вылитый из бронзы. Очевидно, что астрагалы в античное время не потеряли своего вотивного и культово-магического значения.

МОНЕТЫ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Арташат был крупнейшим центром внутренней и внешней торговли. Международная торговля здесь совершалась товарами как местного производства, так и привезенными из разных стран. По сведениям источников, хотя и поздних, Арташат был одним из пунктов оптового товарообмена.

В столице была развита и внутренняя торговля. Известно, что Тигран II, расширяя свое государство, контролировал главные магистральные пути международной торговли на обширных территориях и пополнил казну значительными средствами. В своем стремлении способствовать развитию торговли Тигран II чеканил как серебряные, так и медные монеты. Монеты с его портретным изображением выпускались в Арташате, Тигранакерте, а также в городах завоеванной им Сирии—Антиохии и Дамаске. Медные монеты чеканились в Арташате, вероятно, также в городе Назибине в Северной Месопотамии[1].

Сам факт чеканки монет при Тигране II в монетных дворах нескольких городов примечателен и свидетельствует о выпуске монет в значительном количестве. Эти монеты находились в обращении как в странах, входивших в состав государства Тиграна, так и в соседних странах, на территории которых они обнаруживаются.

Монеты чеканились также сыном и преемником Тиграна—Артаваздом II и всеми последующими царями династии Арташесидов до ее падения в самом начале I в. н. э.

---

[1] Анри Сейрнг предполагает, что найденные в Нисибии медные монеты вычеканены при Тигране II (*H. Seyrig*. Tresor monetaire de Nisibe, Revue Numismatique, Paris p. 87—88, 111—116). З. Бедукян («Монеты династии Арташесидов», Вена, 1969, стр. 29—32) и Х. Мушегян («Из истории денежного оборота в древней Армении». «Историко-филологический журнал», 1970, № 3, стр. 71) находят, что найденные в Нисибине медные монеты чеканены при Тигране I.

Учитывая эти обстоятельства, археологическая экспедиция надеялась, что при раскопках монеты будут обнаружены, и ее ожидания вскоре оправдались. Удача пришла на второй год раскопок (1971), когда был открыт клад, состоящий из серебряных монет Тиграна II. В нем оказалось 28 монет—27 драхм и одна тетрадрахма (табл. LXXVI).

На лицевой стороне (аверсе) монет помещено портретное изображение царя (табл. LXXVII), а на оборотной стороне (реверсе)—фигура сирийской богини Тихе, которая была сопоставлена с армянской богиней Анаит, считавшейся хранительницей Армении, вероятно, также ее столицы—Арташата. Тихе—Анаит изображена сидящей на скале, с веткой лаврового дерева в руке, а у ее ног находится изображение божества реки (Оронта—Аракса). Легенды на монетах греческие, причем на монетах, чеканенных в городах Армении, помещена надпись ΒΑCΙΛΕΩC ΒΑCΙΛΕΩΝ ΤΙΓΡΑΝΟU царя царей Тиграна, а на монетах чеканки сирийских городов—ΒΑCΙΛΕΩC ΤΙΓΡΑΝΟU—царя Тиграна.

Дальнейшими раскопками выяснилось, что помещение, в котором был обнаружен клад, являлось мастерской кузнеца-оружейника.

Предварительные наблюдения показали, что эти монеты чеканены в Арташате, Тигранакерте и Антиохии в 70-х годах до н. э. Для их чеканки применялось до десяти различных штемпелей. Это также свидетельствует, что Тиграном II были выпущены монеты в значительном количестве[2].

В Арташате обнаружены также медные монеты[3] Тиграна и его сына и преемника Артавазда II с отметкой А, что, по предположению участника арташатской археологической экспедиции М. О. Зардаряна, является монограммой арташатского монетного двора, который начал действовать раньше и продолжал существовать дольше других монетных дворов древней Армении[4]. После столкновения Тиграна II с Римом и заключения в 66 г. договора с Помпеем, по которому завоеванные Тиграном II страны отпали от его государства, монеты Артавазда II и последующих царей династии Арташесидов чеканились преимущественно в Арташате.

Исключительно важное значение имеет факт чеканки в Арташате собственно городской монеты. На территории городища найдены две медные монеты, выпущенные в 183 году н. э. (хранятся в Государственном музее истории Армении). Они изготовлены по образцу известных в античном мире городских монет и имеют высокохудожественное оформление. На их лицевой стороне помещена голова богини Тихе—Анаит в башневидной короне, а на обратной стороне—фигура богини победы Ники и надпись ΑΡΤΑΞΙCΑΤΩΝ ΜΕΤΡΟΠΟΛΕΩC (табл. LXXVIII). Значение этих монет заключается, во-первых, в том, что чеканить монеты имели право большие города, пользовавшиеся

[2] См. *Х. А. Мушегян.* Арташатский клад армянских монет (на арм. яз.) „Armenian numismatic journal", volume IV, 1978, стр. 105—127.

[3] Вопрос о том, были ли выпущены Тиграном II также золотые монеты, остается открытым, так как золотые монеты с его портретом считаются подделками и для разрешения загадки нужны новые достоверные данные.

[4] *М. О. Зардарян.* Об одном типе монет арташатской чеканки. «Вестник АН АрмССР», 1977, № 2, стр. 80—85.

самоуправлением и являвшиеся крупным центром торговли, во вторых, в том, что она выпущена ровно 20 лет спустя с того момента, когда столицей Армении был провозглашен Кайне-полис, т. е. Вагаршапат, а найденная монета показывает, что, несмотря на это, Арташат оставался метрополисом—столицей страны и был самоуправляющимся городом, имевшим городскую администрацию.

Арташат стал торговым центром задолго до воцарения Тиграна II и чеканки им монет. Следовательно, нужда в монетах существовала давно. Известно, что монеты в Армении чеканились царями Софены еще в III в. до н. э. Предполагается, что медные монеты чеканились также отцом Тиграна II—Тиграном I в конце II в. до н. э. Однако ни софенские монеты, ни монеты Тиграна I в Арташате до сих пор не обнаружены. Возникает естественный вопрос, какие же монеты находились в обращении в столице Армении до чеканки монет Тиграном II. На этот вопрос дают ответ раскопки Арташата. В 1972 г. при раскопках помещения, где в карасах хранилась нефть или горючая смесь, был обнаружен второй клад, состоящий из 42 серебряных монет разных стран[4]:

I. Парфянские монеты—7 драхм:
Митридата I (171—138)—2 монеты
Артабана I (128—124)—1
Митридата II (124—88)—5
Санатрука (77—70)—1

II. Селевкидские монеты—17 тетрадрахм, 1 драхма:
Деметрия II (первое правление 145—140)—1 драхма
Антиоха VI Эпифана (145—142)—1 тетрадрахма
Антиоха VII Сидета (138—129)—11 —"—
Селевка VI (96/5)—1 —"—
Филиппа I (94—93)—4 —"—

III. Каппадокийские монеты—14 драхм:
Ариарата VII (ок. 111—100)—10
Ариобарзана I (ок. 95—ок. 62)—4

IV. Афинские монеты «нового стиля»,
Магистратские серии (146—86)—2 тетрадрахмы

V. Подражание драхмам Александра Македонского—1.

Если обратить внимание на время выпуска монет этого клада, то становится ясным, что 37 из них выпущены во II—начале I вв. до н. э., до того, как Тигран II начал чеканить монеты.

Такую хронологическую картину представляют также монеты, найденные в отдельности при раскопках.

В течение семи лет раскопок в Арташате обнаружено 86 монет, из коих 32 монеты армянские (28 серебряных и 3 медные Тиграна II и 1 медная Артавазда II) и 54—других стран.

Как мы видели, монеты второго клада попали в Арташат из пяти стран—Парфии, Сирии, Каппадокии, Афин и, вероятно, Кавказской Албании (подражание драхмам Александра Македонского). К этому надо добавить, что в Арташате найдены также римские, понтийские, провинциальные римские, набатейская, финикийская монеты и подражание монетам Лиссимаха. Если из этого списка исключим наба-

[4] Состав клада определен участником экспедиции М. О. Зардаряном.

тейскую, финикийскую монеты и подражание монетам Лиссимаха, полагая, что они попали в Арташат случайно или опосредствованно, то все же в нем останется восемь стран.

Один лишь этот факт с достаточной красноречивостью свидетельствует о довольно обширных торгово-экономических и культурных связях столицы древней Армении со странами древнего мира.

Раскопки Арташата предоставляют нам и другие факты об экономических и культурных связях столицы Армении с внешним миром. Кроме мраморных и бронзовых статуй, о чем было сказано выше, извне в Арташат импортировались различные изделия, произведения прикладного искусства из металлов, разнообразные керамические сосуды—амфоры, амфориски, чаши, тарелки типа терра-сигилата, стеклянные изделия из Сирии, Малой Азии, с островов Эгейского моря, из Египта, Рима и других стран. В Арташате найдены фрагменты амфор, которые, по определению М. О. Зардаряна[5], происходят из Родоса, Коса и Гераклеи Понтийской. Разумеется, они привезены в Арташат не пустыми; по всей вероятности, эти амфоры служили тарой для импорта оливкового масла. Среди поливной керамики также имеются привозные сосуды, которые, очевидно, происходят из Сирии и Парфянской Месопотамии. С запада попали в Арташат также небольшие мраморные сосуды типа алабастр, стеклянные флаконы. Армения в свою очередь экспортировала свои товары—краски, полудрагоценные и точильные камни, металл, вино и прочее.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Армения и ее столица Арташат находились не в стороне от культурного развития античного мира, а достаточно тесно общались с ним, переняли и усвоили немало элементов культурного достижения античного мира в области градостроительства и строительного дела, ремесленного производства, монументального и прикладного искусства. В результате в культуре древней Армении наряду с вековым традиционным, в корне своем народным направлением, еще в эллинистическую эпоху в III—I вв. до н. э. возникает второе основное, так называемое эллинистическое направление, которое во многом определило развитие культуры древней Армении, в частности, в городской среде. Армения стала частью восточного эллинистического мира.

Эллинистическое направление наряду с народным традиционным направлением явилось постоянно действующим фактором культурного развития древней Армении в течение ряда столетий. В самой Армении возникает и развивается местная эллинистическая культура, которая являлась в основном культурой знати и городского населения страны, однако она не была поверхностным явлением, а сращиваясь с местной вековой культурой, способствовала ее прогрессу и значительному обогащению. В культурном развитии древней Армении ее столица сыграла большую и важнейшую роль.

Араратская долина, где находился Арташат, своими плодородными нивами, виноградными и фруктовыми садами обеспечивала

[5] *М. О. Зардарян.* Амфоры из раскопок Арташата. «Историко-филологический журнал», 1977, № 1, стр. 266—272.

население этого большого города необходимыми продуктами; сам Арташат был окружен принадлежащими ему сельскохозяйственными поселениями—агараками. Однако не только земледелие и его продукция являлись основой крупного хозяйственного значения Арташата; раскопками уже выявлен богатый материал, показывающий, что Арташат был также крупнейшим центром ремесленного производства и торговли.

Выявленные раскопками материалы позволяют установить наличие и целого ряда ремесел, достигших высокого уровня развития.

Со строительным делом были связаны ремесла по добыванию и обработке камня, резьба по камню, производство кирпичей, черепицы, гончарных труб для водопровода, извести, ремесло маляров, в том числе мастеров, занимающихся росписью стен. Из ремесел по обработке металлов было развито ремесло кузнецов и оружейников, медников; золотых и серебряных дел мастера производили художественные изделия и украшения, ювелиры оправляли эти изделия драгоценными камнями, изготовляли печати, бусы, застежки и другие предметы и украшения. Высокого уровня развития достигло производство керамики с применением техники ангибирования, лощения, росписи. Налаживается производство поливной керамики. Надо полагать, что столь разные виды керамики, в том числе простой, расписной, поливной керамики, а также терракотовые статуэтки едва ли производились одними и теми же мастерами-керамистами. Очевидно, мы имеем дело с различными ветвями керамического производства.

В Армении возникло также стеклоделие. До начала I в. стеклянные изделия изготовлялись путем штамповки и накатки. На рубеже старого и нового летосчислений в технике стеклоделия имел место большой прогресс—мастера стали применять способ выдувания, при этом стеклянные сосуды выдувались как в формах, так и без применения форм. В первом случае узоры, выведенные на форме, отпечатывались на стеклянных изделиях, придавая им более красивый вид.

В Арташате обнаружены стеклянные изделия местного производства, изготовленные как до применения техники штамповки (более ранние образцы, относящиеся ко II—I вв. до н. э.), так и способом выдувания.

Украшение стен разноцветными красителями и расписная керамика свидетельствуют о производстве в Арташате красок различного цвета. Находки остатков бревен от перекрытий и обработанного дерева, а также обработанных костей говорят о наличии в городе деревообделочного и костерезного ремесел.

Надо полагать, что в Арташате были развиты также ткацкое дело, ремесла по обработке кожи, производству обуви и пр.

Красноречивы обнаруженные при раскопках Арташата произведения искусства.

В течение восьми лет раскопана буквально незначительная часть территории городища, однако результаты более чем удовлетворительны. Арташат, застроенный по единому плану, действительно был большим городом, имел коммунальные сооружения—водопровод, цистерны для воды, бани, многие здания были украшены колоннами.

Значительные изменения происходили в строительном искусстве и технике. Наряду с традиционными материалами, вековыми навы-

7а. Мраморная статуя—«Афродита Арташатская».
б. Фрагменты поливной керамики.
a. Marble Statue—„Aphrodite of Areashat" 57 cm. high.
b. Fragments of glazed pottery.

ками и способами строительства и отделки зданий появляются новые материалы, новые технические методы строительства и архитектурного убранства и отделки зданий, их перекрытия с применением черепицы.

В Арташате высокого уровня развития достигли различные традиционные ремесла, появились новые области ремесленного производства. Расширялись экономические и культурные связи Армении со многими странами древнего мира. Новый облик приобрели многие виды ремесленной продукции, в частности, изделия прикладного искусства, что свидетельствует о значительном прогрессе и изменениях художественного мышления и восприятия.

Археологические исследования с достаточной яркостью подтверждают, что древняя Армения, будучи независимым и довольно мощным государством, переживала большой культурно-экономический подъем и прогресс, а Арташат был самым значительным городом древней Армении и средоточием этого прогресса на протяжении веков.

Начавшиеся в 1970 г. раскопки Арташата будут продолжаться в течение многих десятилетий, и нет сомнения, что они откроют немало памятников и неизвестных доселе страниц истории и культуры древней Армении.

ARTASHAT

B. N. ARAKELIAN

*ON RESULTS OF EXCAVATIONS IN 1970—1977**

Summary

. . . . a large and very beautiful city emerged, to which the king gave his name and proclaimed it the capital of Armenia.

Those are Plutarch's words with reference to the foundation of the capital of ancient Armenia—Artashat or Artaxata, as the Greco—Roman authors used to call it.

What were the circumstances that motivated the foundation of that city?

Following the downfall of the state of Urartu, that survived in the Armenian Highlands from the 9th to the beginning of the 6th centuries B. C., the Armenian state came into being which, however, passed under Median sway. From the mid-sixth century to the thirties of the fourth century B. C. Armenia formed part of the political system of Achaemenid Iran. Despite this adverse circumstance the ethnic formation of the Armenian people achieved its completion in the meantime, and with the collapse of the Achaemenid kingdom under the blows of the Greco-Mace-

* Translated into English by P. Mesrobian.

donian troops of Alexander the Great new state formations came into relief within Armenia Major, Sophene and Armenia Minor. At the close of the third century Armenia came for a while under Seleucid sovereignty. When the Romans landed on the Mediterranean coast of Asia Minor and defeated the troops of Antioch III. the Armenians rose in rebellion againts the Seleucids and achieved the country's independence. Artashes, leader of the uprising, was proclaimed king of Armenia Major.

As a matter of fact Artashes I became the founder of the united kingdom of Armenia which, unlike the kingdoms of the ancient East, displayed a politically steady united ethnic composition.

Artashes I put an end to the kingdom of the hitherto ruling Yervanduni dynasty; however, he failed to settle in their capitals Armavir and Yervandashat, as the former was witnessing its decline while the latter (founded at the close of the 3 rd century), squeezed among mountains and located way back from the trade routes, was deprived of any prospect of development.

To establish a new capital Artashes I chose the most fertile part of the plain of Ararat, crossed by the trade routes linking the East, the West and Armenia with its neighbouring countries.

Shortly Artashat turned into a prominent centre of craftsmanship, and trade, the focus of the economic, political and cultural life of ancient Armenia, playing this significant role for over five centuries.

As Artahsat was the pivot in the country's life, it naturally shared the historical fate of the land. Enemy troops invaded the capital of Armenia, plundered and destroyed it many times. In the spring of 59 A. D. Artashat was razed to the ground and burned to ashes by the Roman legions under the command of Corbulo but soon the city was re-built. In 368 the same fate befell the capital. The troops of the Sassanid King Shapour II devastated and burned Artashat, while its inhabitants were driven to Iran. Thereupon the city ceased to be of consequence and the last reference to it was made in the 7-th century as a fortress with a small population.

The excavation of Armenia's ancient capital, glorified by Greek, Roman and Armenian authors, is of paramount importance in studying the history, culture and way of life of the Armenian people, its economic and cultural relations with the countries of the ancient world.

In 1967 Latin inscriptions were discovered within the townlet on the tombstone of a soldier of the Italic legion, and the other was a detailed inscription made in 116 on behalf of Trajanus which enumerates the titulary of the emperor in connection with the erection of some construction by the fourth Scythian legion there.

Those findings encouraged the long premeditated excavation of Artashat, undertaken in 1970.

The citadel and the central quarters of the city were situated on nine hills along the left bank of the river Araxes, just in front of majestic Mount Ararat. The main part of the city quarters sprawled in the plain extending as far as the bank of the river.

Referring to Artashat Strabo notes: „This is a well-built modern city and capital of the country. It is located on a prominence similar to a peninsula, its walls girdled by a river save for the land before the isthmus which is bordered by a moat and a bank". The old Armenian authors provide detailed information on Artashat.

Excavations and observations indicate that the city took up an area of about 450—500 hectares, i. e. much more extensive than was presumed before the excavation. All of the hills are surrounded by fortress walls ingeniously joined together to form a united and vast system of fortifications with a moat and a bank in front.

The defenders of the city made use of all types of weapons and defensive means including ballista and a mixture of fuel or simply black oil, the remnants of which have been discovered in several places inside the walls of the first hill.

The city as Plutarch attests was built in line with a general lay-out; he ascribes the planning and the supervision of the building of the city to Hannibal banished from Carthage and supposedly given refuge by Artashes I.

The excavations of the first, fourth and eighth hills (as designated by the expedition) revealed the picture of a unified, elaborate planning of the city, combining local and Hellenistic traditions of city-building.

The buildings of the city are largely made of local reddish and gray stones, while the monumental constructions are erected of fine-grained limestone the layers of which lie buried in close proximity to the city.

White-stoned monumental buildings are provided with pillars. The interior of the buildings is bedecked with prophiled white-lime cornices. Remnants of polychrome wall paintings, similar to those of the first Pompeian style, have been traced.

The excavations revealed that the buildings were made up of flat reedy roofs, in line with oriental tradition, and double-sloping tiled roofs that had first been introduced in Armenia in the Hellenistic period.

The municipal service of the city was of rather a high standard. Ceramic water-pipes were laid in the city, while in one of the quarters the relics of two bath-houses with hypocaust — a system of underground heating — have been uncovered, going back again to the Hellenistic era.

The chroniclers attest that the statues of various deities and ancestors of kings were erected in the temples and palaces of Artashat. In time

of excavations the fragments of statuettes and a small marble female statue of the late Hellenistic time were discovered. and the expedition named the latter the „Aphrodite of Artashat". It forms part of the group of statues of the so-called attired young women, the sculptors of which claimed to approximate their works to the splendid masterpieces of Praxiteles and his school. Until recently four statues of this group have been known, preserved in the British Museum and the National Museum in Athens; the Artashat statue is the fifth. Elaborate workmanship coupled with eye-striking delicacy and a certain mannerism suggest the date of the Artashat statue—the close of the second and the start of the first centuries B. C. It was brought to Armenia probably from Asia Minor; to be more precise —from the islands of the Aegean.

Querns, millstones, mortars and other stone-made implements were widely used in the economy and workaday life of the people. It is common knowledge that querns have been met with in Armenia since the 4th millenium.

They have undergone no substantial changes throughout the centuries, but in the Hellenistic period a horizontal wooden handle was added to the upper stone for the thresher to turn to the left and to the right with one hand. Gradually the upper and the lower stones of the querns grew in size and assumed circular form; an aperture was bored on the upper stone for pouring grain; eventually it evolved into the millstone rotating round its axis.

All stages of transition — from stone querns to the ancient type of millstones — are available in Armenia — a land abounding in stones. Such transition exceeded by far their productivity and paved the way for the utilization of animals in flour-grinding and led eventually to the appearance of water-mills.

Apart from their application in flour-grinding, the querns and stone mills were also used to obtain refined salt, groats, clay, earthen colour ochre, to prepare paints as well as for crushing metallic ores for their concentration, etc.

Stone-made mortars, the utilization of which had also started in old days, were of no lesser consequence in everyday life.

The small-size portable mortars were supplemented with big immovable mortars of bulky productivity. Like the querns, the mortars were also used extensively. Small-size mortars made of granodiorite were discovered in Artashat as well as in ancient Armavir. They were presumably used in making sacred drinks and drugs.

Granite, basalt, sandstone and limestone were used to produce various vessels, vases and cups, specimens of which were dug out in Artashat.

Artashat was a notablb centre of handicraft goods. Excavations testify to a high standard of artisanship. During spade work several blacksmith shops were uncovered on the first hill. Those shops contained various types of iron weapons—swords. daggers. spear heads. darts. as many as three thousand arrow heads of different types. tenons with three or four sharp edges to be thrown in the streets so as to prevent the enemy cavalry from entering the city.

Metallic objects. home and foreign made, were likewise discovered. Original in form and of appreciable artistic value are the bronze statuettes of eagles mounted on a stepped pedestal. One of them depicts an eagle perched on the head of a deer. They apparently symbolize performances associated with a large cult series of the sun and the moon, heat and life-giving moisture. Curiously, in a similar statuette uncovered in Armenia and now preserved in the Louvre, the eagle has perched on the head of the magnificent figure of a deer.

Those statuettes have something in common with similar sculptures of an earlier period discovered in Anatolia. The local type and peculiar features of our statuettes are evident; they can be traced back to the 3rd—2nd centuries B. C.

The silver figurine of a goat combining the local and Hellenistic features excels in workmanship. A similar figure of a goat has been found out in Valakhia. Our statuette can be dated back to the 3rd—2nd centuries B. C.

Golden ware relating to funeral service has likewise been unearthed in Artashat; such as the golden wreathe from the leaves of platan and olive-tree. One of the tombs contained a golden lip cover and celery leaves, usually applied in funeral service, golden ear-rings, with the head of the fertility Goddess in which the image was synchretized — a phenomenon typical of the Hellenistic period. Similar ear-rings, this time of silver, have been found out in Dura Europos on the Euphrates, in Cyprus and in Nessebr (Bulgaria).

The statuette of amour and the figurine of hyppocampus, both serving as handles of big silver vases, are typical Greek models (probably imported). The bronze figure of the hyppocampus adorns the rim of a low copper bowl, cylindrical in form.

Pottery was practised on a large scale in Artashat. The potters manufactured architectural ceramics-tiles, bricks, earthen pipes for water-mains and chimneys, earthen utensils, as well as large cask-like vessels, pithoi in which wine, beer and vegetable oil were stored. Aside from local traditional forms of ceramic ware new specimens and forms originated characteristic of the Hellenistic world, such as amphoras and amphorisks, spindle-shaped vessels, fish-plates, etc. Those varieties of articles were

introduced into Armenia from the Hellenistic world. A substantial part of the ceramic ware is paint-coated and is elaborately wrought with polishing.

Painted pottery is prominent in the manufacture of ceramic. This is not a new phenomenon, as painted pottery is met with since ancient times in Armenia. But many novel types and designs make their appearance. Small bowls, basins, dishes, oinochoe, flasks, craters, vessels with spouts, pithoi and other goods were painted. The ornamental designs were largely geometrical: concentric horizontal bands of wide and thin straight and wavy lines, hooks, oblique lines on the rims of bowls and dishes; in addition, dotted and other ornamants are also met with. Besides, floral motifs came into being: fir-tree patterns, palmettes, ivy boughs, favourite in antique times, and others.

The surface of the painted pottery is usually overlaid with colourful engobe or with a slip of red and pink hues, elaborated with polishing while the painting is done in dark red, black, brown, bluish and white colours.

The application of painted slip or engobe, polishing and paint brought pottery into prominence as a popular craft, in which traditional means, forms and motifs were coupled with new designs characteristic of Greece or the ancient world as a whole.

The manufacture of glazed ceramics with the application of blue, turquoise, green, grayish, silvery glaze gets also underway in Armenia during the Hellenistic epoch. Locally made glazed ceramics—amphoras, cups, plates, flasks reproduce the forms and the ornamental technique of glazed goods brought from Syria and Hellenistic or Parthian Mesopotamia.

The manufacture of terra-cotta statuettes was another novel phenomenon of ancient Armenia. True, in Armenia clay statuettes of the archaic pattern date back as early as the third millenium, however, terra-cotta statuettes discovered in Artashat are wholly associated with ancient coroplastic.

They were made locally, from local clay, but at the same time they are clearly divided into two groups, reflecting correspondingly the western and eastern trends. The statuettes of the first group reflect mainly the western types, occurring in profusion in the Greco-Roman world. Such are, for instance, the statuettes of Silenus, Aphrodite, undressing before bathing, women playing the cithara etc. On the other hand, the statuettes of the second group excel in local originality, while some of them have their parallels in Terra-cotta statuettes in the countries of the Hellenistic East, specially in Mesopotamia—Seleucia on the Tigris.

The statuettes depicting mother and child, though of extensive occurrence, are the more typical patterns. This was, for instance, the

presentation of Artemis, Aphrodite, Cybele and Anahit. The Artashat statuettes of the nursing mother depict with unquestioned certainty Anahit, that was the most respected goddess in Media and Persia, but Strabo tells that „the cult of Anahit supercedes all the others with the Armenians..." As the father of Armenian historiography Movses Khorenatsi attests, the bronzecast gilded statue of Anahit brought from Asia Minor stood in the temple of Artashat.

The fifth century Armenian sources call Anahit „the great lady", „the glory and wet-nurse of our people", „the mother of wisdom, benefactress of all men", „the donor of life and protector of our land Armenia".

The golden statue of Anahit stood in the main temple in the locality of Yerez, on the bank of the Euphrates in the province of Ekiesene. This is possibly the reason why it was called „goldbearing" or „golden pro-mother". Anahit was also the protector of Artashat — the capital of ancient Armenia.

Peculiar is also the statuette depicting horsemen, women playing cithara and others.

The list of crafts developed in ancient times included glass making. It is commonly known that in former days glassware was manufactured by rolling and stamping; however, the invention of blowing, on the borderline of the old and new chronicles, brought about a technical revolution in glass-making. The glassware was manufactured both by free blowing and inflation in forms that resulted in the subtly patterned, at times profusely adorned, colourful articles.

During the excavation of Artashat pieces of glass flasks and phials wrought by old technique in the 2nd and 1st centuries B. C. were discovered, along with fragments and unbroken flasks manufactured by free blowing and inflation in froms. The glass of Artashat as well as the specimens unearthed in Garni, Vagharshapat and other areas of ancient Armenia, had been in the main imported. They were brought over from Syria, partly from Alexandria, probably via Syria, Mesopotamia and Asia Minor. However, glassware was made in Armenia in the Hellenistic period as well as during the first centuries of our era. It should be noted that the local production reproduced the basic types and forms of imported glassware along with their ornaments. Thus the glassware of ancient Armenia forms an essential part of ancient glass and its local features are hard to discern.

The excavations of Artashat enabled us to establish the fact that the manufacture of blown glass appeared in Armenia not earlier than the second half of the first century A. D.

Coins minted by Armenian kings and sovereigns of other countries have likewise been uncovered in Artashat. Of great consequence is the

8. Терракотовые статуэтки.
Terra-cotta statuettes.

discovery of the hoard of money of Tigrane II the Great consisting of 28 silver coins. Observations reveal that there have been about ten stamps for mintage which shows that the coin was issued in considerable quantities. It was issued in three cities — Artashat, Tigranakert and Antioch. Actually the mintage of coins in Antioch started after the conquest of the Seleucid capital by Tigranes II in 83. B C.

Copper coins minted in Artashat during the reigns of Tigrane II and Artavazdes II have also been discovered. Later on, in 183 A. D. a city coin was issued in Artashat in recognition of urban administration and self-government, typical of Hellenistic cities.

The coins of other cities and the imported objects found out in Artashat, are of major importance in studying the commercial-economic and cultural relations of Armenia with the ancient world.

Suffice it to mention that the coins of eight countries have been found out in Artashat — Seleucia, Parthia, Cappadocia, Rome, Athens, Pontus, Petra and Phenicia.

In addition to sculptures, metalworks, a plate of lapis lazuli with Aramaic inscription, stone alabasters, various types of ceramic- and glassware were also imported to Armenia from Asia Minor, Syria, Mesopotamia, Iran, Egypt, Greece and Rome. Like Nisibin and Calinicum Artashat also was an officially acknowledged center of transit trade of the Near East. All of this testifies to fairly close and extensive economic and cultural contacts of Armenia with the countries of the ancient world.

The unearthed finds of Artashat and other areas provide good reason to conclude that the material production and culture of ancient Armenia had attained rather a high standard of development. An all-round intense development of the culture of ancient Armenia was based on the further organic evolution of old traditional culture, oriental in form; it was also grounded on the second, western main trend that originated during the Hellenistic period and led to an enrichment and radical changes in the form and nature of the country's culture.

It should be pointed out that the intense economic and cultural bonds of the country were in large measure due to the existence of rather a powerful Armenian statehood and the close contact of Armenia with the countries of the ancient world.

Armenia had become a constituent part of the eastern Hellenistic—ancient world economically, as well as culturally and politically.

СПИСОК ТАБЛИЦ

I. Монастырь Хор-вирап, возведенный в XVII в. на одном из холмов цитадели древнего Арташата.
II. Хорвирапские холмы с отражением вершин Арарата в зеркале воды, накопленно в древнем защитном рву у холмов.
III. Надгробие римского воина легнона Италпков.
IV. Латинская надпись Траяна, перечисляющая титулатуру императора и сообщающая о возведении какого-то строения IV Скифским легионом.
V. Фрагмент крепостной стены города из крупных блоков.
VI. Остатки крепостных стен на 1-ом и 5-ом холмах.
VII. Укрепление фундаментов крепостной стены мелким булыжником.
VIII. Раскопки на 1-м холме.
IX. Открытые раскопками руины зданий на 1-м холме.
X. План двух мастерских кузнецов-оружейников на 1-м холме.
XI. План строений, открытых раскопками на 1-м холме. Жирными и светлыми линиями показаны два строительных периода. (Обмеры А. Г. Канецян).
XII. Руины строений, открытых раскопками на 8-м холме.
XIII. Остатки бани, открытой на 8-м холме.
XIV. Четырехгранная стойка гипокауста банн, обожепная глина.
XV. Остатки цистерны на 8-м холме.
XVI. Остатки жилищ, открытых на 8-м холме.
XVII. Общий вид раскопанного участка на 8-м холме.
XVIII. План строений, открытых на 8-м холме. (Обмеры А. Г. Канецян).
XIX. План внутреннего укрепленного коммуникационного узла, открытого на 4-м холме. (Обмеры А. Г. Канецян).
XX. Базы от колонн из известняка.
XXI. Базы и фуст колонны из известняка.
XXII. Профилированный камень, стилобата (?) от монументального здания.
XXIII. Камни от карнизов зданий.
XXIV. Карнизы из известкового раствора.
XXV. Черепица (солен).
XXVI. Черепицы (калиптеры).
XXVII. Гончарные трубы для водопровода.
XXVIII. Ядра для катапульта.
XXIX. Железный нож, четырехконечный шип, фрагмент колчана, наконечники стрел.
XXX. Железные наконечники стрел, обнаруженные па 1-м холме.
XXXI. Железные наконечники копий и дротиков, обнаруженные на 1-м холме.
XXXII. Железные кинжалы.

XXXIII. Железный кинжал.
XXXIV. Верхние камни зернотерок, приводимые в движение с помощью рычага.
XXXV. Верхний камень зернотерки с выемом для рычага и жернова.
XXXVI. Жернова.
XXXVII. Каменная ступка больших размеров из базальта.
XXXVIII. Каменные ступки, малых размеров из базальта и гранодиорита.
XXXIX. Чаша и ваза из камня.
XL. Ваза каменная.
XLI. Тарелка из лазурита с арамейской надписью.
XLII. Мраморные сосуды, типа алабастр, импортные.
XLIII. Часть бронзового браслета с головой дракона и бронзовый сосуд с фигурой гиппокампа (морского конька) на борту.
XLIV. Бронзовая статуэтка орла, сидящая на голове оленя.
XLV. Серебряная статуэтка козла.
XLVI. Серебряная статуэтка амура.
XLVII. Серебряная ручка от сосуда, в виде гиппокампа (морского конька).
XLVIII. Золотые серьги, листья сельдерея и нагубник, из погребения.
XLIX. Гончарный круг.
L. Глиняные кувшины, традиционно местного типа.
LI. Ойнохоя и миска.
LII. Глиняные сосуды.
LIII. Рыбная тарелка и верхняя часть большого сосуда.
LIV. Краснолощеные тарелки.
LV. Миска и тарелка.
LVI. Амфориск и ручка амфоры с клеймом, импортные.
LVII. Чаша и миска.
LVIII. Фляга и амфора, поливные, импортные.
LIX. План гончарной мастерской и разрез обжигательной печи.
LX Печь для обжига керамики.
LXI. Глиняный саркофаг.
LXII. Мраморная статуя—«Афродита Арташатская», позднеэллинистического времени (конец II—начало I вв. до н. э.).
LXIII. Та же статуя с тыловой стороны и фрагмент другой мраморной статуи.
LXIV. Терракотовые статуэтки матери с ребенком.
LXV. Терракотовые статуэтки женщин, играющих на кифаре и на лютне.
LXVI. Терракотовые статуэтки—Афродита перед купанием.
LXVII. Терракотовые статуэтки всадников.
LXVIII. Голова барана и всадник.
LXIX. Терракотовые статуэтки всадников характерного для Арташата типа.
LXX. Терракотовые статуэтки воинов.
LXXI. Терракотовая статуэтка женщины, играющей на кифаре и Силена.
LXXII. Голова женщины и маска.
LXXIII. Стеклянные сосуды цилиндрической формы.
LXXIV. Стеклянные сосуды местного производства.
LXXV. Стеклянные сосуды, импортные.
LXXVI. Серебряные монеты, часть клада монет Тиграна II, найденного в Арташате.
LXXVII. Портреты Тиграна II на монетах, найденных в Арташате.
LXXVIII. Городская монета 183 г. н. э. с греческой надписью—Артаксата—столица.

5—1116

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ТАБЛИЦ

1. Фрагменты стенной росписи: а) верхняя часть (карниз);
б) другие фрагменты.
2а. Фрагменты стенной росписи.
б. Тарелка из лазурита.
3а. Золотые серьги с женской головкой.
б. Золотые листочки от венца.
4а. Расписная чаша и тарелки.
б. Рыбная тарелка, расписная.
5а,б. Фрагменты расписных сосудов.
6а,б. Орнаментальные мотивы расписных сосудов.
7а. Мраморная статуя.
б. Фрагменты поливной керамики.
8. Терракотовые статуэтки.

LIST OF PLATES

I. Khor-Virap monastery erected in the 17th century on a hill of the citadel of ancient Artashat.
II. Khor-Virap hills with the summits of Mount Ararat reflecting in the moat dug out about the hills.
III. Tombstone of a Roman soldier of the Italic legion.
IV. Latin inscription of Trajanus enlisting the titulature of the emperor and telling of the erection of a certain structure by the IV Scythian legion.
V. Fragment of the city fortress wall made up of large blocks.
VI. Remains of fortress walls on the first and fifth hills.
VII. Consolidating the foundation of fortress walls with small cobblestons
VIII. Diggings on the first hill.
IX. Excavated ruins of buildings on the first hill.
X. Scheme of two gunsmith shops on the first hill.
XI. Scheme of structures uncovered on the first hill. Boldface and lightface lines show two construction periods on the hill.
XII. Ruins of structures unearthed on the eighth hill.
XIII. Remains of a bath excavated on the eighth hill.
XIV. Tetrahedral upright of hypocaust; baked clay.
XV. Remains of a tank on the eighth hill.
XVI. Remains of buildings dug out on the eighth hill.
XVII. General view of the excavated site on the eighth hill.

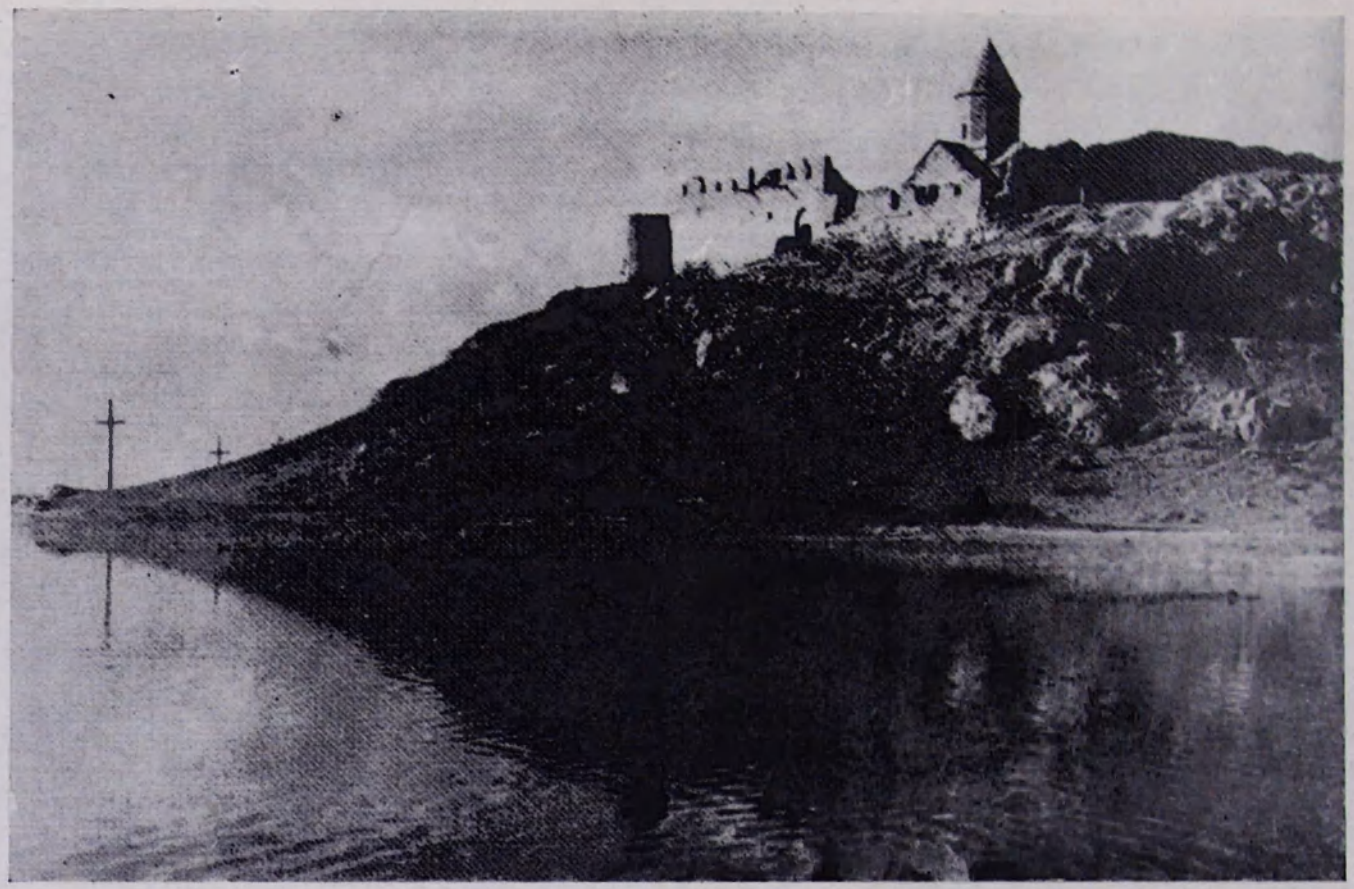
XVIII. Scheme of structures unearthed on the eighth hill.
XIX. Scheme of internally fortified communication hub discovered on the fourth hill.
XX. Pillar bases: limestone.
XXI. Bases and fust of pillar; limestone.
XXII. Profiled stone from a monumental building.
XXIII. Stones from cornices of buildings.
XXIV. Cornices made of mortar
XXV. Tile (*σωτηρ*) flat.
XXVI. Tile (*καλυπτηρ*) gutter.
XXVII. Ceramic water-pipes.
XXVIII. Catapult balls.
XXIX. A knife, four-tipped tenon, fragment of quiver and arrow-heads.
XXX. Iron arrow-heads discovered on the first hill.
XXXI. Iron heads of spears and darts, discovered on the first hill.
XXXII. Iron daggers.
XXXIII. Iron dagger.
XXXIV. Upper quern stones brought into motion by means of a handle.
XXXV. Upper quern stone with hollow for the handle and the millstones.
XXXVI. Millstones.
XXXVII. Stone mortar.
XXXVIII. Stone mortars.
XXXIX. Bowl and vase of stone.
XL. Stone vases.
XLI. Plate of lapis lazuli with Aramaic inscription.
XLII. Alabaster type marble vessels; imported.
XLIII. Fragment of a bronze bracelet with the head of a draggon, and a bronze vessel with the figure of hyppocampus on the side.
XLIV. Bronze statuette of an eagle perched on the head of a deer.
XLV. Silver statuette of a goat.
XLVI. Silver statuette of amour.
XLVII. Silver handle of a vessel in the form of hyppocampus.
XLVIII. Golden rings, celery leaves and lip cover from a grave.
XLIX. Potter's wheel.
L. Earthen pitchers in the traditional local style..
LI. Oinochoe and basin.
LII. Ceramic vessels.
LIII. Fish plate and large vessel.
LIV. Red polished plates.
LV. Basin and plate.
LVI. Amphorisk and handle of an amphora with a stamp; imported
LVII. Cup and basin.
LVIII. Flask and glazed amphora; imported.
LIX. Cross-section of a ceramic oven and scheme of a pottery shop.
LX. Ceramic oven.
LXI. Ceramic sarcophagus.
LXII. Marble statue of „Aphrodite of Artashat"; late Hellenistic period (end of the second and beggining of the first cc. B. C.).
LXIII. The same statue from the back and fragments of another marble statue.
LXIV. Terra-cotta statuettes of mother and child.
LXV. Terra-cotta statuettes of women playing the cithara and the lute.

LXVI. Terra-cotta statuettes—Aphrodite before bathing.
LXVII. Terra-cotta statuettes of horsemen.
LXVIII. Head of a ram and a horseman.
LXIX. Terra-cotta statuettes of horsemen of a type characteristic of Artashat.
LXX. Terra-cotta statuettes of soldiers.
LXXI. Terra-cotta statue of a woman playing the citbara and Silenus.
LXXII. Head of a woman and mask
LXXIII. Glass flasks. cylindrical in shape.
LXXIV. Glass flasks.
LXXV. Glass flasks, imported.
LXXVI. Silver coins; part of Tigranes II s hoard of money uncovered in Artashat.
LXXVII. Portrait of Tigranes II on coins found in Artashat.
LXXVIII. City coin of 183 A. D. with the greek inscription Artaxata — the capital.

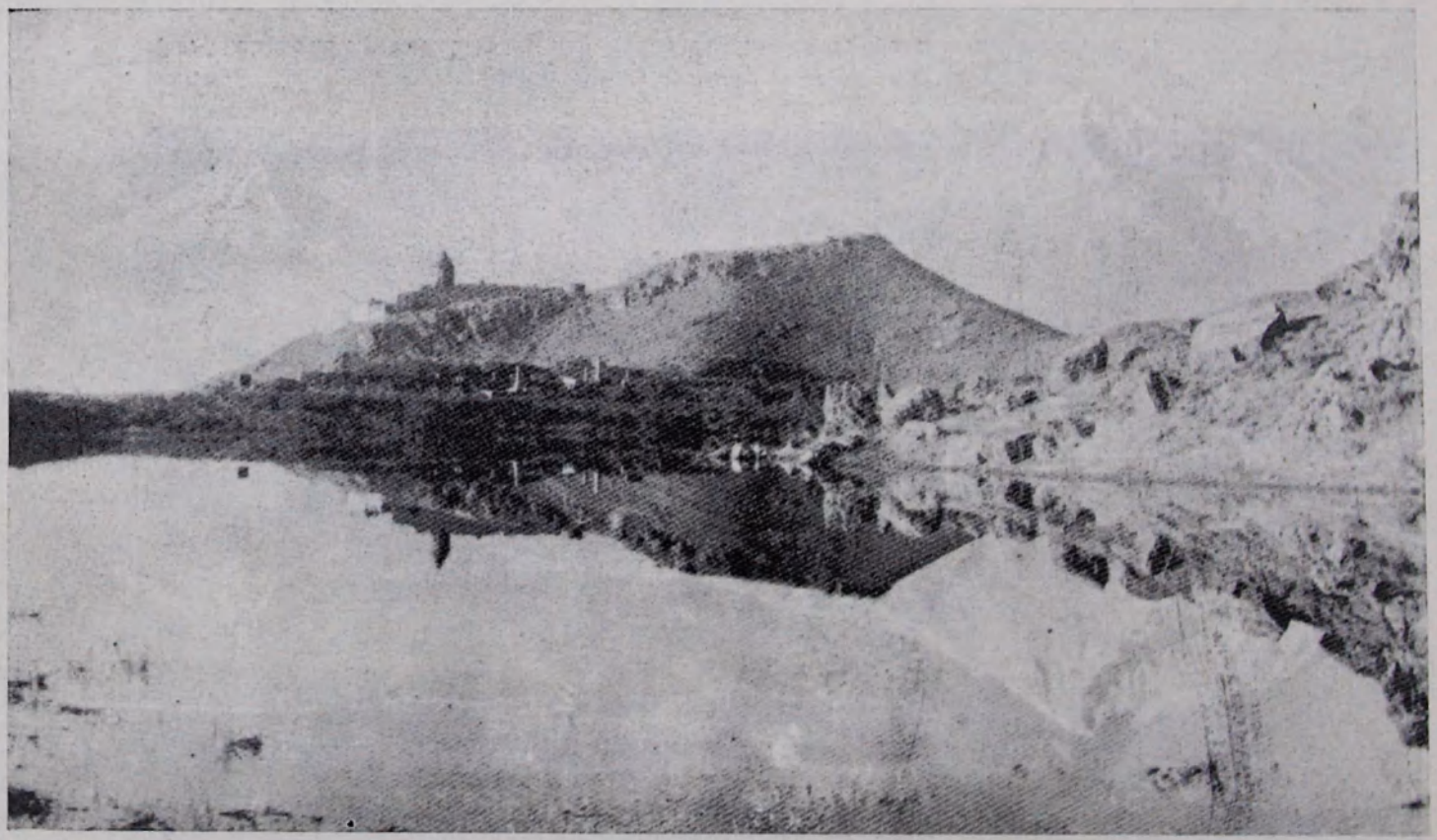
LIST OF COLOUR PLATES

1. Fragments of wall painting: a) upper part, b) other fragments.
2a. Fragments of wall painting.
b. Plate from lapis lazuli.
3a. Golden rings with female head.
b. Golden leaves from a wreathe.
4a. Painted bowl and plates.
b. Painted fish plate.
5a. b. Fragments of painted pottery.
6a. b. Ornamental motifs of painted pottery.
7a. Marble Statue—„Aphrodite of Areashat" 57 cm. high.
b. Fragments of glazed pottery.
8. Terra-cotta statuettes.

ТАБЛИЦЫ
PLATES

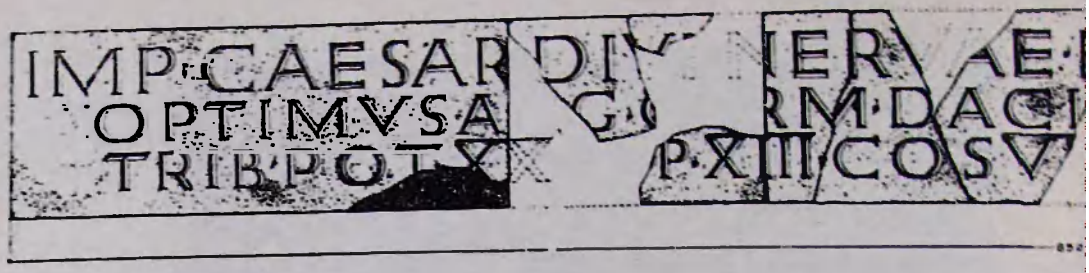


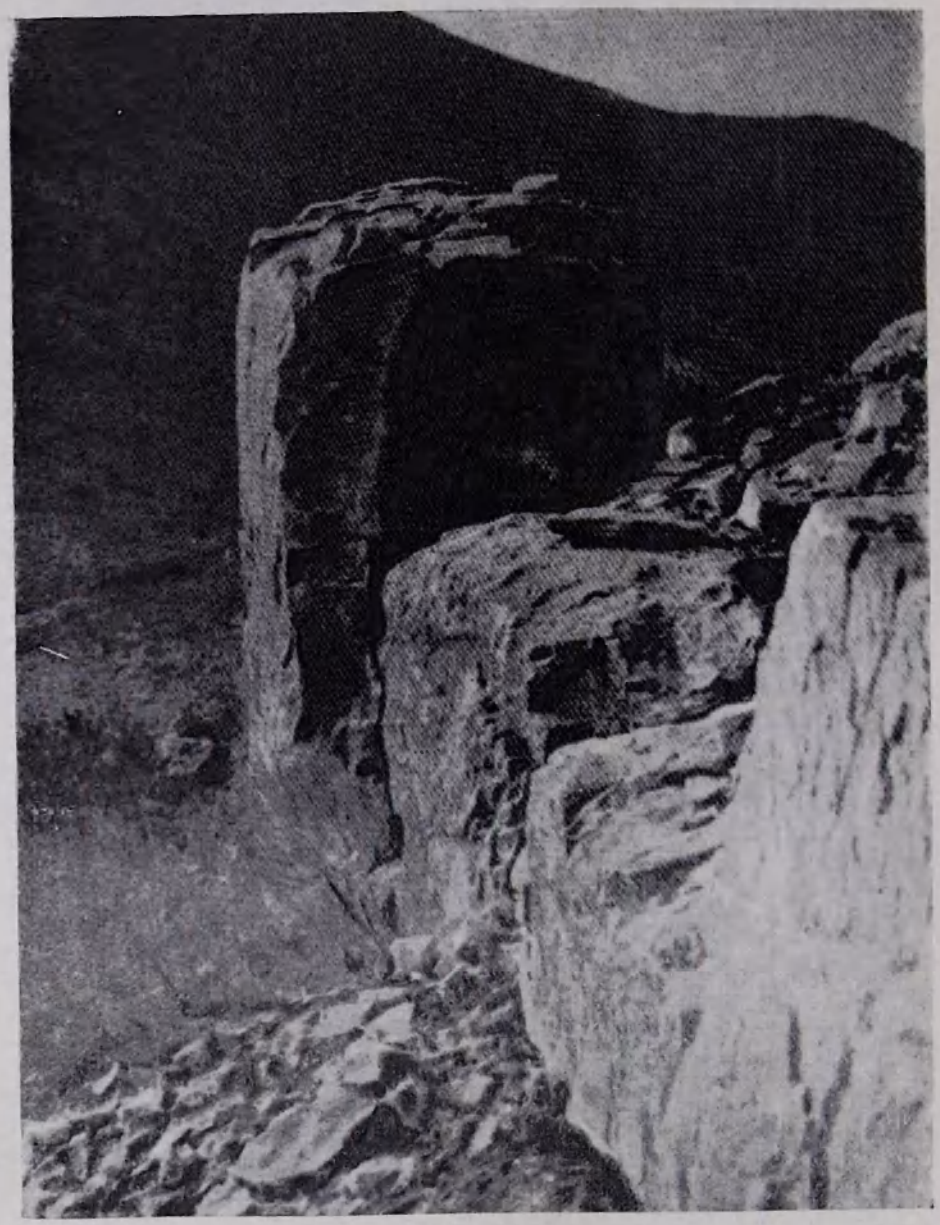
I. Монастырь Хор-вирап, возыеденный в XVII в. на одном из холмов цитадели древнего Арташата.
Khor-Virab monastery erected in the 17th century on a hill of the citadel of ancient Artashat.



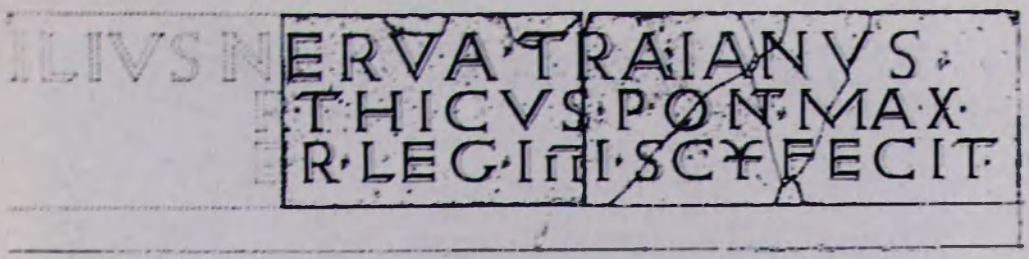
II. Хорвирапские холмы с отражением вершин Арарата в зеркале воды, накопленной в древнем защитном рву у холмов.
Khor-Virab hills with the summits ot Mount Ararat reflecting m the moat dug out abut the hills.

III. Надгробие римского воина легиона Италиков.
Tombstone of a Roman soldier of the Italic legion.



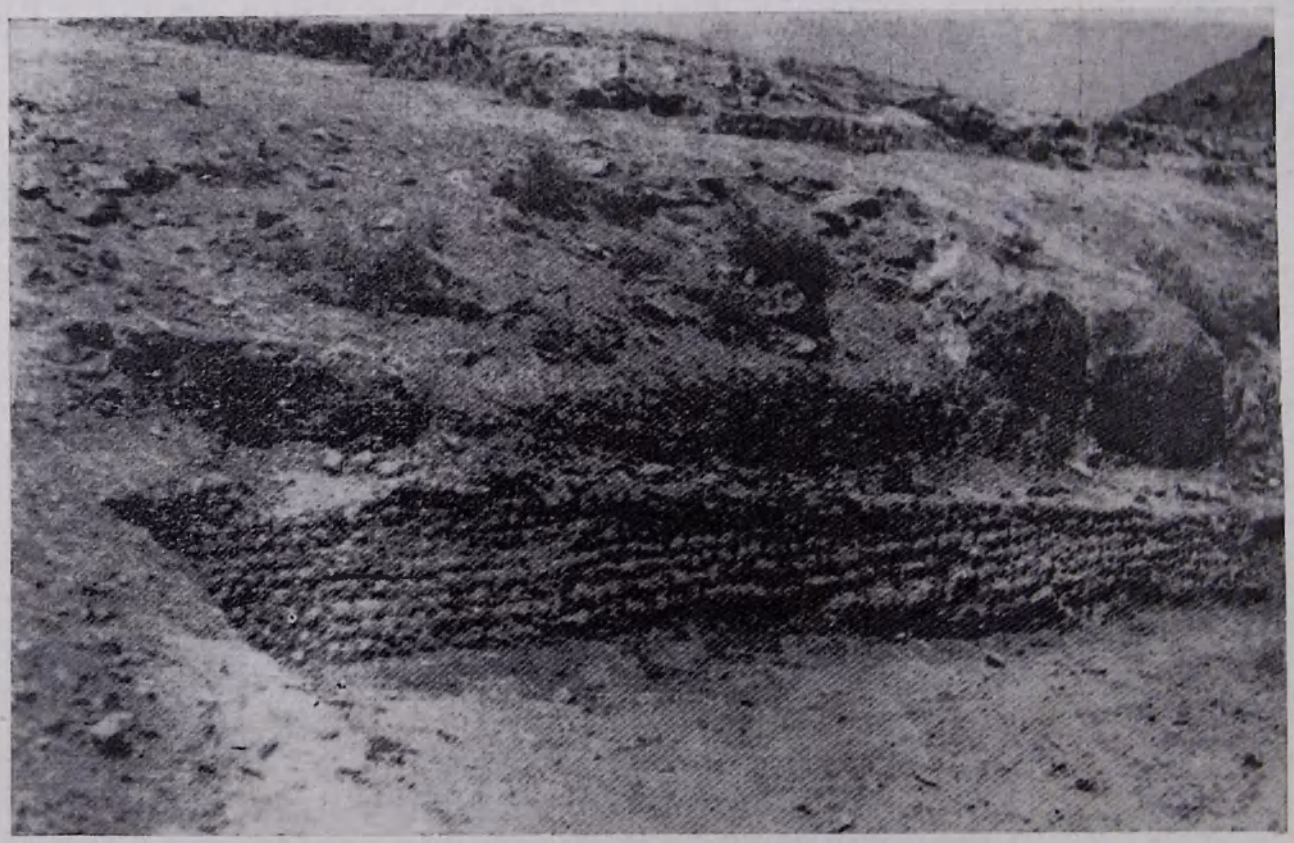


V. Фрагмент крепостной стены города из крупных блоков.
Fragment of the city fortress wall made up of large blocks.



IV. Латинская надпись Траяна, перечисляющая титулатуру императора и сообщающая о возведении какого-то строения IV Скифским легионом.
Latin inscription of Trajanus enlisting the titulature of the emperor and telling of the erection of a certain structure by the Scythian legion.

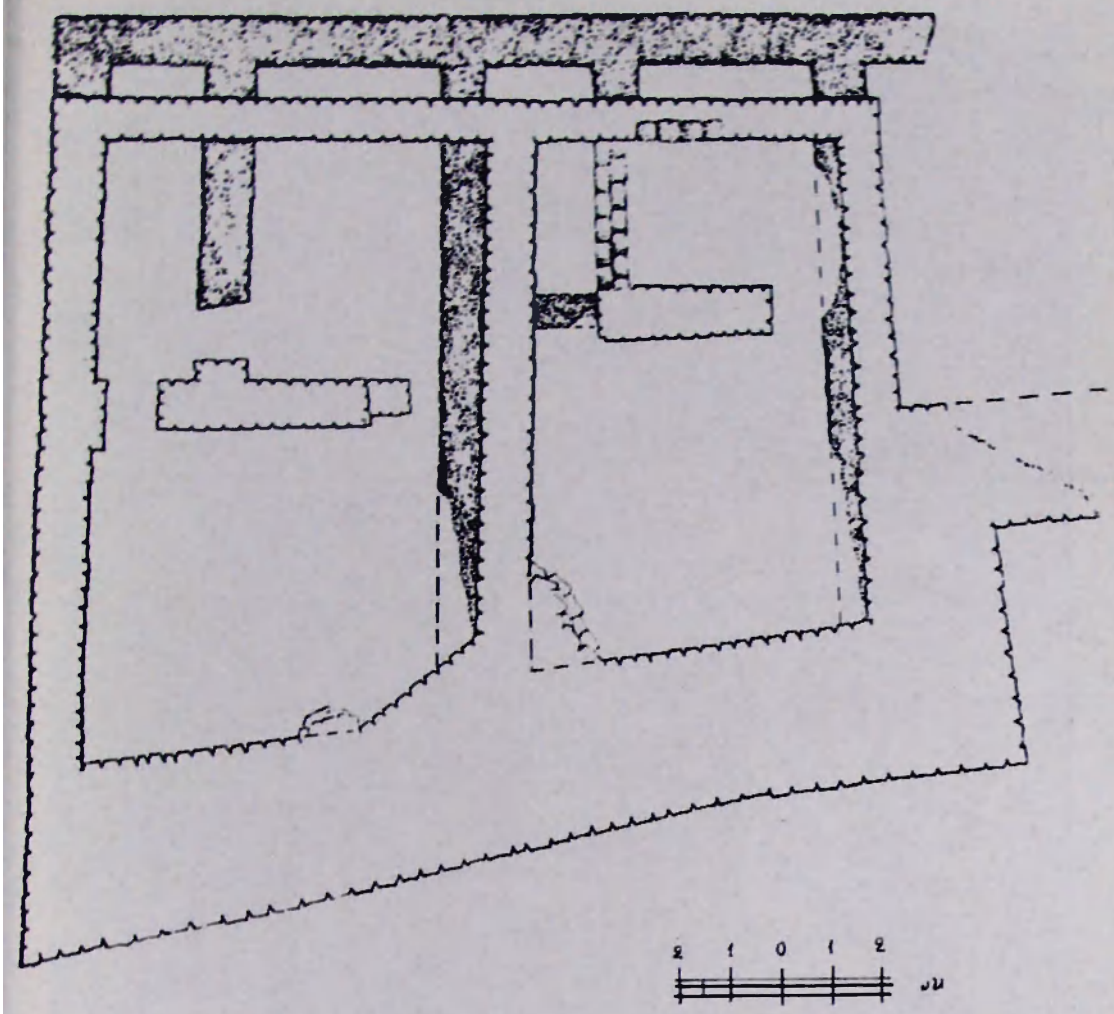
VI. Остатки крепостных стен на 1-м и 5-м холмах.
Remains of fortress walls on the first and fifth hills.



VII. Укрепление фундаментов крепостной стены мелким булыжником.
Consolidating the foundation of fortress walls with small cobblestons.

VIII. Раскопки на 1-м холме.
Diggings on the first hill.

IX. Открытые раскопками руины на 1-м холме.
Excavated ruins of buildings on the first hill.

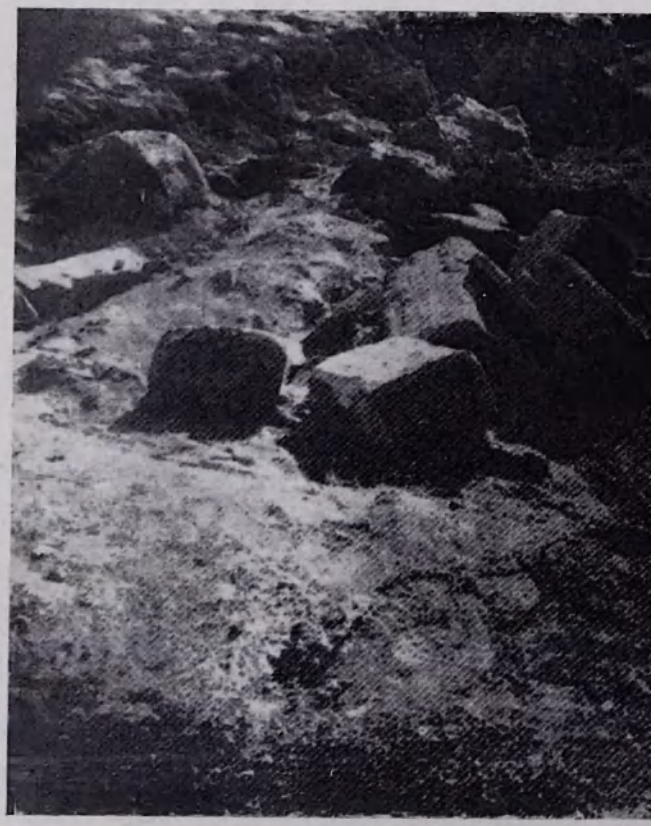


X. План двух мастерских кузнецов-оружейников на I-м холме.
Scheme ot two gunsmith shops on the first hill.

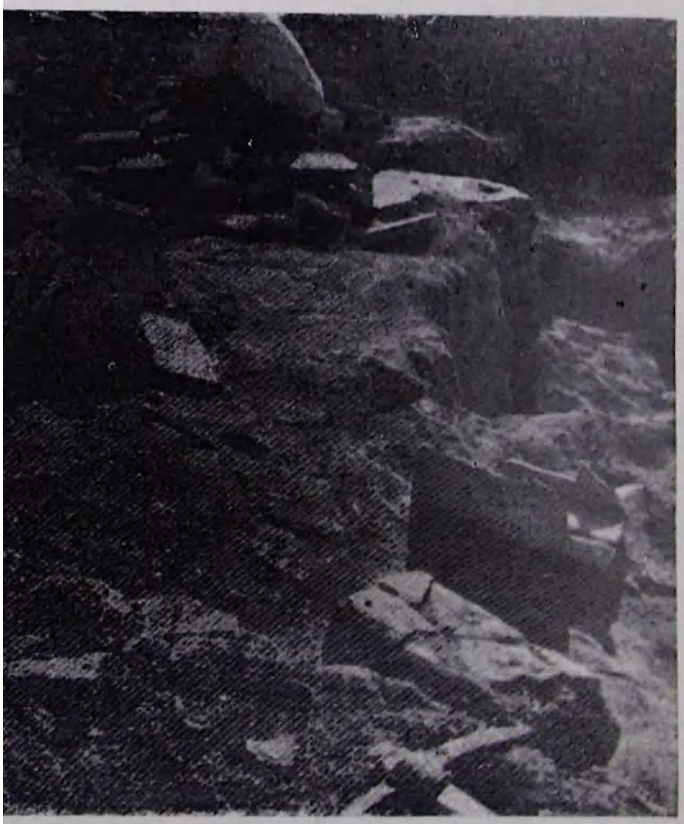
XI. План строений, открытых раскопками на 1-м холме. Жирными и светлыми линиями показаны два строительных периода. (Обмеры А. Г. Кацецян).

Scheme of structures uncovered on the first hill. Boldface and lightface lines show two construction periods on the hill.

XII. Руины строений, открытых раскопками на 8-м холме.
Ruins of structures unearthed on the eighth hill.



XIII. Остатки бани, открытой на 8-м холме.
Romains of a bath excavated on the eighth hill.

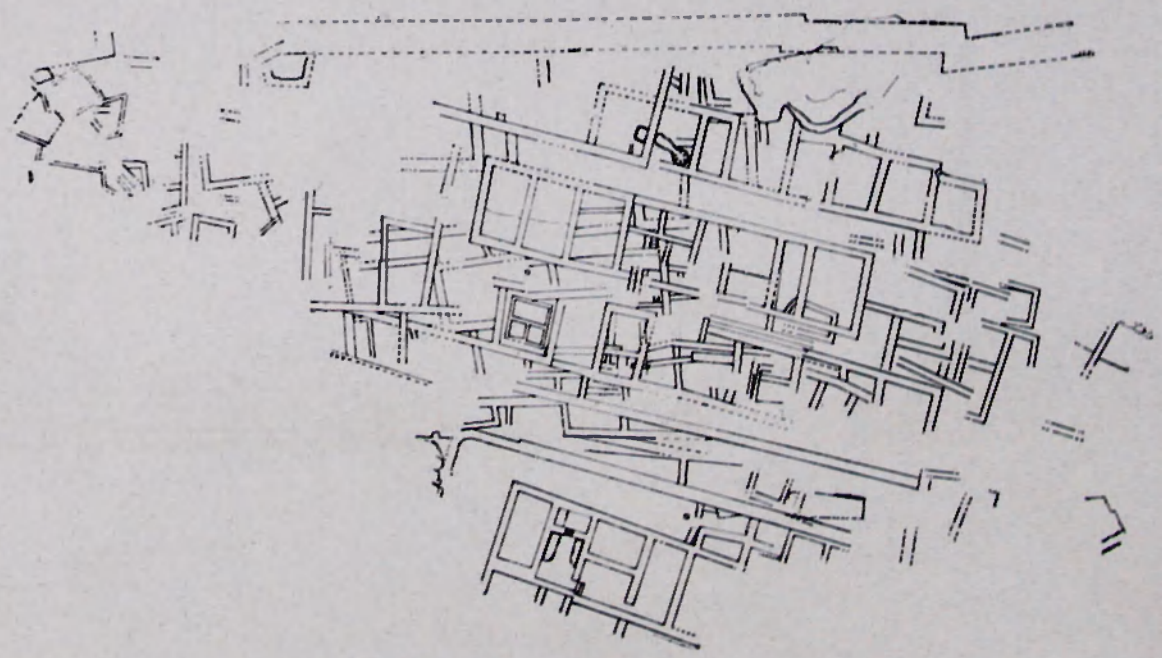


XIV Четырехгранная стойка гипокауста бани, обожженная глина.
Tetrahedral upright of hypocaust; baked clay.

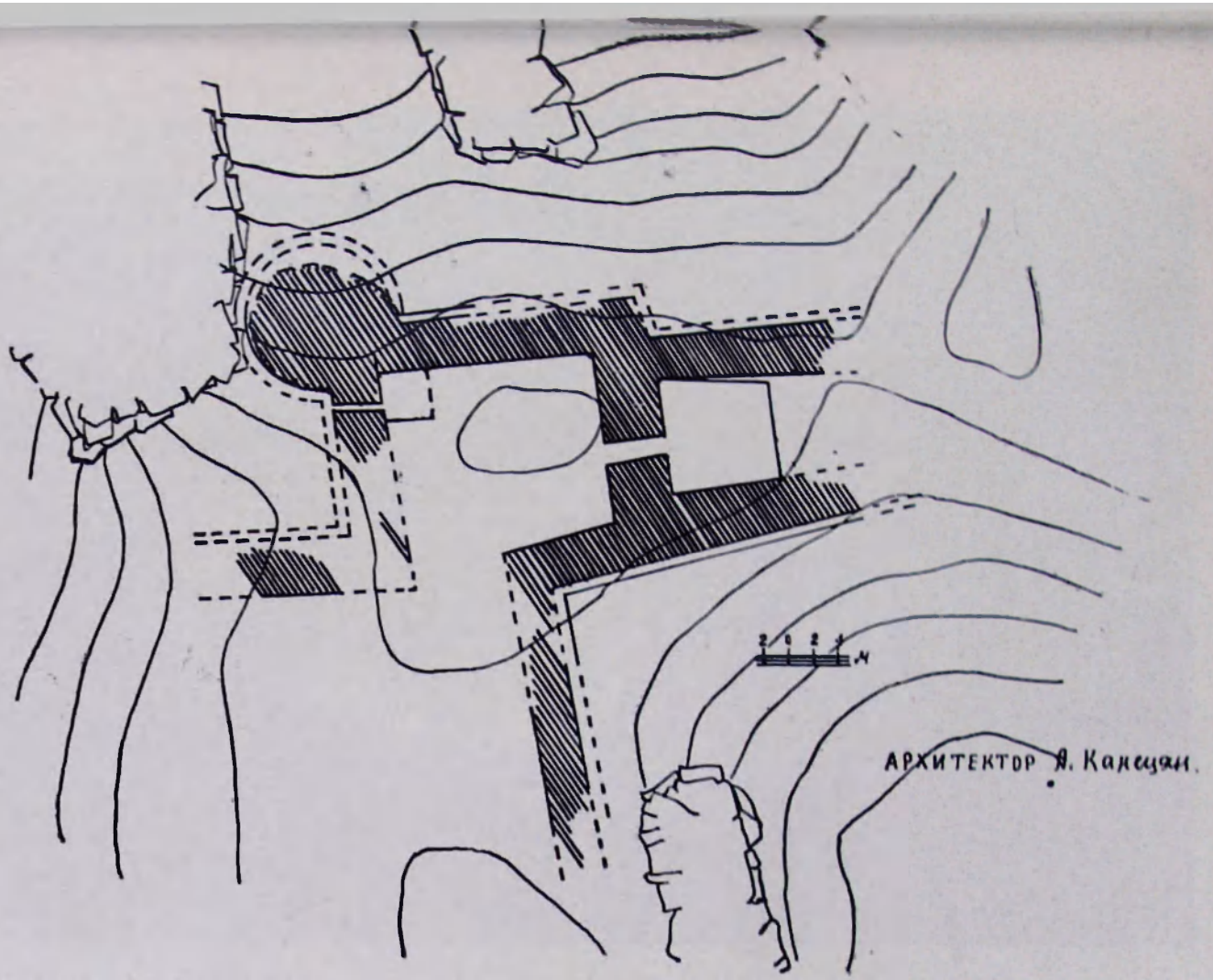
XV. Остатки цистерны на 8-м холме.
Remains of a tank on the eighth hill.

XVI. Остатки жилищ, открытых на 8-м холме.
Remains of buildings dug out on the eighth hill.

XVII. Общий вид раскопанного участка на 8-м холме.
General view of the excavated site on the eighth hill.



XVIII. План строений открытых на 8-м холме. (Обмеры А. Г. Канецян).
Scheme of structures unearthed on the eighth hill.



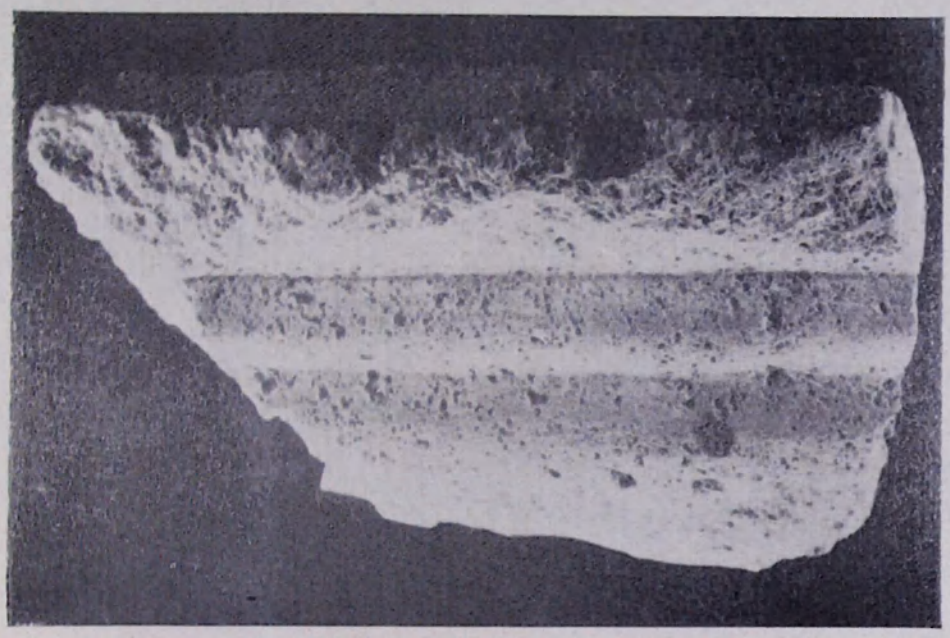
XIX. План внутреннего укрепленного коммуникационного узла, открытого на 4-м холме. (Обмеры А. Г. Канецян).
Scheme of internally fortified communication hub discovered on the fourth hill.

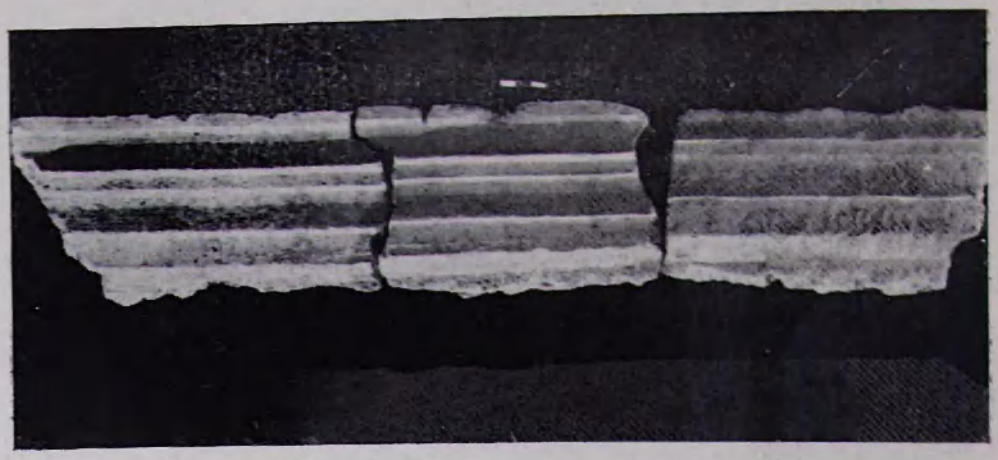
XX. Базы от колони из известняка.
Pillar bases; limestone.

XXI Базы и фуст колонны из известняка.
Bases and fust of pillar; limestone.

XXII. Профилированный камень, стилобата (?) от монументального здания.
Profiled stone from a monumental building.

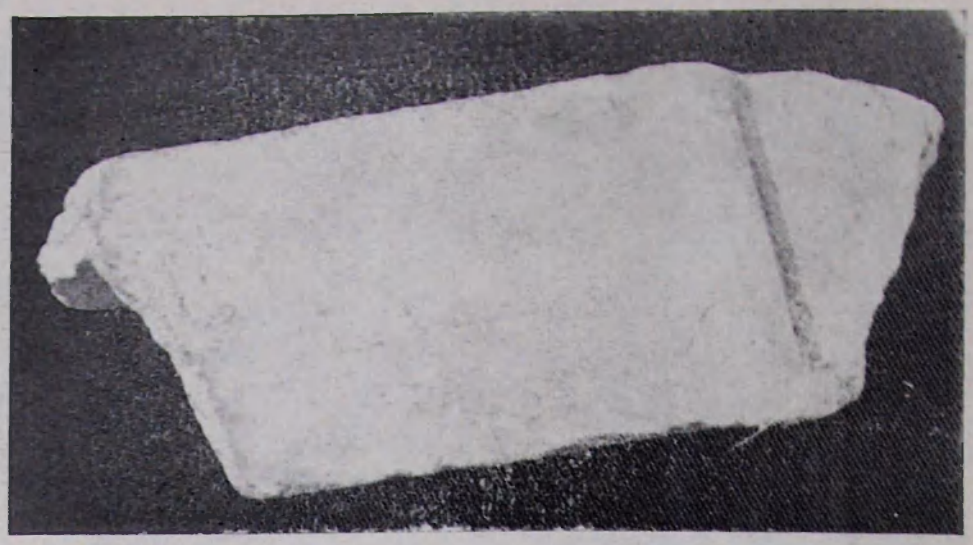
XXIII. Камни от карнизов зданий
Stones from cornices of buildings.



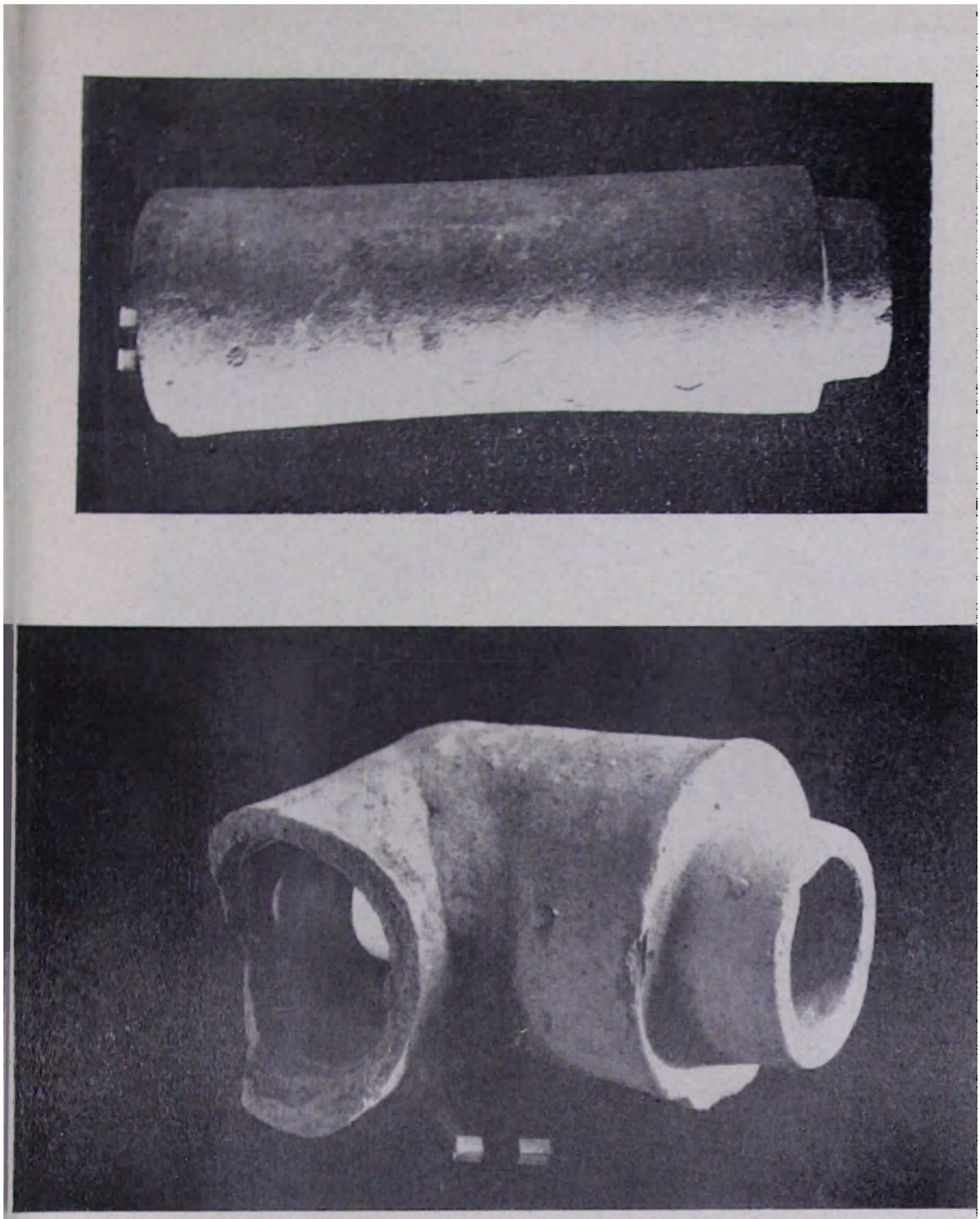


XXIV. Карнизы из известкового раствора.
Cornices made of mortar.

XXV. Черепица (солен).
Tile (σωλήν) flat.

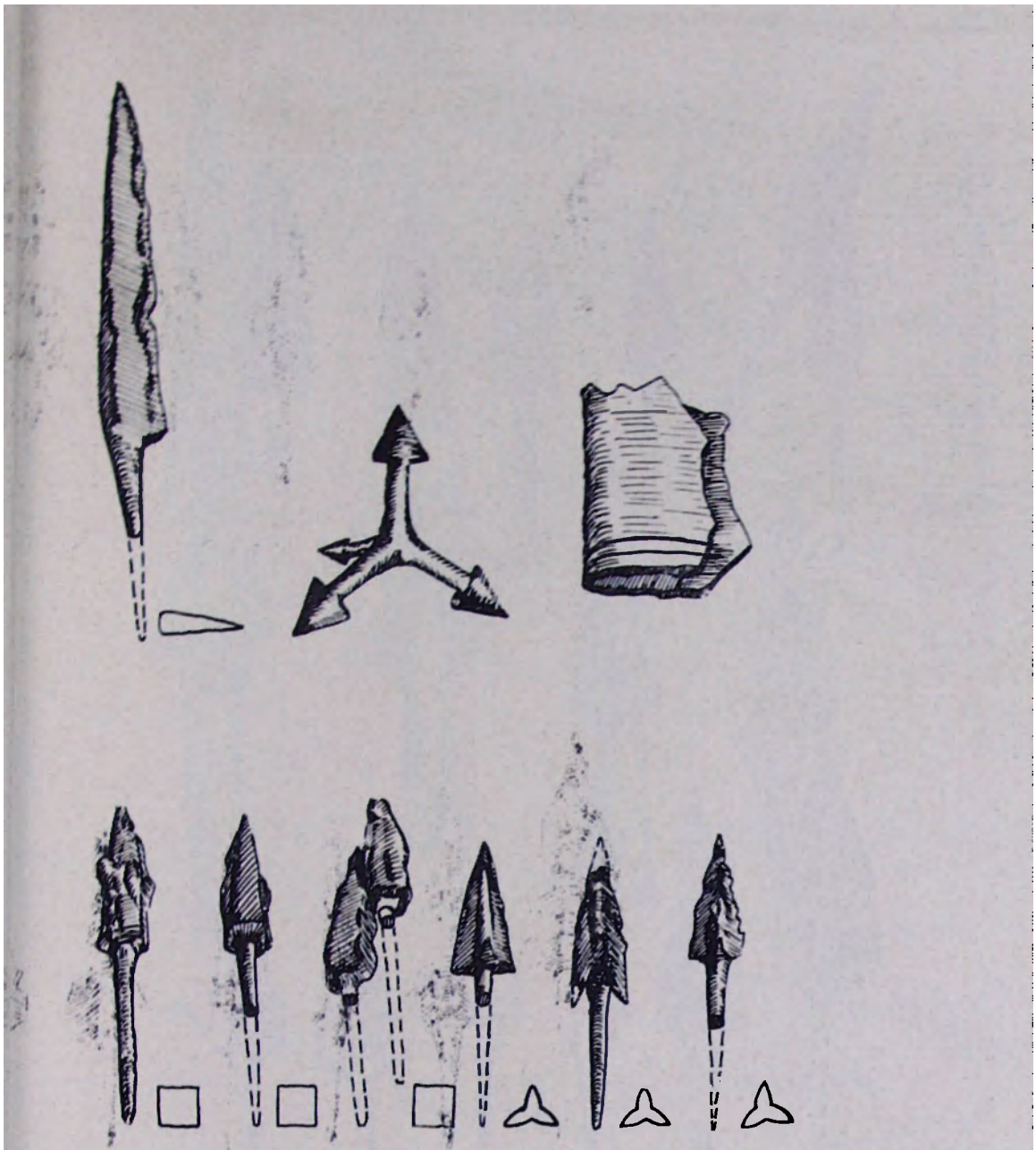


XXVI. Черепицы (калиптеры).
Tile (καλυπτήρ) gutter.

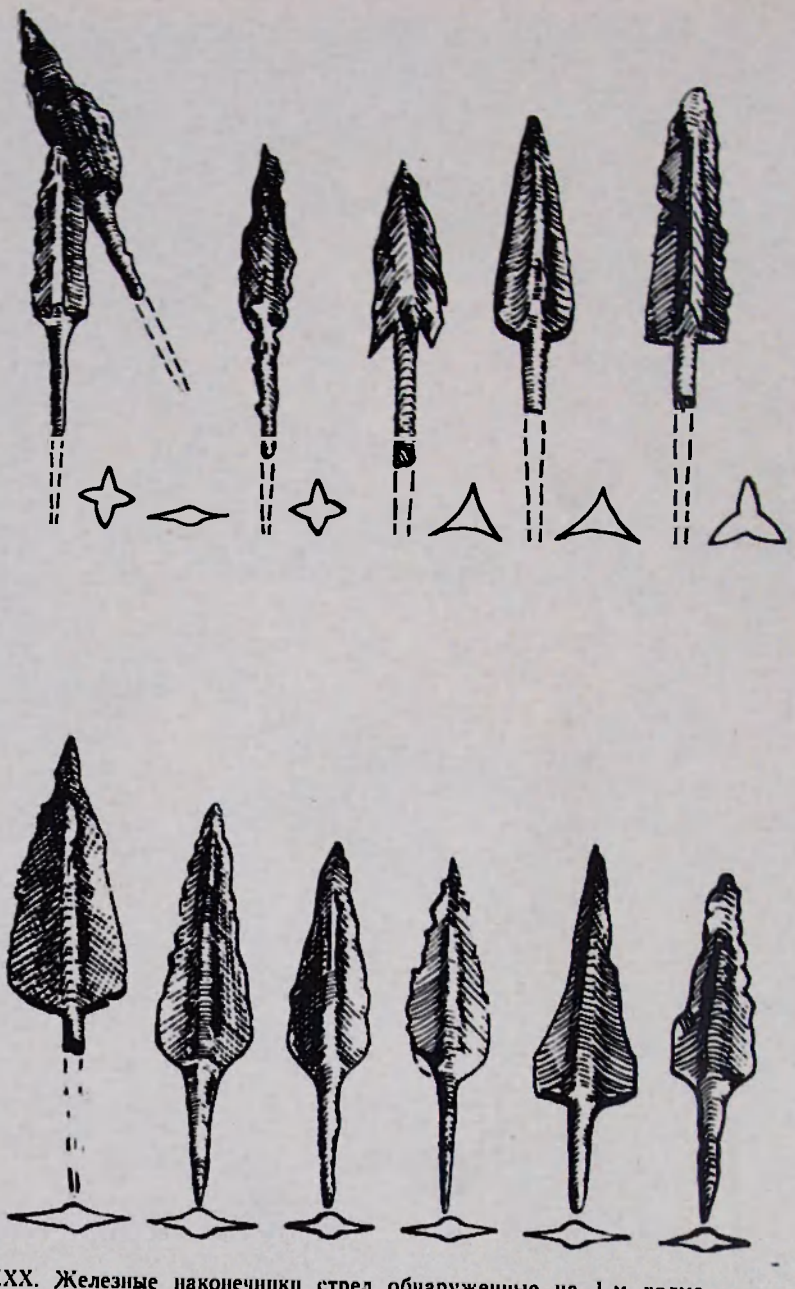


XXVII. Гончарные трубы для водопровода.
Ceramic water-pipes.

XXVIII. Ядра для катапульта.
Catapult balls.

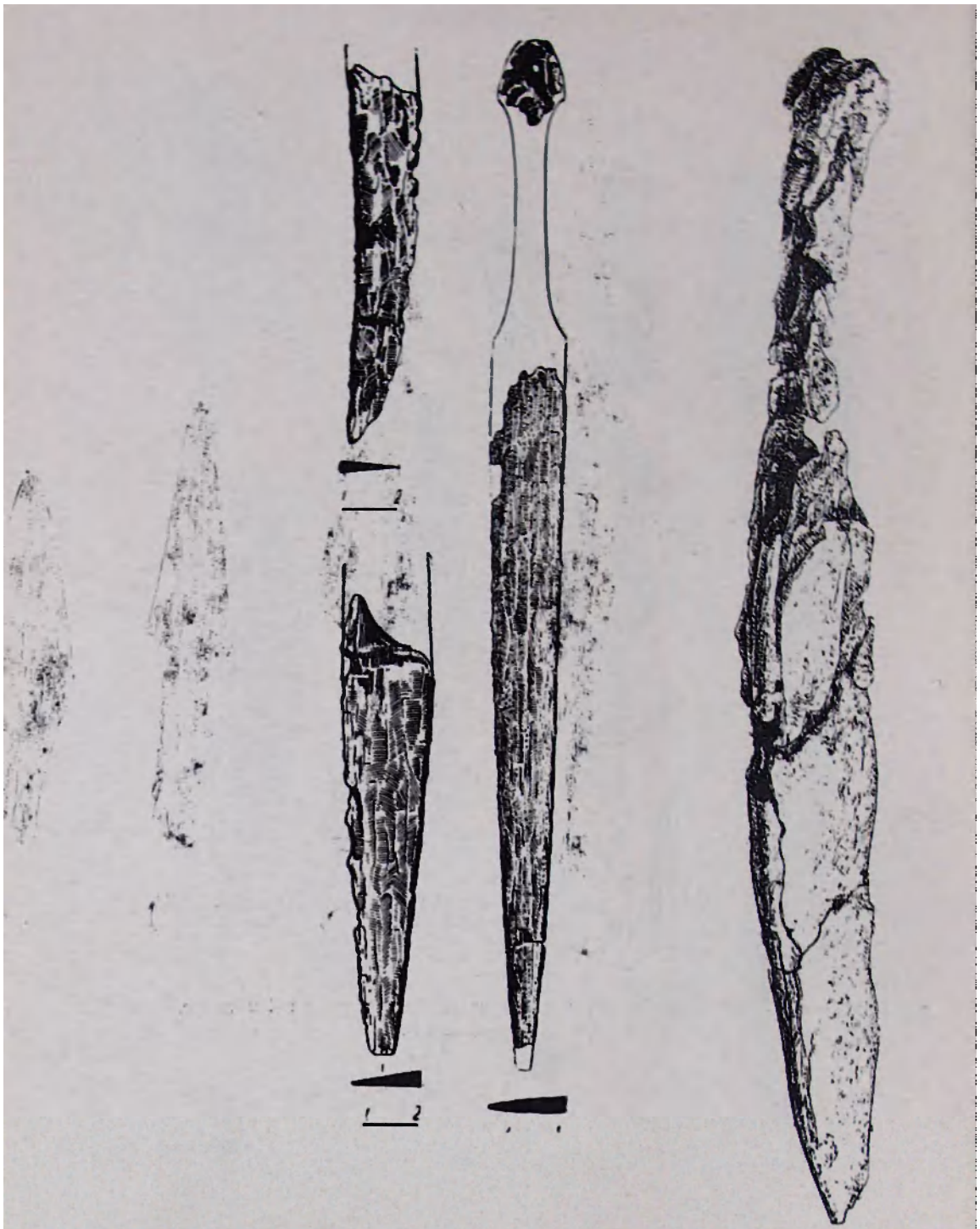


XXIX. Железный нож, четырехконечный шип, фрагмент колчана, наконечники стрел.
A knife, four-tipped tenon, fragment of quiver and arrow-heads.



XXX. Железные наконечники стрел обнаруженные на 1-м холме.
Iron arrow-heads discovered on the first hill.

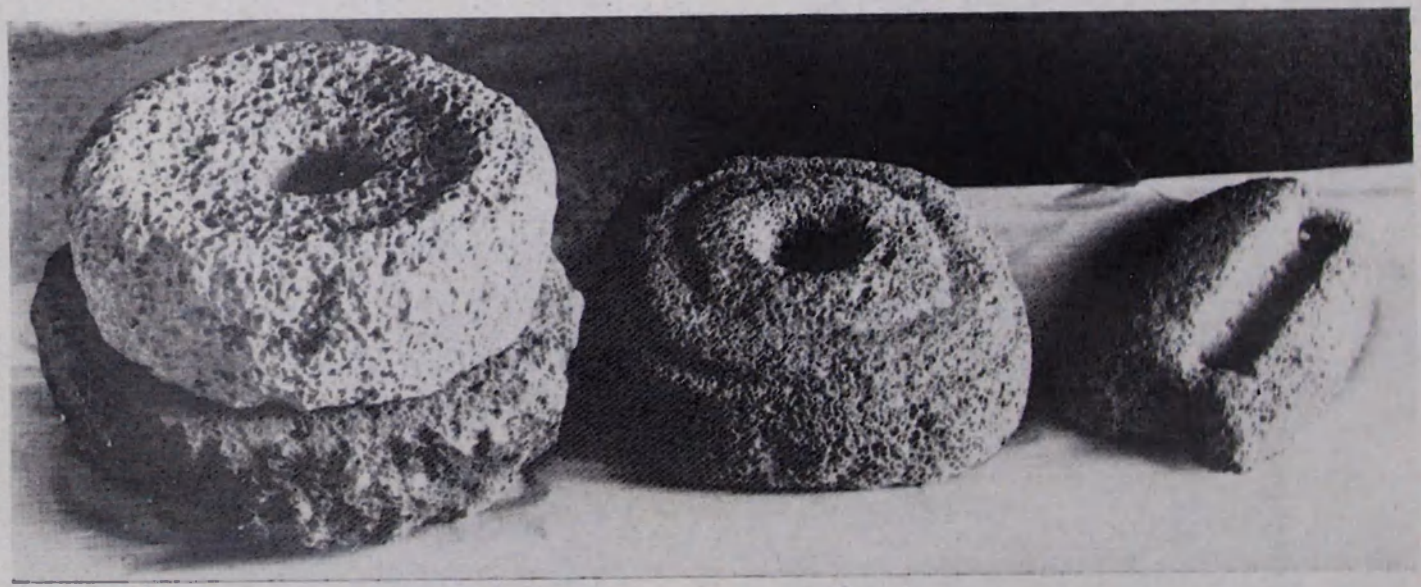
XXXI. Железные наконечники копий и дротиков, обнаруженные на I-м холме,
Iron heads of spears and darts, discovered on the first hill.



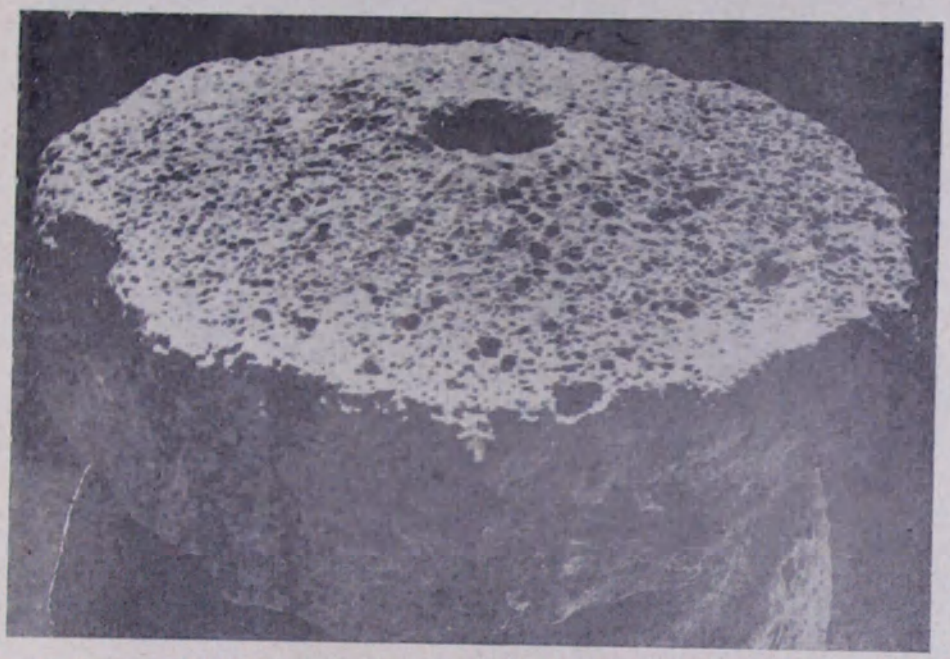
XXXII. Железные кинжалы. Iron daggers.

XXXIII. Железный кинжал. Iron dagger.

XXXIV. Верхние камни зернотерок, приводимые в движение с помощью рычага.
Upper quern stones brought into motion by means of a handle.



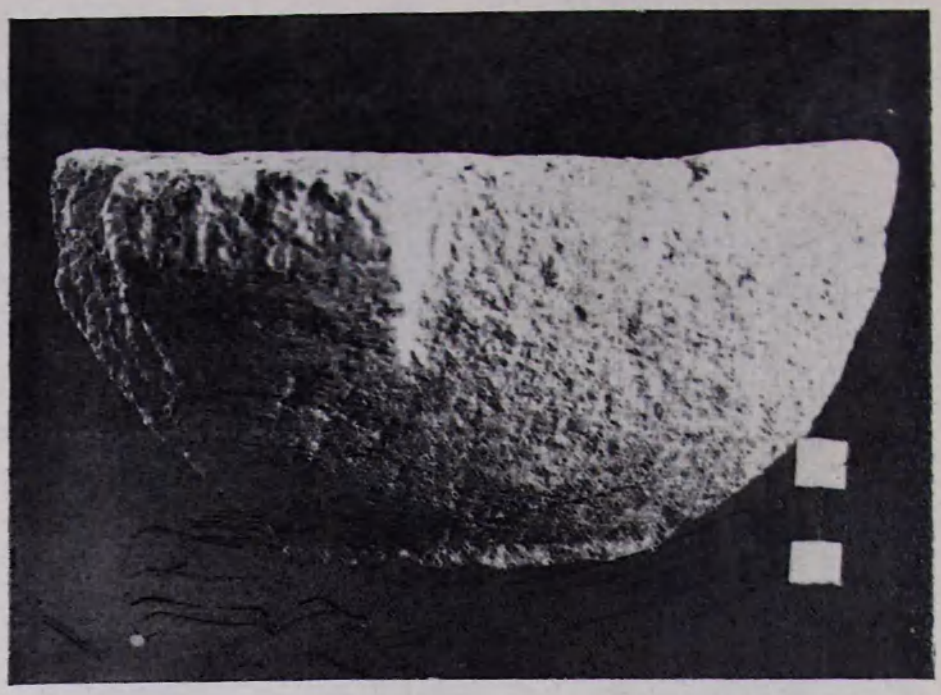
XXXV. Верхний камень зернотерки с выемом для рычага и жернова.
Upper quern stone with hollow for the handle and the millstones.

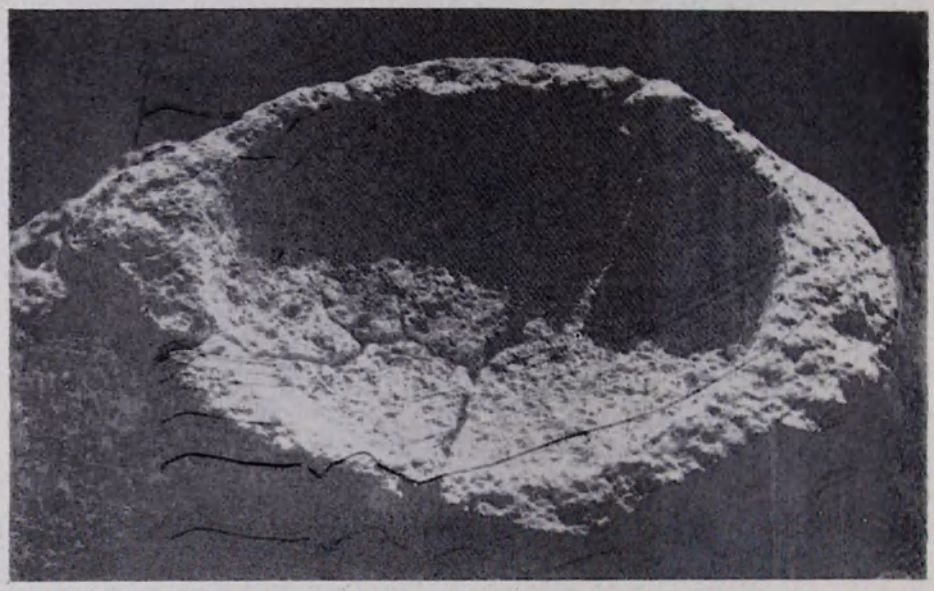


XXXVI. Жернова.
Millstones.

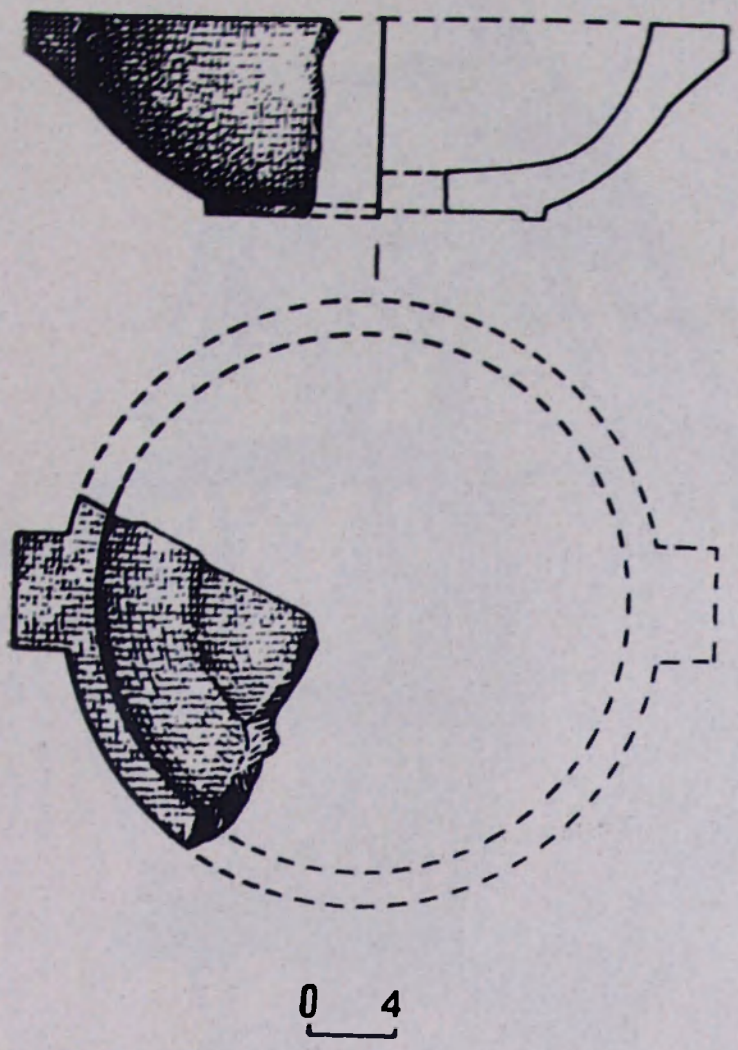
XXXVII. Каменная ступка больших размеров базальта.
Stone mortar.

XXVIII. Каменные ступки, малых размеров из базальта и гранодиорита.
Stone mortars.

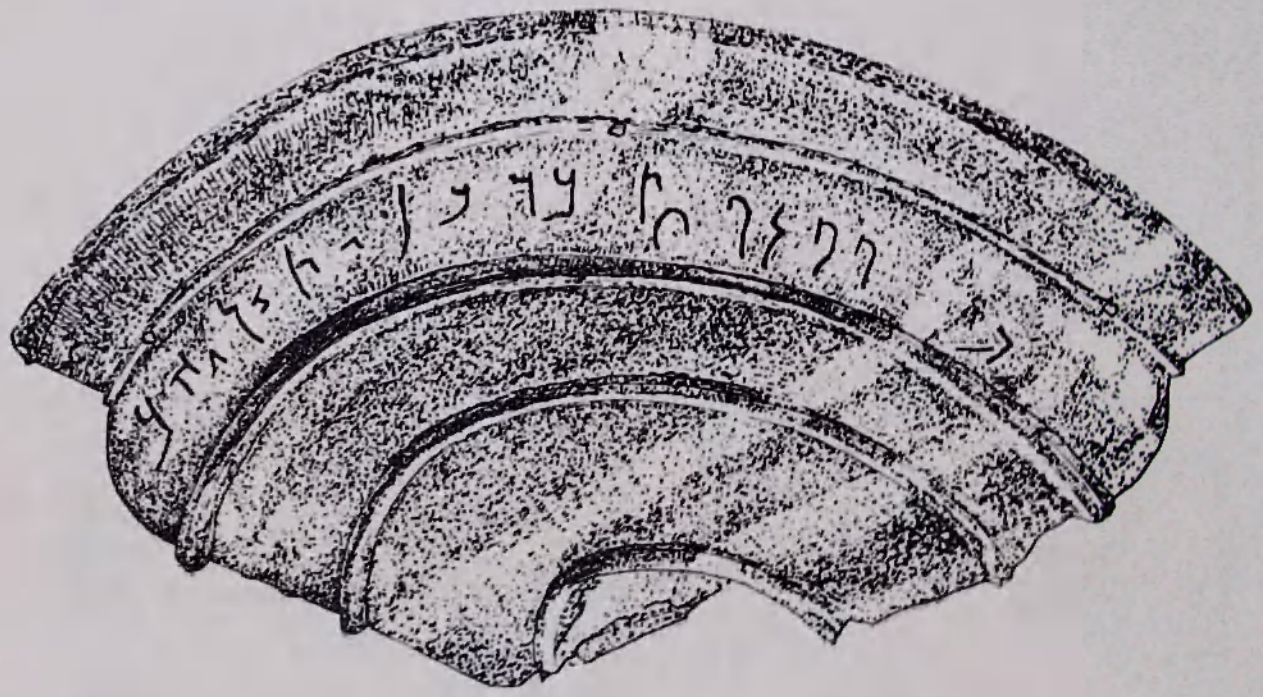




XXIX. Чаша и ваза из камня.
Bowl and vase of stone.



XI.. Ваза каменная
Stone vases.



XLI. Тарелка из лазурита с арамейской надписью.
Plate of lapis lazuli with Aramaic inscription.

XLII. Мраморные сосуды, типа алабастр, импортные.
Alabaster type marble vessels; imported.

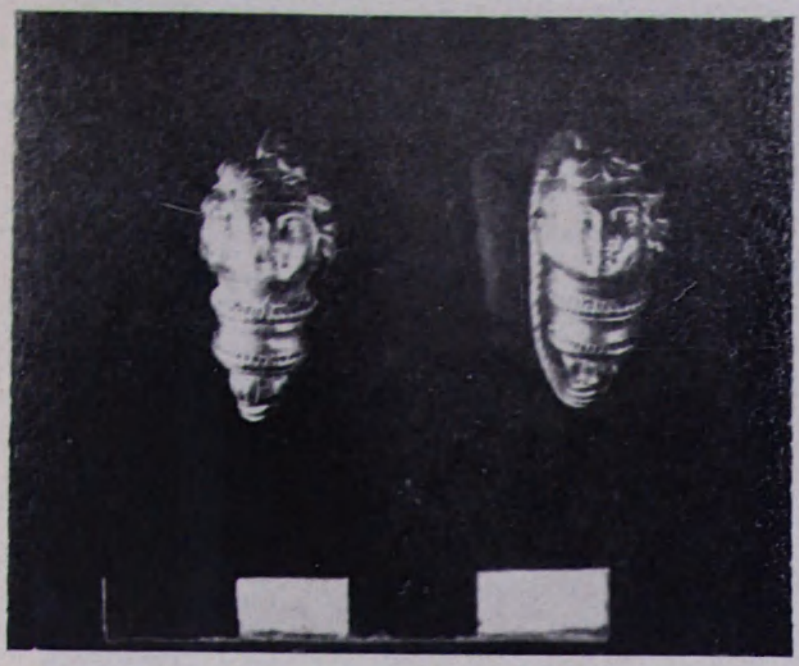
XLIII. Часть бронзового браслета с головой дракона и бронзовый сосуд с фигурой гиппокампа (морского конька) на борту.
Fragment of a bronze bracelet with the head of a draggon, and a bronze vessel with the figure of hyppocampus on the side.

XLIV. Бронзовая статуэтка орла, сидящая на голове оленя.
Bronze statuette of an eagle perched on the head of a deer.

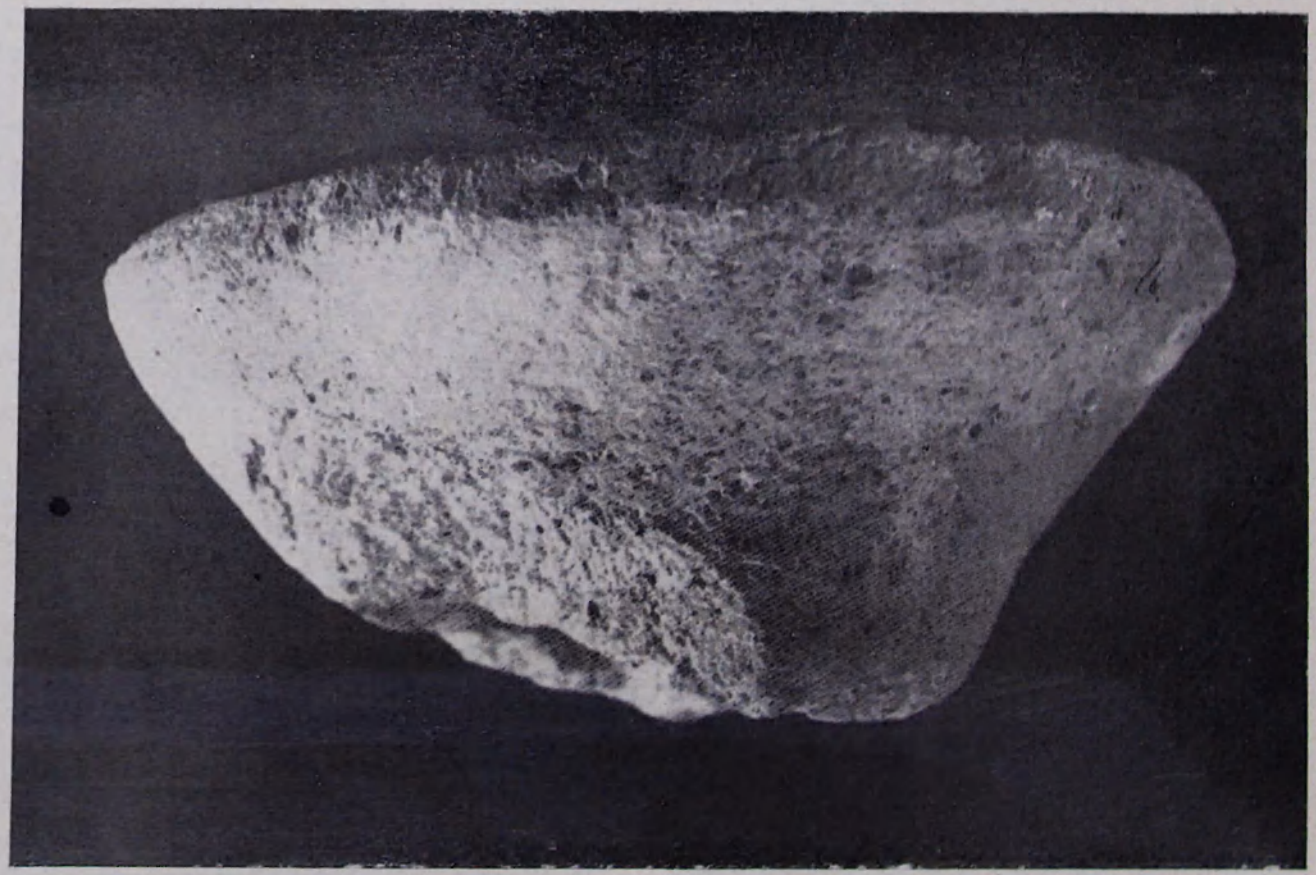
XLV. Серебряная статуэтка козла.
Silver statuette of a goat.

XLVI. Серебряная статуэтка амура.
Silver statuette of amour.

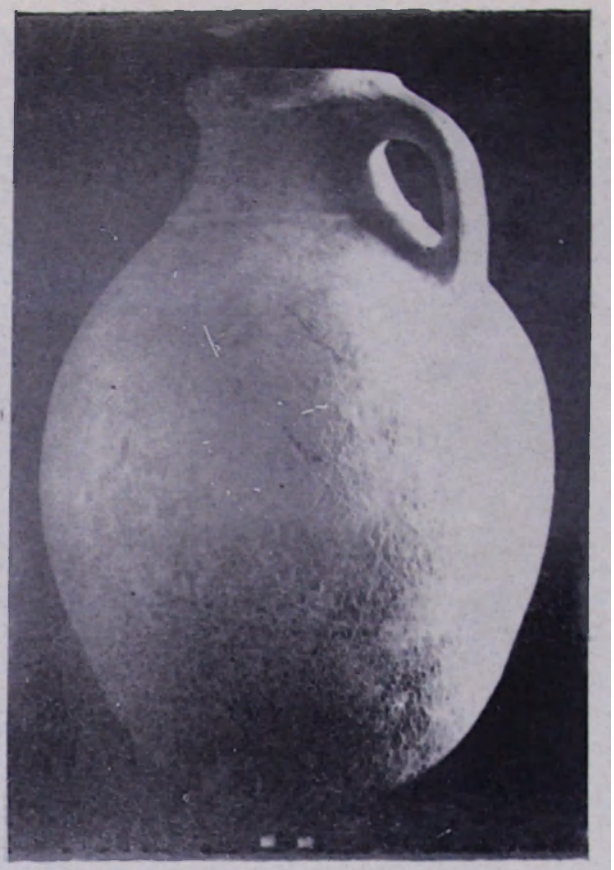
XLVII. Серебряная ручка от сосуда, в виде гиппокампа (морского конька).
Silver handle of a vessel in the form of hyppocampus.



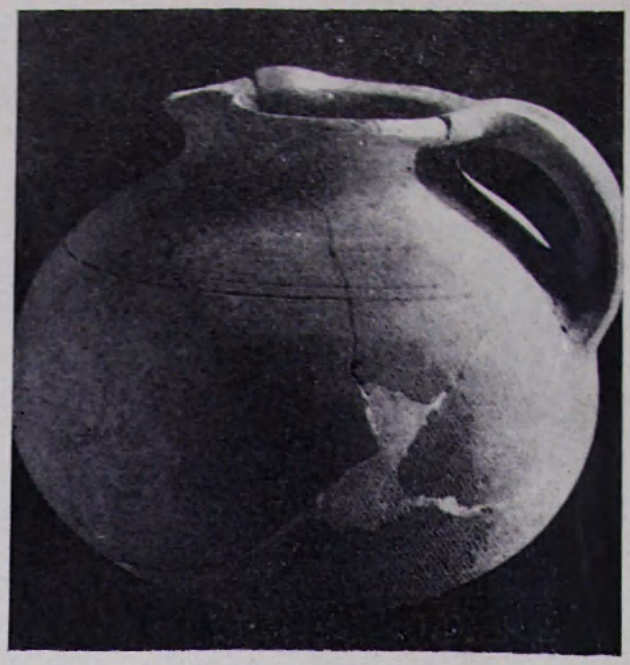
XLVIII. Золотые серьги, листья сельдерея и нагубник, из погребения.
Golden rings, celery leaves and lip cover from a grave.

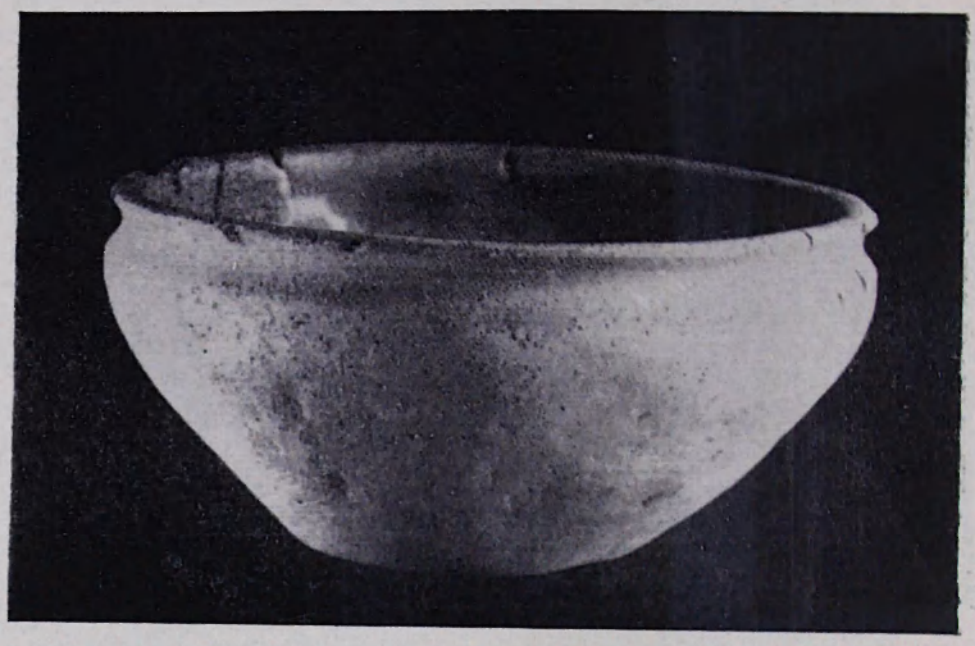


XLIX. Гончарный круг.
Potter's wheel.



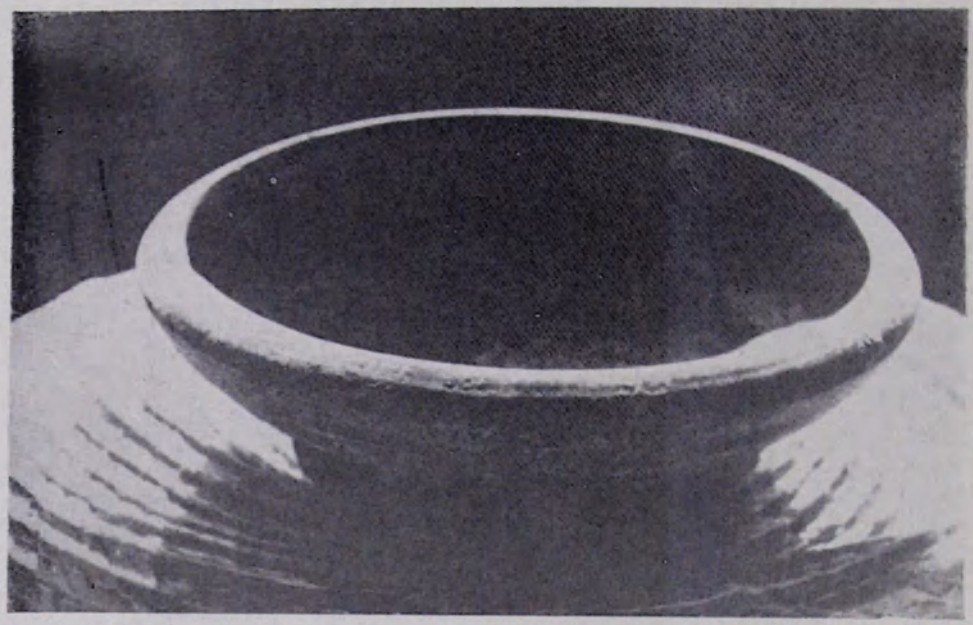
L. Глиняные кувшины, традиционно местного типа.
Earthen pitchers in the traditional local style.



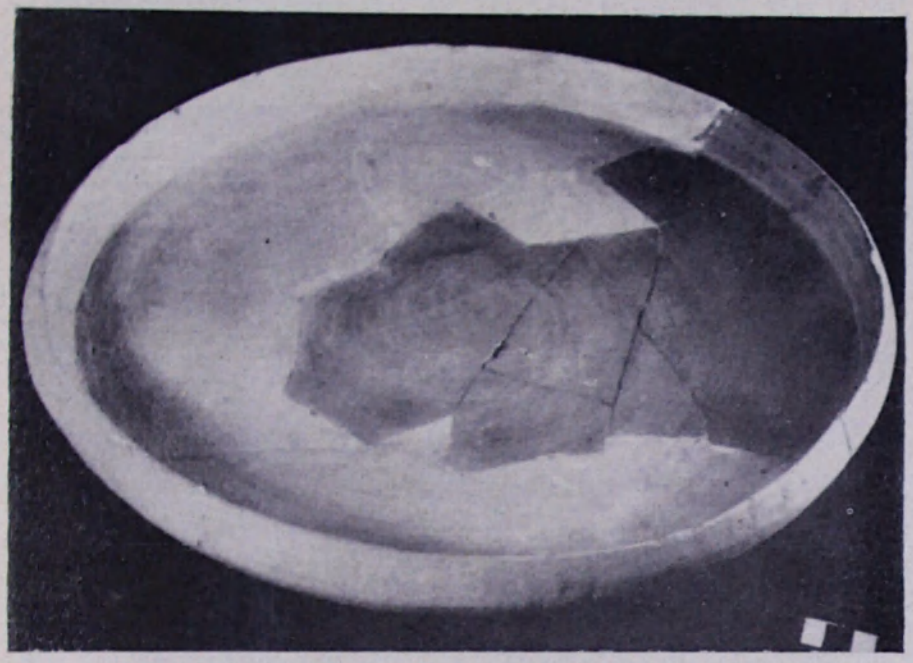


I.I. Οἰνοχοή и миска.
Oinochoe and basin.

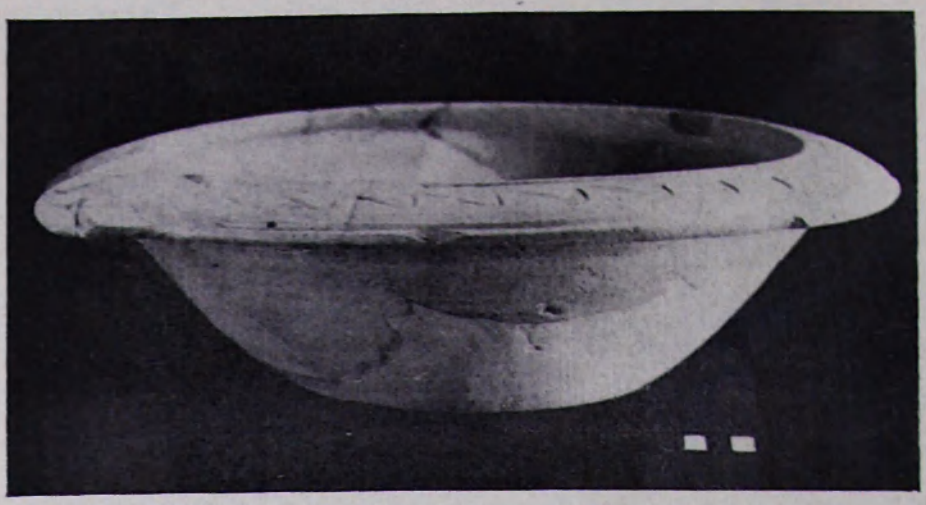
I.II. Глиняные сосуды.
Ceramic vessels.

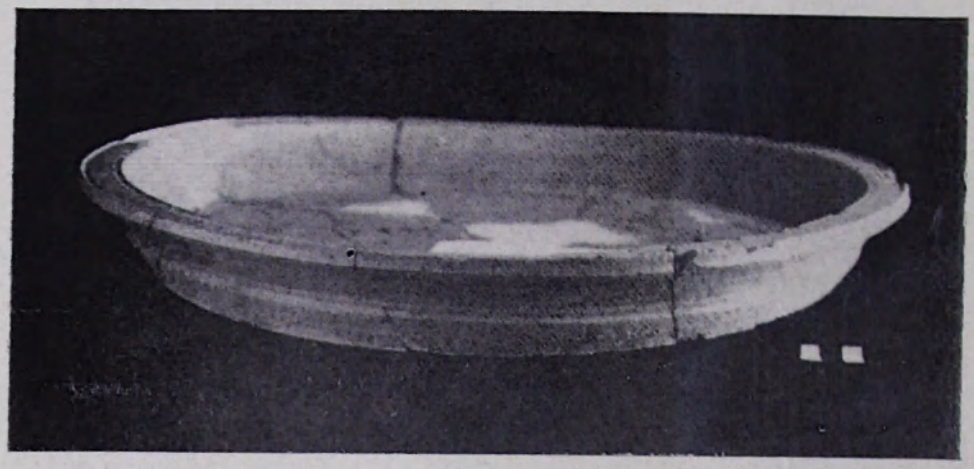


LIII. Рыбная тарелка и верхняя часть большого сосуда.
Fish plate and large vessel.



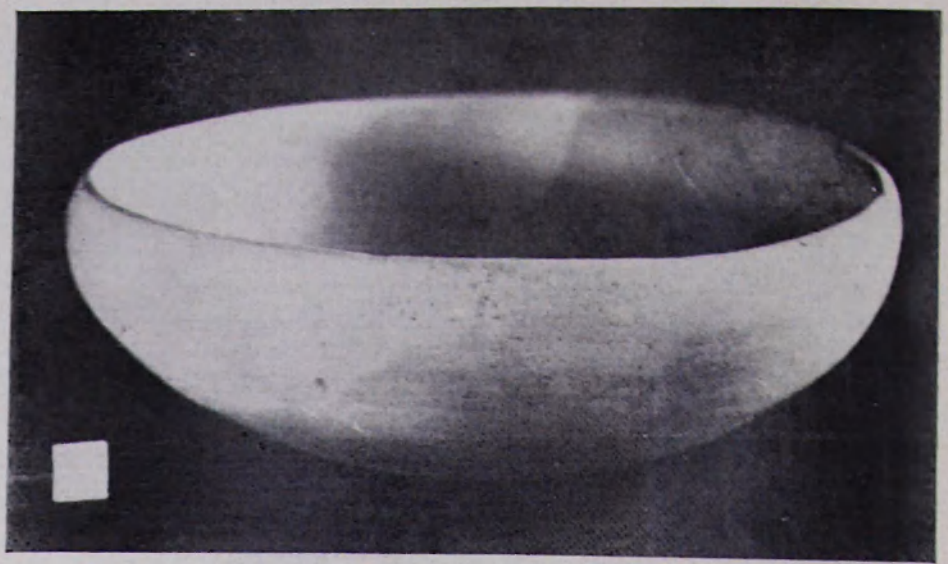
I.IV. Краснолощеные тарелки.
Red polished plates.





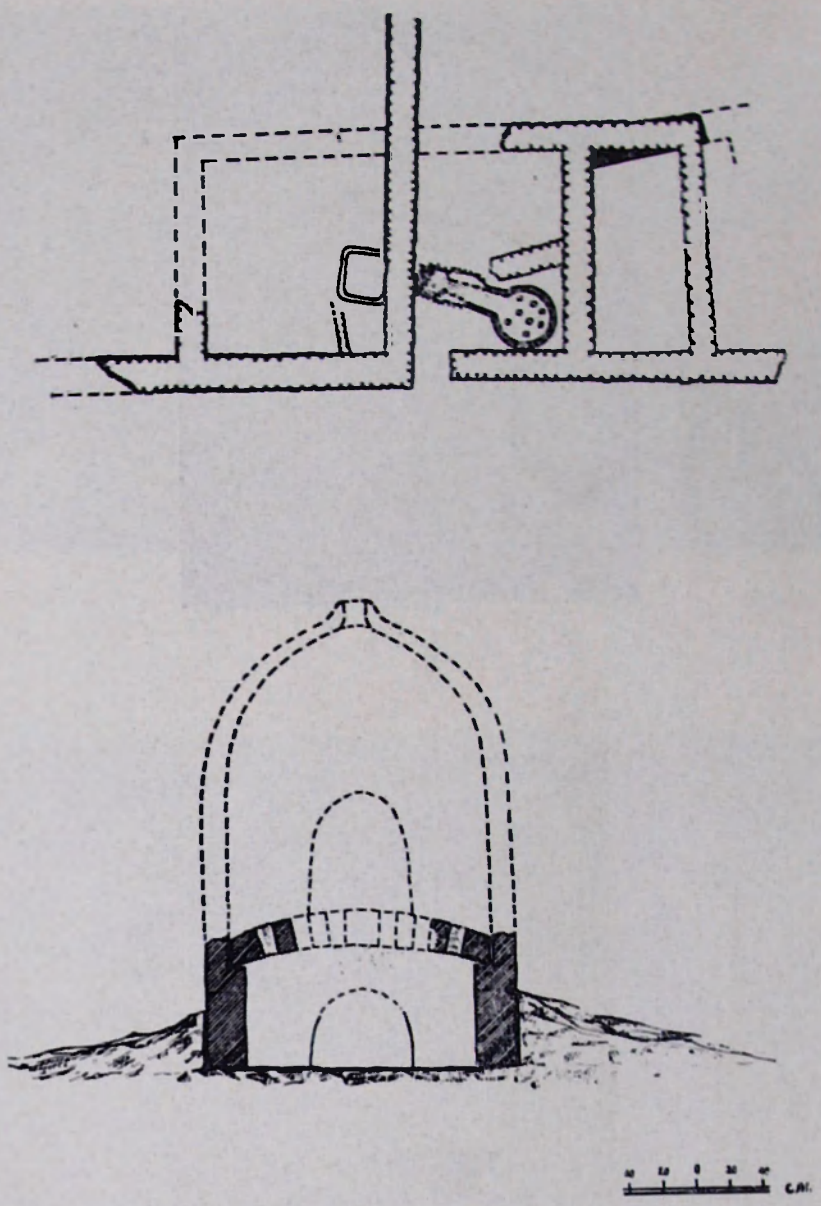
LV. Миска и тарелка.
Basin and plate.

LVI. Амфориск и ручка амфоры с клеймом, импортные.
Amphorisk and handle of an amphora with a stamp; imported.



LVII. Чаша и миска.
Cup and basin.

I.VIII. Фляга и амфора, поливные, импортные.
Flask and glazed amphora; imported.



LIX. План гончарной мастерской и разрез обжигательной печи.
Cross-section of a ceramic oven and scheme of a pottery shop.

LX. Печь для обжига керамики.
Ceramic oven.

LXI. Глиняный саркофаг.
Ceramic sarcophagus

I.XII. Мраморная статуя «Афродита Арташатская», позднеэллинистического времени (конец II—начало I вв. до н. э.).
Marble statue of «Aphrodite of Artashat»; late Hellentstic period (end of the second and bergnning of the first cc. B. C.).

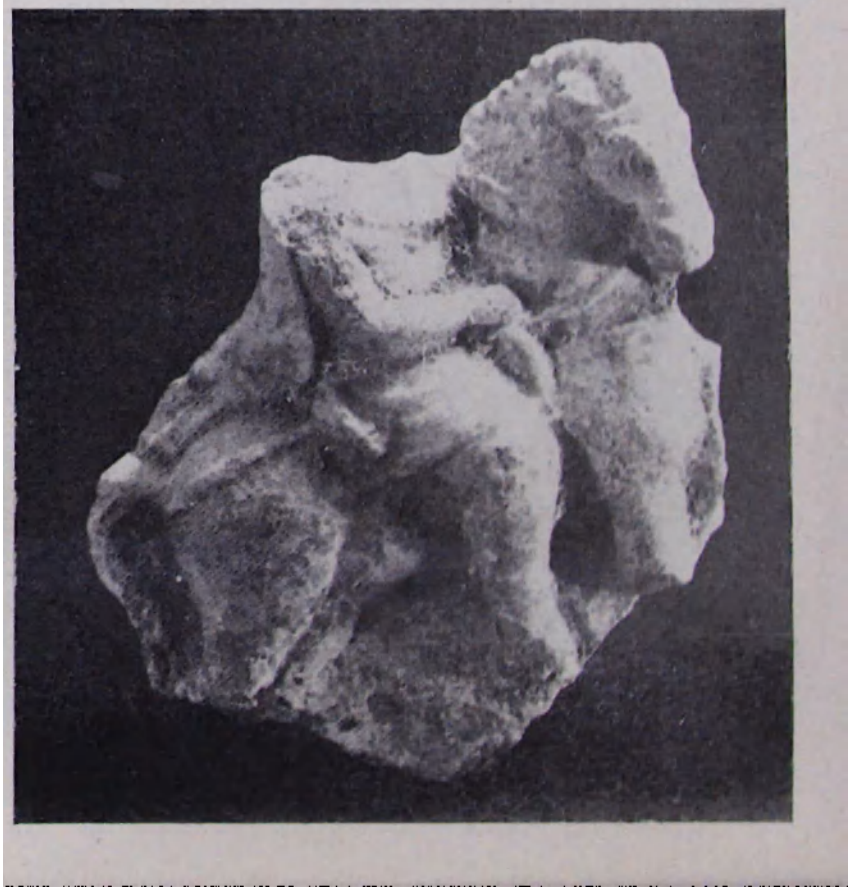
LXIII. Та же статуя с тыловой стороны и фрагменты другой мраморной статуи.
The same statue from the back and fragments of another marble statue.

LXIV Терракотовые статуэтки матери с ребенком.
Terra-cotta statuettes of mother and child.

LXV. Терракотовые статуэтки женщин, играющих на кифаре и на лютне.
Terra-cotta statuettes of women playing the cithara and the lute.

LXVI. Терракотовые статуэтки—Афродита перед купанием.
Terra-cotta statuettes—Aphrodite before bathing.

LXVII. Терракотовые статуэтки всадников.
Terra-cotta statuettes of horsemen.



LXVIII. Голова барана и всадник.
Head of a ram and a horseman

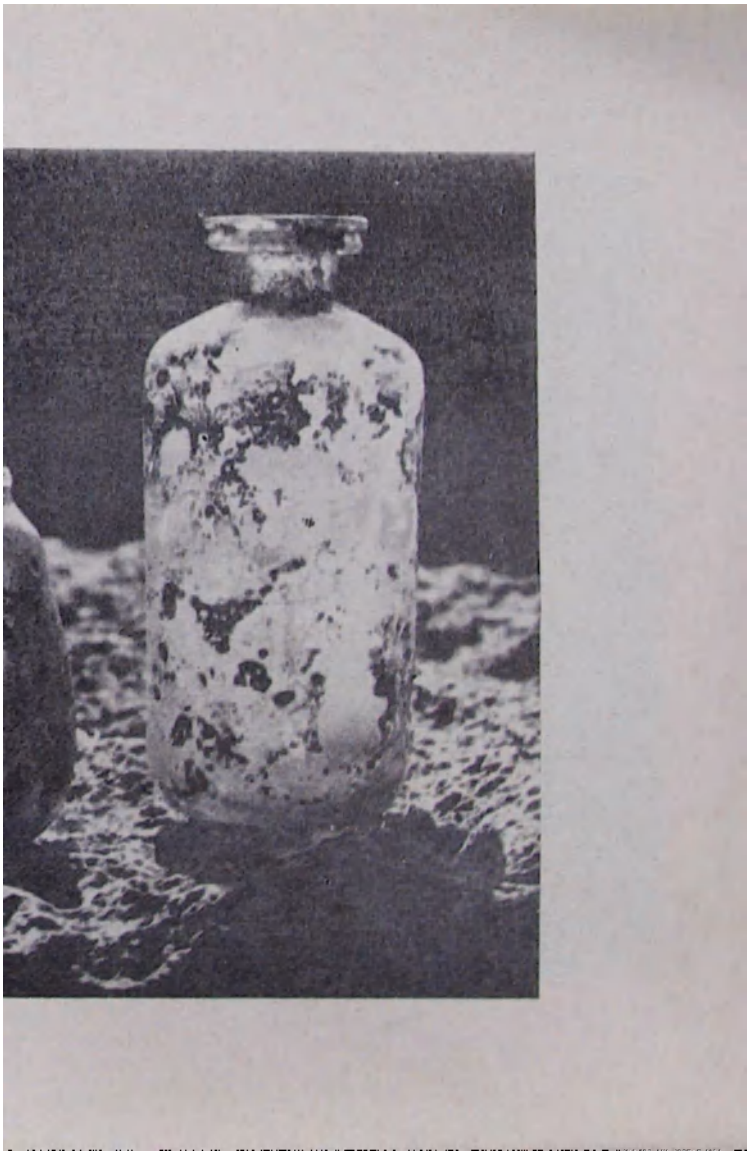
LXIX. Терракотовые статуэтки всадников характерного для Арташата типа.
Terra-cotta statuettes of horsemen of a type characteristic of Artashat.

LXX. Терракотовые статуэтки воинов.
Terra-cotta statuettes of soldiers.

LXXI. Терракотовая статуэтка женщины, играющей на кифаре и Силена.
Terra-cotta statue of a woman playing the cithara and Silenus.

LXXII. Голова женщины и маска.
Head of a woman and mask.

LXXIII. Стеклянные сосуды цилиндрической формы.
Glass flasks, cylindrical in shape.



LXXIV. Стеклянные сосуды местного производства.
Glass flasks.

LXXV. Стеклянные сосуды, импортные.
Glass flasks, imported.

LXXVI Серебряные монеты, часть клада монет Тиграна II, найденного в Арташате.
Silver coins; part of Tigranes II's hoard of money uncovered in Artashat

LXXVII. Портреты Тиграна II на монетах найденных в Арташате.
Portrait of Tigranes II on coins found in Artashat.

I.XXVIII. Городская монета 183 г. н. э. с греческой надписью «Артаксата—столица.
City coin of 183 A. D. with the greek inscription Artaxata—the capital.

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

В СЕРИИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ» ИЗДАНО

№ 1

КАРМИР-БЛУР, I

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа 1939—1949 гг.

Ереван 1950

№ 2

КАРМИР-БЛУР, II

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа 1949—1950 гг.

Ереван 1952

№ 3

ГАРНИ, I

Б. Н. АРАКЕЛЯН

Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР 1949—1950 гг.

Ереван 1951

№ 4

РАСКОПКИ В ГОЛОВИНО

А. А. МАРТИРОСЯН

Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Комитета по охране древностей Армении в 1929 и 1950 гг.

Ереван 1954

№ 5

КАРМИР-БЛУР, III

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа 1951—1953 гг.

Ереван 1955

№ 6

КАРМИР-БЛУР, IV

К. Л. ОГАНЕСЯН

Архитектура Тейшебаини.

Ереван 1955

№ 7

ГАРНИ, II

Б. Н. АРАКЕЛЯН

Результаты работ гарнийской археологической экспедиции 1951—1955 гг. (античный период).

Ереван 1957

№ 8

ДЖРВЕЖ, I

И. М. ТОКАРСКИЙ

Результаты работ джрвежской археологической экспедиции 1957 г.

Ереван 1959

№ 9

АРИИ-БЕРД. I

Е. Л. ОГАНЕСЯН

Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950—1959 гг.

Ереван 1961

№ 10

ГАРНИ. III

Б. Н. АРАКЕЛЯН, Г. О. КАРАХАНЯН

Результаты раскопок 1949—1956 гг.

Ереван 1962

№ 11

ДЖРВЕЖ. II

Н. М. ТОКАРСКИЙ

Результаты работ джрвежской археологической экспедиции 1958—1962 гг.

Ереван 1964

№ 12

ГАРНИ. IV

Э. В. ХАНЗАДЯН

Результаты раскопок 1949—1966 гг. (с ранней бронзы до урартского периода включительно).

Ереван 1969

№ 13

ДВИН. I

А. А. КАЛАНТАРЯН

Раскопки центрального квартала 1964—1970 гг.

Ереван 1976

№ 14

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЕХУТА

Р. М. ТОРОСЯН

Раннеземледельческое поселение Техута (IV тыс. до н. э.).

Ереван 1976

№ 15

ГАРНИ. V

Ж. Д. ХАЧАТРЯН

Античный некрополь (результаты раскопок 1956—1972 гг.)

Ереван 1976

№ 16

АРТАШАТ. I

Б. Н. АРАКЕЛЯН

Основные результаты раскопок 1970—1977 гг.

Ереван 1982

№ 17

АРТАШАТ. II

Ж. Д. ХАЧАТРЯН

Античные некрополи (раскопки 1971—1977 гг.)

Ереван 1981

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Арташат—столица 9
Местоположение и территория Арташата 17
Остатки крепостных стен и зданий 20
Раскопки на холмах внутри крепостных стен 22
Средства обороны, оружие 29
Орудия труда и изделия из камня 30
Художественные изделия из металла 34
Керамика 38
Скульптура 42
Терракотовые статуэтки 44
Стекло 48
Монеты и торговые связи 50
Послесловие 53
Artashat. On Results of excavations in 1970—1977 56
Список таблиц 64
Список цветных таблиц 66
List of Plates 66
List of colour plates 68
Таблицы 69

CONTENTS

Foreword 5
Artashat, capital of ancient Armenia 9
Location and territory of Artashat 17
Remains of fortress walls and buildings 20
Excavations on the hills inside of fortress walls 21
Defence means and weapons 29
Tools and stonewares 30
Artistic made metalwares 34
Ceramics 36
Sculpture 42
Terra cotta Statuettes 44
Glass 48
Coins and trade contacts 50
Afterword 53
Artashat. Results of excavations (Summary in English) 56
List of Plates (in Russian) 64
List of colour plates (in Russian) 66
List of Plates (in English) 66
List of colour plates 68
Plates 69

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 16

БАБКЕН НИКОЛАЕВИЧ АРАКЕЛЯН

АРТАШАТ

I

Основные результаты раскопок
1970—1977 гг.

Редактор издательства
С. М. Даниелян
Худ. редактор
Г. Н. Горцакалян
Технич. редактор
А. М. Манучарян
Корректор
Л. С. Азатян

ИБ № 419

Сдано в набор 26.12.1980 г. Подписано к печати 28.06.1982 г.
ВФ 3858. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1. Шрифт «Литературный», высокая печать. Печ. л. 4,5+7,6 рис.+8 вкл. Усл. печ. л. 13,87. Учетно-изд. л. 10,62.
Тираж 3000. Зак. 1116. Изд. № 5472. Цена 1 р. 80 к.
Издательство Академии наук АрмССР. 375019 Ереван, Барекамутян 24-г.
Типография Издательства АН Армянской ССР, г. Эчмиадзин